

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

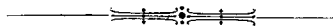
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1901

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ОТДѢЛЪ I.

Этнологическій очеркъ Зырянъ.

ГЛАВА I.

Природа мѣстности.

Этнографъ, ѣдущій по Вычегдѣ, смотря на угрюмые лѣса и рѣдкія ела съ палубы парохода, догадывается, что здѣсь жизнь расположена въ одну линію—вдоль рѣки, культурная часть мѣстности имѣетъ одно измѣреніе, а не два. Въ „холодной дачѣ“, какою кажется ему эта мѣстность, между рѣками нѣтъ жизни — тамъ лѣса и болота. Недаромъ сами Зыряне другія части Россіи называютъ „Пасьвыдъ—мѣста“—широкія мѣста. Здѣсь нѣтъ фабрикъ и заводовъ, которые даютъ жизни разнообразіе, нѣтъ шоссе-ныхъ дорогъ, рѣка и лѣсная дорога возлѣ рѣки—вотъ пути сообщенія. Земледѣліе однообразно—трехпольной системы, и только вдоль рѣки, остальная страна эксплуатируется охотой. Лишь въ послѣднее время тамъ и сямъ производится рубка и сплавъ лѣса, нѣсколько оживляющіе край.

Такое простое явленіе, т. е. то, что жизнь здѣсь пока возможна только вдоль рѣки имѣетъ важное, по моему мнѣнію, значеніе для психологіи народа. Эта жизнь ничего не создаетъ ни въ наукѣ, ни въ поэзіи, ни въ промышленности,—здѣсь живетъ ровный, умный народъ, уклоненія невозможны; человекъ, болѣе впечатлительный, чѣмъ средній, со способностями, отличными отъ нормы, долженъ отсюда бѣжать или подпасть подъ власть алкоголя, потому что ему некуда примѣнить особенности психическаго склада. „Отъ насъ ученый бѣжить далеко“, говорятъ Зыряне. „Вино насъ погубило“, говорятъ они всѣ, кромѣ ровно-умныхъ, средне-зажиточныхъ крестьянъ-охотниковъ: они—норма страны. Здѣсь невозможна никакая интеллигенція, пока промышленность не сдѣлаетъ эту жизнь болѣе разнообразною.

Такова здѣсь культурная жизнь человекъ, она однолинейна. Но есть здѣсь и нѣчто другое—лѣсная жизнь. Лѣса наполняютъ почти все простран-

ство. Они—мѣсто охоты и подвиговъ, они—источникъ мистицизма и поэзіи. Лѣса не стѣнены рѣками, они безпредѣльны, и они развили чрезвычайную подвижность характера зырянина. Какъ мало въ немъ общественнаго ума, также много дикой, стихійной силы. Сколь робокъ зырянинъ въ общественно-культурномъ отношеніи какъ воспитанникъ узкой, въ одну линію расположенной жизни, столь же онъ смѣлъ и отваженъ, какъ охотникъ, какъ человѣкъ отхожихъ промысловъ, „онъ сынъ просторныхъ, вольныхъ лѣсовъ“.

При разсматриваніи природы мѣстности важно поэтому имѣть въ виду эти два фактора—однолинейность въ расположеніи сель и деревень, обусловленная суровостью климата и отдаленностью мѣстности отъ промышленныхъ центровъ, и обширные лѣса, покрывающіе страну. Второй факторъ, быть можетъ, важнѣйшій и на немъ поэтому нужно остановиться подробнѣе.

Какое впечатлѣніе производитъ лѣсъ на зырянина, видно уже изъ того, съ какою любовью относится онъ къ нему и къ его особенностямъ, какое обиліе названій имѣется для этихъ особенностей лѣса. Такъ, напр. возвышенноровное мѣсто, покрытое елью, называется прама. Этимъ же именемъ называется невысокое мѣсто, сухое, покрытое елью и окруженное возвышенностями (отъ этого слова „парма“ г. Лыткинъ производитъ слово Пермь). Ровное мѣсто съ елью называется чѣтчокос. Сырое мѣсто, гдѣ растетъ береза—и ѳнѳдъ, сухое мѣсто, покрытое березой, расъ; возвышенное мѣсто, гдѣ сосны,—ягъ (не отсюда ли баба-яга?): холмикъ, гдѣ сосны, давъ; холмъ среди нормы гринѳкъ, террасовидное мѣсто—керѳе и т. д. Все это отмѣчалось Зыряниномъ, изучалось съ большой любовью, вліяло на его душу. Каждая рѣчка въ лѣсу, каждый ручеекъ, каждая горка имѣютъ названія. Послѣднія часто кончаются на слоги: ю (рѣчка) и йоль (рѣчка). Не только всѣ животныя и птицы носятъ зырянскія имена, но и цвѣты и грибы тщательнѣе изучены и псименованы. Все это свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ вниманіи зырянина къ содержанію и жизни лѣса.

Дремучій лѣсъ далъ шаманству Зырянъ опредѣленное направленіе. Богъ лѣса—вѳрса—заялъ центральное мѣсто между богами, если не по могуществу, то по близости къ человѣку. Теперь, когда всѣ старые боги забыты, богъ лѣса еще играетъ огромную роль въ ихъ повѣрїяхъ, въ суевѣрныхъ разсказахъ. Онъ нѣтъ, нѣтъ, да и появится со своею собакою между охотниками и закричитъ: тѳт, тѳт! такъ влечетъ онъ свою собаку.

Своеобразный мистицизмъ Зырянъ обязанъ своимъ развитіемъ лѣсу и охотѣ. Дремучій лѣсъ всегда полонъ неожиданностей, напастей и бѣдъ, онъ развиваетъ въ человѣкѣ мысль о величіи и важности существующаго, съ другой стороны—недовѣріе къ видимости чего бы то ни было. Намѣреваясь изложить значеніе охоты для выработки міросозерцанія немного ниже, здѣсь

скажу только, что лѣсъ впервые, быть можетъ, научилъ зырянина заговору. Въ лѣсу можно поставить такіе знаки (что и дѣлается), благодаря которымъ вы можете вернуться тѣмъ же путемъ, какимъ шли, тогда какъ никто другой не можетъ читать этихъ знаковъ. Является мысль о секретѣ, о заговорѣ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ Зыряне. Произнося разныя заклинанія въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ, близъ сосны, на берегу ручья, человекъ замѣчаетъ время и мѣсто и потомъ узнаетъ, что слова его измѣнили это дерево, тотъ ручей. Такъ вырабатывается взглядъ, что слово измѣняетъ предметы своей таинственной силой, скрытой въ немъ. Вырабатывается характерная черта мистицизма Зырянъ.

Не только крупныя свойства лѣса, но и мелкія особенности его, въ родѣ того, что въ немъ легко можно заблудиться, были опоэтизированы и мифифицированы. Такъ народъ говоритъ, что въ лѣсу растутъ цѣлебныя травы (никонова трава, адамова голова, грыжная трава). Но часто бываетъ, говорятъ, что разъ найдемъ то мѣсто, гдѣ онѣ растутъ, а другой разъ туда же придемъ, да не увидишь этого мѣста, „не показывается“.

Такъ какъ горъ (высокихъ) у Зырянъ нѣтъ, ни озеръ (одно лишь небольшое озеро Сымты у верховьевъ Вишеры), то кромѣ лѣса и довольно крупныхъ рѣкъ, ничто не развиваетъ ихъ предприимчивости, отважности, мужества. Но эти факторы — лѣсъ и довольно большія рѣки — сдѣлали свое дѣло. Это видимы мы на томъ, какъ отличается Зырянинъ отъ Вотяка, который столь близокъ по языку къ Зырянину и отъ Финна, живущаго среди скалъ и озеръ Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ это сравненіе даетъ намъ возможность понять психологическое значеніе лѣса въ исторіи Зырянъ съ новой точки зрѣнія.

Зыряне предприимчивы, отважны, космополитичны; вотяки не предприимчивы, робки, любятъ свой домашній очагъ болѣе всего. Почему это? Финны скалистой Финляндіи настойчивы, терпѣливы, чрезвычайно любятъ свою угрюмую страну, Зыряне хотя тоже настойчивы, но не такъ послѣдовательны, болѣе увлекающіеся и стремятся куда то вдаль отъ своей родины — въ Сибирь, въ Вятскую губ. и т. п. Зыряне, Финны, Вотяки — всѣ они финскаго племени, одной урало-алтайской расы, что видно изъ ихъ языка съ одинаковыми корнями, одинаковаго строенія, между тѣмъ психологія ихъ весьма различна.

Мнѣ кажется, обзоръ мѣстностей, гдѣ они живутъ, въ нѣкоторой степени объясняетъ намъ эту разницу въ ихъ характерахъ. Вотяки живутъ на маленькихъ рѣчкахъ и на верховьяхъ рѣкъ (на Чепцѣ, на Ижѣ и т. д.). Они не имѣя большихъ лѣсовъ для охоты, главнымъ образомъ — земледѣльцы и, стѣсненные судьбою, утратили прежнюю отвагу, живя на маленькихъ рѣчкахъ, охотничая въ небольшихъ лѣсахъ. Зыряне живутъ на Печорѣ, на Ижмѣ, Вычегдѣ, на рѣкахъ, довольно большихъ, окруженные без-

предѣльными лѣсами; гдѣ полный просторъ для охотниковъ, на лыжахъ пересѣкающихъ эти дремучія чащи. Большія рѣки развиваютъ отважность и предприимчивость; далекая охота, въ сотняхъ верстъ отъ роднаго угла, дѣлаетъ человѣка чуждымъ домашнему очагу, охота благопріятна для здоровья и развиваетъ смѣлливость и удалство. Отсюда мы видимъ, что мѣстности, гдѣ живутъ Вотяки и Зыряне, объясняютъ разницу характеровъ, давно подмѣченную этнографами. Относительно Финновъ нужно сказать, что они живутъ среди скалъ и озеръ, въ борьбѣ съ суровой стихіей развили свои силы, но, не имѣя большихъ пространствъ для своей дѣятельности, энергію свою употребили не на разширеніе, а на углубленіе своей жизни и, живя въ тѣсномъ пространствѣ, отлично разработали свой уголокъ. Зыряне и Вотяки жили все время при иныхъ условіяхъ, и жизнь ихъ не такъ интенсивна, какъ жизнь финна. Такъ географія разъясняетъ этническую разницу этихъ племенъ, между которыми одно общее—настойчивость. Изъ такого сопоставленія видимъ мы, какое значеніе имѣетъ обширный дремучій лѣсъ на психическій складъ зырянина.

Теперь скажемъ о третьемъ свойствѣ той мѣстности, гдѣ живутъ Зыряне, такъ какъ это свойство тоже имѣетъ вліяніе на психическій складъ человѣка вообще. Это однообразіе пейзажей, однообразіе красокъ и сочетанія линій. Все тѣ же низменные берега рѣки, тѣ же хвой, тѣ же села на холмахъ надъ рѣкою—эти однообразныя картины утомляютъ вашъ взоръ. Рѣка, по берегамъ сосновые лѣса, еловые лѣса, села и т. д. все одно и тоже безъ конца. Невольно думается вамъ, что художественныя способности народа должны быть мало развиты въ этой мѣстности. Звонкіе ручьи въ лѣсахъ, шумъ деревьевъ, пѣніе птицъ, свистъ вѣтровъ могли еще развитъ музыкальныя способности, но художественности не на чемъ развиться. Такъ оно и есть въ дѣйствительности, хотя отсутствіе художественности обязано не одному этому фактору, но и другимъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Поэтовъ, пѣвцовъ мало между Зырянами, пѣсенъ своихъ у нихъ также мало (я знаю не больше десятка чисто зырянскихъ, хотя заимствованныхъ русскихъ значительно больше). Между тѣмъ замѣчается чрезвычайная любовь къ музыкѣ: что ни село, то и гармоничекъ тамъ. Юноши и дѣти всѣ играютъ. Есть музыкальный слухъ, но мало художественныхъ, словесныхъ концепцій, что необходимо для составленія пѣсни. Сильно чувствуетъ зырянинъ, но чувствамъ нѣтъ исхода ни въ звукахъ, ни въ краскахъ, лишь въ слезахъ и смѣхѣ все выражается и въ необычайной любви къ музыкѣ.

Такимъ образомъ однолинейность жизни, безпредѣльность лѣсовъ, однообразіе природы наложили свою печать на психическій складъ народа. Если прибавить сюда суровый климатъ, съ сугробами снѣга десяти тысячную зиму, можно представить, какимъ суровымъ, трудолюбивымъ, терпѣливымъ и въ

тоже время смѣлымъ, отважнымъ долженъ былъ стать народъ, здѣсь живущій; но есть иные факторы, осложняющіе характеръ человѣка.

ГЛАВА II.

Второй факторъ психическаго развитія народа: занятія народа.

а) Земледѣліе, б) охота. Отрицательное значеніе земледѣлія. Отсутствие поэзіи земледѣлія. Охота—источникъ мистицизма и поэзіи.

Вычегодскіе Зыряне живутъ между 60° и 63° широты въ полосѣ ячменя и отчасти ржи. По берегамъ Выми и Вишеры (сѣв. притоковъ Вычегды), гдѣ береговые холмы большею частью глядятъ на востокъ и на сѣверъ, неурожаи весьма часты, два раза въ 10 лѣтъ. Причины этихъ неурожаевъ—ранніе холода. Нужно прибавить, что и въ урожайные годы здѣсь хлѣба не хватаетъ, и это даетъ понять, почему жители Вишеры на смѣху у всѣхъ зырянъ не только за ихъ протяжный говоръ, но и за то, что они всегда были бродягами и нищими, а вымчане слыли за грубыхъ, дивихъ людей. Здѣсь народъ жилъ, конечно, всегда охотой, а теперь ходитъ на заводы въ Пермск. губ. Вычегда тоже не богата хлѣбомъ, только Локчимъ и Сысола (южные притоки Вычегды) имѣютъ достаточно своего хлѣба въ урожайные годы. Въ виду того, что мы здѣсь говоримъ о земледѣліи, какъ о факторѣ психическаго развитія народа, дѣйствовавшемъ много столѣтій, то мы должны брать его въ тѣхъ размѣрахъ, какія имѣло оно у зырянъ въ прошлыя времена. Историческія свѣдѣнія, филологическій анализъ названій предметовъ, входящихъ въ кругъ земледѣлія и др. соображенія показываютъ, что это занятіе у зырянъ въ прошлыя времена едвали было преобладающимъ. Поэтому для анализа его вліянія на характеръ народа я беру земледѣліе, которое имѣемъ въ области Вишеры.

Ѣсть кору пихты—дѣло обычное на Вишерѣ. Одинъ старикъ изъ Шойнаты мнѣ рассказывалъ, что разъ пришло повелѣніе отъ царя, чтобы Зыряне ѣли хлѣбъ изъ ягеля, лишь-бы не умирали. Старикъ дополнялъ, что тотъ и другой хлѣбъ изъ пихты (кач) и изъ ягеля довольно вкусны. Въ послѣднее время впрочемъ, благодаря заводской промышленности Пермск. губ., а нынѣ благодаря Котласко-Пермской жел. дорогѣ, Зырянину даже береговъ Вишеры и Выми не приходится ни воровать, ни „качъ“ ѣсть. Если обратить теперь вниманіе на то, какъ эти частые неурожаи дѣйствовали на умъ и характеръ народа, то нужно сказать слѣдующее. Онъ живетъ на холмахъ, глядящихъ на востокъ и на сѣверъ, знаетъ, что хлѣба у него не хватитъ даже въ урожайный годъ, а на другомъ берегу (чаще на лѣвомъ), онъ видитъ дре-

мучій лѣсъ, болота, полныя дичи, а передъ собой рѣку, текущую въ дальнее море. Народъ, одаренный физической энергіей и не стѣсненный, какъ въ Финляндіи, скалами, заставлявшими во что бы то ни стало побѣдить суровую природу, такой народъ долженъ былъ почувствовать влеченіе вдаль, разлюбить свой унылый домашій очагъ, а не пѣть про семейныя радости, не молиться богамъ земледѣлія; народъ долженъ былъ устремиться въ лѣса или въ промышленныя страны, молиться богу лѣсовъ и воды, дарить ихъ шкурами звѣрей и воспѣвать иные рѣки и города.

Такъ въ дѣйствительности оно и было, такъ оно и есть. Приведу примѣръ изъ жизни села Ыджыдъ-видъ, являющійся характернымъ для зырянъ этой мѣстности.

Сидѣли мужички между заутреней и обѣдней на бревнахъ около церкви и разсуждали о томъ, гдѣ построить домъ священнику. Многіе говорили: „гдѣ хотите, тамъ и стройте, все равно мы здѣсь не жильцы въ своей мѣстности: сегодня завтра, придется уйти намъ всею въ Сибирь или куда-нибудь“. Разговоръ былъ печальный, предъ вами апатія къ порядку и благолѣпію своего села вслѣдствіе неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Правда, мудрые изъ крестьянъ возражали первымъ: „построимте, какъ слѣдуетъ, домъ священнику: если не мы, кто-нибудь да будетъ жить здѣсь, пустовать мѣсто не будетъ, поэтому нужно все дѣлать какъ слѣдуетъ“.

Нельзя сказать, что такое настроеніе крестьянъ Вишеры временное, единичное, такъ какъ нельзя доказать, что въ прошломъ земледѣліе было лучше, что не было частыхъ неурожаевъ. Такого рода земледѣліе, гнавшее человѣка отъ дома, не создало никакихъ религіозныхъ повѣствованій, никакихъ пѣснопѣній, никакого земледѣльческаго героя, потому что поэзія религіи, какъ и всякая поэзія, есть выраженіе природы мѣстности, занятій народа и т. п. шести факторовъ, совокупнымъ дѣйствіемъ первыхъ пытаюсь я объяснить характеръ даннаго народа. У Зырянъ нѣтъ и не могло быть „Микулы Селяниновича“, тогда какъ у нихъ есть герой охоты—Йиркапъ. То обстоятельство, что земледѣліе не дало никакихъ поэтическихъ разсказовъ, не оставило никакихъ слѣдовъ мистицизма, является поучительнымъ. Очевидно, земледѣліе мало производило впечатлѣнія на воображеніе народа, которое такъ склонно всякій сколько нибудь поражающій фактъ облечь въ одежды религіознаго мистицизма. А что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ народомъ, очень чуткимъ ко всему что можно опозитизировать какимъ-либо суевѣрнымъ разсказомъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая. Одинъ крестьянинъ села Вишеры передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ. „Ходили искатели рудъ. Они буравами искали всюду мѣди и серебра. Нашли они разъ въ землѣ фигуру въ родѣ ребенка изъ камня и мѣди и поставили ее на бѣлую скатерть, говоря,—мы

нашли нѣчто доброе. На другой день рано утромъ встали, а фигуры въ родѣ ребенка уже и нѣтъ; тогда искатели рудъ начали думать, что это былъ горный хозяинъ—богъ рудъ“. Такимъ образомъ простой фактъ—исканіе руды инженерами создалъ уже мистику, хотя и на той почвѣ, быть можетъ, что древніе зыряне могли вѣрить въ подземныхъ боговъ; но и то удивительно, что земледѣліе ни съ чѣмъ языческимъ не ассоціировалось въ болѣе прочное сказаніе, между тѣмъ охота создала тѣмъ темъ суевѣрныхъ разсказовъ; земледѣліе же ничего.

Но, можетъ быть, земледѣліе, не дѣйствуя на воображеніе, развивало характеръ народа выносливость, терпѣніе?—Во 1-хъ, трудно думать, чтобы развивающее волю человѣка не оставило слѣда въ его воображеніи, во 2-хъ, фактъ извѣстный, что вліяніе земледѣлія было значительно меньше вліянія охоты, на которую времени и силъ въ прошлыя времена уходило несравненно больше, чѣмъ на воздѣлываніе полей. Поэтому, чтобы понять особенности характера зырянина, необходимо тщательнѣе разобрать значеніе охоты, какъ фактора психическаго развитія народа.

Охота была причиною развитія мистицизма къ природѣ, къ животному міру и человѣку, она же создала поэзію лѣса. Какого рода мистицизмъ по отношенію къ природѣ проникаетъ всѣ слова и дѣйствія зырянина?—Тотъ мистицизмъ, что между словомъ человѣка, думою его и событіями природы есть какая то связь. Эта связь таинственная. То обстоятельство, что она теперь объясняется благодатнымъ дѣйствіемъ угодниковъ божіихъ или черною силой демоновъ явленіе сравнительно новое, похристіанское (съ XIV—XV в.в. и позднѣе); по теперешнимъ же суевѣрнымъ разсказамъ о дѣлахъ „лѣсныхъ“, которыхъ зыряне до сихъ поръ не рѣшаются отнести къ демонамъ, бѣсамъ, эта таинственная связь объяснялась дѣйствіемъ многочисленныхъ лѣсныхъ боговъ, живущихъ въ дремучихъ чащахъ семействами, или просто принималась какъ тайна. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понимая зависимость между словомъ человѣка и природой и есть ядро мистицизма по отношенію къ природѣ. Отъ слова дерево сохнетъ, ручей измѣняетъ свое теченіе, домъ искривляется. Въ словѣ человѣка заключаются чары, волшебная сила. Отъ дурного слова зеленые листья дерева поблѣднѣютъ, вотъ какова сила слова. Такой мистицизмъ къ природѣ, какъ мы увидимъ, могъ развиваться изъ охотничьей жизни въ дремучемъ лѣсу; не религія языческая была его источникомъ, а наоборотъ, религія скорѣе была слѣдствіемъ мистицизма; или же это—два явленія сопутствующія, взаимно вліяющія. Прослѣдимъ вкратцѣ развитіе мистицизма въ душѣ охотника.

Выходитъ онъ изъ своей охотничьей избушки на охоту и говоритъ тѣ или иныя слова, пожеланія удачи, одѣвается въ томъ или иномъ порядкѣ,

замѣчаетъ тѣ или инныя примѣты. Приходитъ въ дремучій лѣсъ, попадаетъ въ „потокъ бѣлокъ“. Бѣлки куда то скачутъ, съ дерева на дерево цѣлыми стадами, и охотникъ вволю стрѣляетъ, и съ богатой добычей возвращается домой, въ свою избушку. На другой день или вообще въ другое время, охотникъ другія примѣты замѣтилъ, не въ томъ порядкѣ слова сказалъ, лужъ привѣсилъ не такъ, спѣша, и не попалъ онъ въ „бѣличій потокъ“, за цѣлый день убилъ двѣ-три бѣлки и то плохихъ, два-три рябчика, одного клеста (въ голодное время зыряне ѣдятъ послѣднихъ). Въ умѣ охотника готовы заключенія—вотъ какія слова, какія примѣты, какіе первые шаги съ утра пригодны для бѣличьей охоты. Тоже самое относительно зайцевъ, лисицъ, оленей, рябчиковъ и т. д. Всякая охота создала свои заговоры, свои заклинанія. Старые охотники меня увѣряли, что какъ де только прочтешь:

„Ты гой-гой,
Бѣлый заяць,
Не уркнись,
Не отсторонись,
Не отъ меня
Раба Божія
(имя)
Отъ всякаго вздоха
Человѣка чернаго“

и т. д.

заяць самъ прибѣжить въ петлю и на выстрѣлъ. Между словомъ и событіемъ природы есть связь, непонятная для ума, это мистическое отношеніе къ природѣ.

Мистицизмъ собственно къ животному міру обязанъ своимъ развитіемъ отчасти тому, что охота на крупныхъ звѣрей не всегда безопасна. Человѣкъ молится тому, чего онъ боится, о томъ, что отъ него не зависитъ. По этой причинѣ развилась особая тайна „ямъ сибодомъ“. Эта тайна въ частномъ случаѣ, въ охотѣ на медвѣдя, выражается въ слѣдующей формѣ. Передъ охотой на медвѣдя въ лѣсу охотники варятъ въ котлахъ „юм“ (сладкую кашу) изъ ржаной муки; тутъ получается та самая кашаца, изъ которой послѣ скисанія дѣлается квасъ. Этотъ „юм“ оставляютъ нарочно на улицѣ, передъ чомъ (избушкой), чтобы медвѣдь съѣлъ его, иначе охота невозможна. На другой день, увидавши, что котель пустъ, охотникъ молчитъ, никому не рассказываетъ о случившемся, иначе охота будетъ неудачна. Послѣ того, если охотникъ увидитъ берлогу, онъ хранитъ тоже святое молчаніе, хотя ночью не спится ему: „не онъ спитъ, спитъ только его рубашка“, а онъ вздыхаетъ и думаетъ, какъ пойдетъ охота, какъ „ям“ (жертва) принять. Товарищи,

догадываясь, тихонько говорят: „нашъ товарищъ что то видѣлъ“. Всѣ молчатъ и ждутъ.

Здѣсь видимъ мы таинственную связь между жертвой „юм“ и готовностью звѣря быть жертвой человѣку. Это остатокъ культа животныхъ отъ языческаго періода. Но и самый этотъ культъ развился изъ трудности охоты и мистическаго отношенія къ животному міру, отъ быстрога установленія связи между фактами, въ которыхъ зависимость случайная.

Еще третьяго рода развился мистицизмъ подъ вліяніемъ охоты—въ отношеніи къ человѣку. Слѣдующій маленькій рассказъ введетъ насъ въ суть дѣла.—Въ старину охотничьи артели зырянъ имѣли вожаковъ, знающихъ заговоры. Разъ одинъ вожакъ заколдовалъ, зачаровалъ другую артель и его вожака, и тѣ должны были ходить всю зиму въ засохшемъ лѣсу, гдѣ не было ни звѣрей, ни птицъ, и остаться безъ всякой добычи. Главный чародѣй въ той несчастной артели сказалъ, что если у нихъ лѣсъ сухой и въ немъ не живутъ ни звѣри, ни птицы, то пусть охотники сядутъ за шашечную доску и играютъ въ „доводъ“ (шашки). Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали: всю зиму провели, играя въ шашки. Пришло время возвратиться домой. Первая артель съ богатою добычей гордо прошла мимо второй, направляясь къ дому. „Пора домой“, сказала первая артель; „нѣтъ, мы еще заняты игрою въ шашки“, отвѣтила вторая. Первые прошли съ шумомъ и исчезли въ лѣсу, а къ вечеру возвратились къ тому же мѣсту. Долго кружились они, но никакъ не могли выбраться изъ лѣсу. Дѣло кончилось тѣмъ, что первая артель отдала всю свою добычу второй за то только, чтобы вожакъ-чародѣй второй артели позволилъ имъ вернуться домой, открывъ ихъ глаза на лѣсную дорогу.

Что здѣсь видимъ мы?—Борьбу охотничьихъ артелей въ чародѣйствѣ. Такая же борьба всегда была и между отдѣльными охотниками. Если вникнуть во все это, можно догадаться, что борьба волхованія не что иное, какъ слѣдствіе охоты; что вообще недовѣрчивое отношеніе къ человѣку, взглядъ на него, какъ на существо, могущее причинить словомъ и мыслию ужасныя, непонятныя бѣдствія, что этотъ взглядъ—слѣдствіе изолированной охотничьей жизни при слабой общественной культурѣ. Частное же явленіе—„вошидзь“ (порча)—слѣдствіе этого общаго взгляда, а этотъ взглядъ можетъ быть объясненъ вліяніемъ на воображеніе именно охоты. Охота требуетъ большихъ знаній. Нужно умѣть дѣлать лыжи для себя, длинныя сани (нортъ) для припасовъ, лукъ или пицаль, компасъ; нужно искусно сдѣлать „гес“ (теперь воспрещенный закономъ), нѣчто въ родѣ старинной большой мышеловки, именно: кусокъ бревна падаетъ на птицу, задѣвшую ногою маленькій пруттикъ, когда эта птица проходитъ сквозь сѣтку искусно устроенныхъ палочекъ; для при-

мании птицъ гес посыпается зернами. Далѣе, охотнику нужно, конечно, знать тропу, гдѣ ходитъ тотъ или иной звѣрь, гдѣ ходитъ и ищетъ пищу та или иная птица; охотникъ долженъ умѣть натягивать петли для зайца, угадывать бѣличьи потоки“ и т. д. и т. д. Все это знаніе вмѣстѣ съ таинственными словами составляетъ заговоръ, потому что заговоръ у Зырянъ не только мистическія слова, но также и секретъ какого-нибудь дѣла, искусство удачно выполнить начатое предпріятіе. Я расскажу примѣръ, изъ котораго будетъ ясно, что такое заговоръ.

Недалеко отъ села Вишеры, на берегу маленькаго озера, возвышается интересный холмъ подъ названіемъ „Кар-Мылькъ“ (городъ холмъ). Народъ утверждаетъ, что внутри этого холма имѣются разныя рѣдкости—старинные, чудскіе топоры, ножи и т. п., быть можетъ, и чудскія овалныя серебряныя деньги. Я собирался прорыть этотъ холмъ. Тогда ко мнѣ является одинъ крестьянинъ и говоритъ, что онъ видѣлъ сонъ о горѣ „Кар-Мылькъ“. Во снѣ черный человѣкъ ему сказалъ, что затѣя прорыть холмъ совершенно бесполезна, потому что мы не знаемъ заговора. А этотъ заговоръ состоитъ въ томъ, что нужно взять газетный листъ и разостлать на этомъ холмѣ, покрыть его черной скатертью, затѣмъ взять паутину тремъ человѣкамъ за три угла и такъ передергивать, тогда потаенная дверь сама откроется, и найдутся деньги въ бочкахъ, эти деньги не чудскія, а разбойничьи. Итакъ мы видимъ, что заговоръ—есть секретъ, тайное знаніе, а не только могущественное слово. Всякій охотникъ обладаетъ секретными знаніями: онъ умѣетъ испортить ружье своего сосѣда, отнять охотничье чутье у собаки, давши понюхать ей вреднаго вещества, умѣетъ исправить ту же собаку, выпустивши ей кровь изъ носу иглою и т. д. Каждый охотникъ для другого охотника кажется носителемъ всякихъ, явныхъ и секретныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ дремучемъ лѣсу въ одинокой лѣсной жизни, гдѣ воображеніе каждаго сильнѣе работаетъ. Поэтому является довѣріе и недовѣріе къ сосѣду, смотря по тому, расположенъ-ли онъ къ вамъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ существуетъ чрезвычайное вниманіе къ его словамъ, заключающимъ намеки на разные секреты. А отъ напряженнаго вниманія къ скрытому значенію словъ, произносимыхъ въ дремучемъ лѣсу среди боговъ и звѣрей уже недалеко для некультурнаго человѣка до признанія за словомъ таинственной, необычайной силы. Такъ „хитрая“ охота развиваетъ въ охотникѣ, который постоянно слышитъ таинственный шумъ лѣса и гулкій говоръ ручьевъ, мистическій взглядъ на человѣка, что онъ есть носитель тайнъ всякихъ, полезныхъ и вредныхъ силъ. Изъ этого взгляда развивается понятіе „вошидзь“ — порча, о чемъ мы скажемъ немного ниже.

Такимъ образомъ, мистицизмъ Зырянъ, какъ мистицизмъ и другихъ

прежде шаманствовавших инородцев не столько их расовое свойство, сколько слѣдствие их охотничьяго быта. Между тѣмъ, юристы и медики, имѣвшіе дѣло съ Зырянами, выражали взглядъ, что мистицизмъ этого племени такъ глубокъ, что долженъ считаться расовымъ ихъ свойствомъ. Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла, на вліяніе охоты на воображеніе человѣка и на его поэтическія струны, тѣмъ болѣе, что охота у Зырянъ единственный источникъ поэзіи и съ паденіемъ ея исчезнетъ поэзія народа, оставивъ вмѣстѣ съ промышленностью и комфортомъ жалкій, безцвѣтный матеріализмъ. Поэзія, какаѣ только есть у Зырянъ, это поэзія лѣса. Въ краткихъ поемахъ, въ суевѣрныхъ разсказахъ героями являются охотникъ, лѣсной богъ, его жена, собака лѣснаго бога и собака охотника; дѣйствіе происходитъ всегда въ дремучемъ лѣсу. Правда, имѣются сказки иного рода, но можно утверждать объ этихъ сказкахъ, что онѣ заимствованы или отъ Русскихъ или съ востока; имѣются еще зырянскія бытовья пѣсни, но оригинальныхъ очень мало, большинство—заимствованныя русскія. Лѣсная поэзія является среди Зырянъ единственною, если еще не принять въ расчетъ нѣсколько сказокъ, весьма старинныхъ, указывающихъ, на ихъ древнихъ боговъ — Енъ, богъ солнца, луны, радуги и т. п., и нѣсколько присказокъ въ вопросоотвѣтной формѣ.

Въ краткихъ поемахъ и суевѣрныхъ разсказахъ выводится Йиръ-Капъ—охотникъ, который сдѣлалъ себѣ волшебныя лыжи изъ чудесно струящаго кровь дерева. Эти лыжи сами мчались, лишь только герой ставилъ въ нихъ свои ноги. Трудная охота на оленей казалась ему очень легкою. Пока топила печь въ его избѣ, онъ ѣздилъ при помощи своихъ лыжъ рыбачить на озеро Съимты. Въ другихъ разсказахъ рисуется охотникъ неудачливый. Онъ стрѣляетъ бѣлку и все неудачно и зоветъ на помощь къ себѣ „лѣснаго бога“. Тотъ,—высокій ростомъ мужчина въ синемъ кафтанѣ, является со своею собакою и сразу застрѣливаетъ бѣлку, скажетъ „на, бери, дядя“, и исчезнетъ въ лѣсной чашѣ. Проглядываетъ иногда въ суевѣрныхъ разсказахъ и недовѣріе къ „лѣсному“ и даже, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанства враждебное чувство. Такъ разсказывается, что изъ-за хвастливаго слова охотника разъ „лѣсные“ стали бросать въ слуховое окно охотничьей избушки мертвыми бѣлками. Если бы охотникъ не догадался, по совѣту брата, крестить лапы бросаемыхъ бѣлокъ, то онъ былъ бы задушенъ ихъ массою. Такъ какъ охота требуетъ не только смѣлости и удалства, но и знанія заговоровъ, то въ числѣ разсказовъ изъ лѣсной жизни встрѣчаются и такіе, которые говорятъ о людяхъ, знающихъ страшныя заговоры. Тювѵ—колдунъ жилъ въ густомъ лѣсу и былъ веѣмъ воноваламъ коноваль“. Онъ зналъ такіе сильныя заговоры, что для усвоенія ихъ нужно отказаться отъ солнца и луны, проклясть

свѣтъ дневной, мать и отца своихъ. Шыбича — другой чародѣй, который ѣздилъ на парѣ лошадей и спускался вмѣстѣ съ ними въ рѣку, подѣ ледъ и, проѣхавъ нѣсколько верстъ подѣ водою, выѣзжалъ изъ проруби обратно на ледъ.

Преданія и рассказы, гдѣ говорится объ охотникахъ, колдунахъ, о лѣсномъ богѣ, и составляютъ лѣсную поэзію Зырянъ. Подробный ея анализъ, тщательное сопоставленіе ея содержанія съ содержаніемъ поэзіи другихъ финскихъ племенъ и вообще съ сѣвѣрной поэзіей потребуетъ много времени и мѣста, поэтому здѣсь я долженъ отказаться отъ описанія и характеристики словесности Зырянъ и удовольствоваться только констатированіемъ факта, что самобытная ихъ поэзія обусловлена почти исключительно охотой; чародѣйство и древніе высшіе боги солнца и луны только нѣсколько оживляютъ однообразное содержаніе суетѣрныхъ рассказовъ о походахъ охотниковъ.

Итакъ, охота — истинный источникъ мистицизма и поэзіи Зырянъ. Охота же въ дремучихъ лѣсахъ развила, какъ мы уже видѣли, подвижность, космополитизмъ и предпримчивость этого племени. Перехожу къ третьему фактору, измѣняющему психическій складъ народа.

Г Л А В А III.

Третій факторъ психической жизни — древняя культура народа

а) домашняя жизнь Зырянъ въ старину. б) малое развитіе общественности, в) изолированность Зырянъ, лишившая ихъ матеріала для развитія социальныхъ понятій.

Какая была культура у Зырянъ въ тѣ старыя времена, до которыхъ доходитъ филологическій анализъ словъ — названій домашней утвари, разныхъ вещей матеріальной культуры? Какая культура могла быть подѣ ярко искрестымъ, блистающимъ далекими холодными звѣздами, блѣдно-голубымъ небомъ, въ дремучихъ лѣсахъ, полныхъ снѣжными сугробами, въ странѣ бездорожной, малолюдной, еле озаряемой въ зимніе дни румянымъ солнцемъ, на какой-нибудь часъ выходящимъ на горизонтъ, теряющійся въ синихъ лѣсахъ? Какую культуру можетъ создать народъ у лѣвивыхъ рѣкъ, однообразно и плавно текущихъ по песчаному руслу среди мелей и уныло-монотонныхъ береговъ, — живя посреди сосенъ и елей, среди овода и хищныхъ звѣрей? Что думалъ этотъ народъ, когда порою случалось ему смотрѣть на солнце и луну, часто скрываемаыя зимнимъ и ночнымъ мракомъ? что слышалъ онъ въ шумѣ водъ лѣсныхъ ручьевъ и рѣчекъ въ свистѣ вѣтра между вѣтвями столѣтнихъ деревьевъ? Кому молился онъ, о чемъ плакалъ и вздыхалъ дитя — на-

родъ, одиноко живя вдали отъ историческихъ странъ, питая душу своеобразной мистикой? Бродя по болотамъ и собирая ягоды и грибы по холмамъ, канія мечты лелѣялъ онъ, какими заботами былъ удрученъ?

Знаніе современныхъ Зырянъ, ихъ культуры, ихъ языка, повѣрій и сказокъ, и сосѣдей Зырянъ-Самоѣдовъ, Остяковъ дадутъ возможность въ отвѣтъ на эти вопросы нарисовать блѣдную картину ихъ прошлой жизни.

Зыряне жили въ маленькихъ избушкахъ, построенныхъ безъ всякаго порядка. Избушка Зырянина состояла изъ 3-хъ частей. Въ одной части жила семья въ другой хранились вещи, и эта часть наз. „кумъ“; въ третьей части помѣщался домашній скотъ, и эта часть наз. „карта“. Для молодыхъ животныхъ устраивался „гидъ“. Въ жилую избу вели нѣсколько ступеней—съ улицы (пос); внутри жилой избы не было печи, ни бѣлой, ни черной, а была каменка, полусферической формы, сложенная изъ песчаника и др. камней. Эта каменка наз. „горъ“. (Такъ именно можно думать потому; что слово п а ч, названіе печи, есть видоизмѣненное русское слово печь: заимствованъ былъ предметъ, а съ нимъ вмѣстѣ и слово. Это во-1-хъ, во-2-хъ, въ баняхъ, въ овинахъ, въ охотничьихъ избушкахъ въ недавнія времена вездѣ устраивалась каменка „горъ“). Въ каменкѣ, выстроенной въ жилой избѣ, варилась пища, дымъ выходилъ въ дымовое окно подъ полатями. Это-то дымовое окно, въ которое въ моментъ рожденія дѣтей ходили духи, доброжелатели и зложелатели дитяти (повѣріе о дымовомъ окнѣ до сихъ поръ существуетъ). Въ одномъ углу жилой комнаты была каменка, въ другомъ ручная мукомолка, состоящая изъ двухъ, одинъ на другой сложенныхъ жернововъ: нижній прикрѣпленъ неподвижно къ столнику, верхній вращается; для удобства вращенія къ послѣднему придрѣзывалась деревянная ручка, прикрѣпленная однимъ концомъ въ полатямъ или къ пару, другимъ къ жернову. Такия мукомолки еще и теперь можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ глухой мѣстности по Вишерѣ или Локчимъ, хотя всюду уже построены теперь водяныя мельницы. Ручная мукомолка наз. по зырянски „горт-из-ки“ (домашній ручной камень).

Стѣны (берд) и потолокъ (йиркъ) жилой избы были густо покрыты сажей и были гладки, какъ зеркало; на полу, на соломѣ на обрубкахъ (джекъ) бревенъ играли дѣти, тамъ же жили телята и ягнята. Хозяйка дома на прялкѣ (печканъ) прядла нитки и на „дзявья“ приготавливала „сюри“ для тканья. На ней длинная холщевая рубашка, на шеѣ „сикѳч“ (бусы), на ногахъ „кыс“. Обувь „кыс“ приготавливалась изъ кожи переднихъ ногъ лошади. Вмѣсто чулокъ у зырянки „черес“ изъ самотканнаго сукна. „Червѳню“ она подпоясана. Выходя на улицу, Зырянка надѣваетъ бурога цвѣта „сукманъ“ (основа его изо льна, выткано изъ шерсти, въ праздники Зыряне носили „дукѳс“

у котораго и основа изъ шерсти). На хозяйнѣ тоже холщевая рубашка и шаровары. Онѣ подпоясывается кожанымъ ремнемъ, повѣсивъ спереди у него „бива“—это кожаный мѣшочекъ, въ которомъ хранится сталь, камень для добыванія огня, трутъ (чакъ) — грибъ, растущій на березовомъ пнѣ; въ „бива“ же хранятся и деньги. Собственно слово „бива“ обозначаетъ огонь—вода, значитъ, все въ этомъ мѣшочкѣ. Хозяинъ-охотникъ сверху надѣваетъ шубу, покрытую холстомъ (а въ морозы—малицу изъ оленьей шкуры), беретъ лукъ и на оленьихъ лыжахъ идетъ на охоту, развѣсивъ на себѣ разные припасы, таща за собою длинный „норт“. Такова обстановка Зырянина и Зырянки въ старыя времена.

Изъ домашняго скота у нихъ были лошади, овцы, коровы. Лошадки маленькія быстрыя, похожія на чухонскія и черемисскія; коровы комоля „зырянки“, овцы маленькія, свиней не было. Слово „порсъ“—названіе свиньи отъ русскаго слова поросенокъ (Алвистъ такого же мнѣнія).

Въ избахъ вмѣсто оконъ были маленькія отверстія въ стѣнѣ на разныхъ высотахъ отъ поверхности земли, вмѣсто стеколъ въ нихъ „рушку“—рубецъ коровы. Во второй половинѣ жилой комнаты въ „кум“ хранились земледѣльческія орудія: серпъ (чарла), косы не было, соха (гѳр), борона (пиня); охотничьи принадлежности, рыболовные снаряды: вуломъ, ботанъ, азыласъ. Кудломъ и ботанъ—сѣти, азыласъ—особый снарядъ для ловли рыбъ ночью, когда онѣ спятъ подъ водою. Азыласомъ прокалываютъ рыбъ и вытаскиваютъ ихъ изъ воды въ лодку. Въ „кум“ же хранились и праздничныя одежды.

Нѣсколько только что описанныхъ зырянскихъ избушекъ составляли деревню, которую охраняли вѣрные друзья Зырянина—охотничьи собаки особой сѣверно-финской породы.

Около избушекъ стояли бани, овины чрезвычайно простаго устройства съ камнями изъ песчаниковъ. Въ банѣ, читая заговоры, Зырянинъ вылеживался отъ всѣхъ болѣзней. Возвращался оттуда, испытавъ невыносимый жаръ отъ раскаленныхъ камней, въ свою избушку безъ шапки, босякомъ по глубокому снѣгу, безъ верхней одежды, посматривая на небо, что бы по звѣздамъ угодать и время ночи и завтрашнюю погоду.

Кромѣ маленькихъ деревушекъ у Зырянъ были тамъ и самыя большія села и около нихъ кумирницы, полныя мѣдныхъ и деревянныхъ боговъ—лѣса, воды, огня и т. д. Были священныя березы, всегда украшенныя шкурами звѣрей. Деревни и села строились по берегамъ рѣкъ. Онѣ были окружены дремучими лѣсами. Въ лѣтнее время около ручьевъ въ лѣсахъ желтѣли ячменныя поля на „новахъ“ (подсѣчная система), на полянахъ паслись комоля коровы Зырянъ и маленькія ихъ лошадки, окруженныя кострами, дымъ

которых защищал ихъ отъ овода, а собаки однѣ хранили скотъ отъ дикихъ звѣрей.

Но кромѣ этихъ земныхъ существъ, Зырянъ окружали невидимые духи—боги, которые играли чрезвычайную роль въ ихъ жизни. Небесный сводъ, украшенный звѣздами, былъ мѣстомъ обитанія бога “Енъ” (значить Енъ—небо, такъ думать можно потому, что вотское слово „ин“ означаетъ небо; и и е—звуки, замѣщающіе другъ друга въ зырянскомъ и вотскомъ языкахъ. Это замѣчаніе интересно въ томъ отношеніи, что западныя Финны не имѣютъ слова небо, которое у нихъ замѣняется заимствованнымъ отъ арійцевъ словомъ *taivas*). На небѣ же жили солнце и луна—боги и быкъ небесный—радуга (ошка—мѣшка); но эти боги были далеки отъ людей: болѣе близкими изъ нихъ были вѣрса „лѣсной хозяинъ“, его жена—йѣма, его дѣти, медвѣдь—ошъ, богъ рѣки—васа. Этимъ близкимъ богамъ приносились жертвы. Религія Зырянъ, конечно, очень интересна, но о ней я не говорю здѣсь подробно, такъ какъ пытался уже возстановить ее въ ст. „языческое міросозерцаніе зырянъ“. Однако въ этнологіи Зырянъ умѣстно вспомнить о своеобразномъ ученіи Зырянъ объ ортѣ—двойникѣ человѣка. Мужики изъ Шойнаты рассказывали мнѣ, что, когда человѣкъ приходитъ въ гости, за нимъ приходитъ его ортъ—тѣнь—двойникъ, такой же какъ онъ, въ такой же одеждѣ, какъ тотъ человѣкъ. Когда человѣкъ умретъ, ортъ еще продолжаетъ жить. Отецъ рассказчика умеръ, но люди видѣли его сидящимъ на мосту въ синемъ сукнѣ, на двойникѣ видѣли ту же бѣлую шляпу, тотъ же пестрый кушакъ, что онъ носилъ всегда.

Зыряне мушны проводили всѣ свои дни на охотѣ. Женщины занимались дома хозяйствомъ—пряжей и тканьемъ. Онѣ вели разговоръ о своихъ сосѣдкахъ, о колдуньяхъ и т. п. Въ ихъ словахъ сквозитъ недовѣріе къ сосѣдкамъ, мистическое отношеніе къ ихъ словамъ, боязнь порчи и проч. „Моя сосѣдка“, скажетъ одна изъ бесѣдующихъ: „вчера, встрѣтившись со мною спрашиваетъ, гдѣ дорога въ село Гамъ; развѣ она не знаетъ дороги? Я смолчала, надо было бы отвѣтить—Ен-керасо—т. е. дорога тамъ на божіихъ холмахъ. Тогда она поняла бы и оставила свои злые замыслы“.

Въ праздничные дни въ честь боговъ Зыряне на лыжахъ отправлялись въ гости верстъ за 100, за 200 и пили съ друзьями „суръ“ (пиво) и ѣли ячменный хлѣбъ и пироги изъ ячменнаго тѣста и шаньги (лепешки, покрытая сметаной—чисто финскаго происхожденія). Лѣтомъ они въ маленькихъ лодочкахъ, съ шестами въ рукахъ, отправлялись по рѣкѣ на ярмарки. Управляясь шестами въ песчаное дно рѣки, они плыли вверхъ и внизъ, равно быстро достигали назначеннаго сборнаго мѣста, гдѣ, послѣ общаго моленія языческимъ богамъ (послѣ XIV в. христіанскимъ угодникамъ), приступали къ торговлѣ.

Такова была культура Зырянъ уже въ историческое время, до котораго можетъ насъ привести тщательное изученіе собственныхъ зырянскихъ названій вещей матеріальной культуры, и заимствованія словъ отъ русскихъ, хотя уже измѣненныхъ по законамъ перехода звуковъ русскаго языка въ звуки зырянскаго, а также и сопоставленіе культуры самыхъ глухихъ зырянскихъ мѣстъ—по рр. Вымп, Вишерѣ, Пожогъ, Локчимъ и т. д. съ образомъ жизни сосѣдей Зырянъ—Вотяковъ, Самоѣдовъ, Остяковъ. (Занимаясь возстановленіемъ хотя бы отдѣльныхъ штриховъ картины прошлой жизни зырянъ, я имѣлъ передъ собою результаты, къ какимъ пришелъ извѣстный финнологъ Алквистъ, написавшій книгу о древней культурѣ Финновъ. Но онъ, какъ мнѣ кажется, говоритъ о культурѣ вообще Финновъ и притомъ во времена, предшествовавшія появленію Русскихъ въ области Волги и Западной Двины. Съ точки же зрѣнія психологій народа не безынтересно знать его культуру уже въ историческія времена, считая эту культуру за факторъ, создающій психику племени. Поэтому, изслѣдовавши бытъ Зырянъ самыхъ глухихъ мѣстъ Вологодск. губ., я пытался здѣсь описать культуру Зырянъ уже поисторическую, сравнительно недавнюю, возникшую на общефинской почвѣ, но развивавшуюся уже въ характеристическія формы частно-зырянскаго образа жизни. Анализъ словъ—названій предметовъ домашняго и хозяйственнаго обихода былъ для меня дополнительнымъ методомъ въ этнографическимъ приѣмамъ изслѣдованія).

Теперь можно бы перейти къ тому, какую тенденцію могла имѣть въ психологій народа древняя культура Зырянъ, но появляется еще вопросъ, одна ли была культура въ области Вычегды и ея притоковъ? Не было-ли тамъ народа, живущаго рядомъ съ Зырянами, и не вліялъ ли этотъ народъ въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи на Зырянъ? Слѣдующіе факты и соображенія позволяютъ ставить этотъ вопросъ. Всѣ Зыряне говорятъ, что недалеко отъ Вишеры, отъ Эжола, около Кибры (въ 20-ти верстахъ отъ Устюга) имѣются древнія чудскія поля подъ сосновыми лѣсами, борозды ихъ замѣтны весьма ярко. Около Вишеры—холмъ кар-мылькъ, тамъ былъ найденъ желѣзный топорикъ и еще кое-что; около Шойнаты указываютъ „чудскія гумна“, около Эжола—чудскія могилы и поля. Народъ говоритъ, что Чудь сама себя хоронила въ землю, не желая принять христіанства. Она рыла огромныя ямы въ землѣ, на верху ихъ устраивала деревянную крышу, заваленную землею (у Алквиста, есть указаніе, что подобныя ямы служили для жилья въ зимніе морозы). Деревянная крыша устраивалась на одномъ столбѣ. Народная легенда утверждаетъ, что Чудь спускалась въ подобныя ямы, перерубая изнутри поддерживавшія крыши столбы, и тамъ встрѣчала смерть отъ обрушившейся тяжести. Смерть была имъ слаще, чѣмъ христіанство.

Чудскія поля по обширности превосходятъ пространство нынѣшнихъ земельныхъ угодій. Съ другой стороны старики говорятъ, что ростъ населенія идетъ быстро, что гдѣ раньше были отдѣльные дома, тамъ теперь деревни, что даже при ихъ жизни возникли новыя поселки и деревни (Визябожь). Какъ же согласовать большой районъ прежнихъ чудскихъ полей, принимая ихъ за зырянскія, съ малочисленностью прежняго населенія, которое, не смотря на довольно быстрый, по мнѣнію стариковъ, ростъ, и теперь занимаетъ пространство, не большее района чудскихъ полей. Подсѣчной системой и ошибочностью мнѣнію стариковъ можно кое-что объяснить, но необходимо всетаки допустить и передвиженіе населенія, разъ возникаютъ новыя села (Вильгортъ) и деревни. Есть впрочемъ и еще соображенія.— Названія рѣкъ не всѣ объяснимы изъ зырянскихъ корней, напр. Вымь по зырянски Емва, т. е. вода племени Емь, а Емь-племя западно-финское. Названіе рѣчекъ въ западной части Яренскаго уѣзда не совсѣмъ зырянскаго происхожденія: Дильмежь, Мадмась, Кижмола, Яреньга (слова Пинега, Онега, Югъ, по мнѣнію Веске, западно-финскаго корня). Нѣкоторыя имена рѣкъ въ Яренск. уѣздѣ чисто зырянскія: Керкаошъ, Урбашъ, Чорва. Такъ какъ по Сѣв. Двинѣ жили западн. финны: Ярокурье, Удима, Ускорье, Кивокурье, Тойма, Піянда, Пинега, Уйма и т. д., то возможно допустить, что въ Яренск. уѣздѣ, мѣстности Зырянъ, жили колонисты зап. Финновъ, оставившіе свои названія рѣкамъ и мѣстечкамъ въ этомъ уѣздѣ. Присоединимъ сюда еще два соображенія.— Камская земля (около Чердыни) по зырянски Комму (Коми-зырянинъ, муземля); какъ будто Чердынь и Пермь—родина Зырянъ. Второе:—Языки вотскій и зырянскій—два нарѣчія одного финскаго языка пермской группы. Вотяки живутъ въ Вятск. губ., Пермьки по Камь; поэтому нѣтъ ничего нелѣпаго въ допущеніи, что до VI—IX в.в. Зыряне жили въ области Камы, а область Вычегды была занята западно-финскими колонистами. Впослѣдствіи, съ паденіемъ Двинской земли, колонисты зап. финны (Чудь) ушли на западъ или погибли въ борьбѣ съ Русскими, а Зыряне перешли съ Камы на ихъ мѣсто, въ область Вычегды, можетъ быть, кое что заимствовавъ отъ уходящихъ финновъ для поднятія своего матеріальнаго благосостоянія. Если это такъ, то вопросъ о древней культурѣ усложняется необходимостью еще знать двинскую культуру западныхъ финновъ. Къ сожалѣнію, допущенія эти не могутъ выйти изъ области предположеній. Что же, дѣйствительно извѣстно, такъ это то, что съ XIV в. Зыряне жили уже одни въ области Вычегды, стоя на той ступени культуры, которую пытались мы нарисовать выше. Объ этомъ мы знаемъ изъ житія св. Стефана, епископа Пермскаго, написаннаго Ипифаніемъ Мудрымъ со словъ этого апостола Зырянъ.

Такимъ образомъ, оставивъ гипотезы, можемъ констатировать, что та

низкая ступень культуры, которая изображена въ этой главѣ, являлась факторомъ, дѣйствующимъ непрерывно на психику Зырянъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти или шести столѣтій, а такой факторъ достоинъ изслѣдованія.

Изолированная жизнь Зырянъ въ маленькихъ деревняхъ, состоящихъ изъ двухъ-трехъ избышекъ среди дремучихъ лѣсовъ, дѣйствовала постоянно въ томъ смыслѣ, что социальнымъ инстинктамъ не было возможности исторически развиваться. Никакой общественной жизни, не говоря уже о политической, не было у Зырянъ. Никакой организаціи, никакихъ войнъ, никакихъ воинвоггероевъ, влѣдствіе этого никакихъ богатырскихъ былинъ, какія имѣются даже у Остяковъ. Зыряне охотники, отчасти земледѣльцы, и болѣе ничего. Они жили отдѣльно другъ отъ друга въ сосновыхъ избышкахъ, читая заговоры и молясь лѣснымъ богамъ. Рѣдки бывали у нихъ собранія въ кумирницахъ, около священныхъ деревьевъ, для общей молитвы по зову кудесниковъ или туновъ.

Слѣдствія этой лѣсной жизни при мистическомъ недовѣріи другъ къ другу, при постоянныхъ сношеніяхъ съ тайнами природы и съ бродящими по лѣсамъ богами, ярко отмѣчены исторіей. Читая лѣтописи, житіе св. Стефана, вы нигдѣ не увидите, чтобы Зыряне противъ кого-либо составляли войско, на кого-либо нападали, недовольные чѣмъ-либо волновались, какъ это дѣлали Черемисы, робкіе Вотяки, у которыхъ есть поэмы и богатыри, немногочисленные вогулы, у которыхъ были князья. Въ лѣтописяхъ мы читаемъ нѣчто обратное. Новгородцы грабятъ Зырянъ, на послѣднихъ нападаютъ Вятчане (XIV в.), на Зырянъ же идутъ съ востока Вогулы со своимъ княземъ Асыки; Новгородцевъ на обратномъ пути бьютъ Устюжане, противъ Вогуловъ выходитъ чуть ли не одинъ св. Стефанъ, епископъ зырянскій, а о Зырянахъ ни слуху, ни духу; они, эти мѣткіе стрѣлки, смѣлые люди совершенно ничтожны въ гражданственномъ отношеніи. Ни общихъ протестовъ, ни богатырскихъ пѣсенъ, которыя возможны лишь при военныхъ столкновеніяхъ народа—ничего этого нѣтъ. У робкихъ Вотяковъ, физически болѣе слабыхъ, чѣмъ Зыряне, были большія войны съ новгородскими выходцами до основанія гор. Вятки и послѣ; у Вотяковъ поэтому имѣются сказанія о богатыряхъ, и это потому, что Вотяки жили общественной жизнью въ большихъ селеніяхъ и въ городахъ. Зыряне же во все время исторіи читали заговоры, охотничали, творили чары сосѣдъ надъ сосѣдомъ, деревня противъ деревни; у нихъ не было городовъ, не было князей. Это неразвитіе социальной жизни было, мнѣ думается, отчасти причиной и того, что язычество Зырянъ такъ скоро уступило христіанству, тогда какъ Вотяки до сихъ поръ не забыли началъ своего язычества; они и теперь въ лѣсахъ цѣлыми обществами молятся своимъ богамъ. Тоже самое можно сказать о Черемисахъ. Для психолога этнографа разъ-

яснить интересно, — эта гражданственная неразвитость, отсутствие общественных понятий и привычек имѣють ли мѣсто и въ нынѣшнемъ быту Зырянъ? — Да, имѣеть, не смотря на то, что русскіе болѣе, чѣмъ два столѣтія, вводятъ въ бытъ Зырянъ свои административные и общественные порядки. Зырянская мѣстность раздѣлена на волости, сельскія общества съ выборными порядками, съ волостными и сельскими сходами, со старшинами и старостами. Не углубляясь особенно въ жизнь Зырянъ, можно замѣтить, какъ соціальная неразвитость, индивидуальная изолированность красною нитью проходятъ въ теперешней общественной жизни ихъ.

Не говоря уже о томъ, что у Зырянъ нѣтъ никакого самосознанія, никакого стремленія записать и сохранить памятники народной словесности, въ общественной жизни ихъ нѣтъ ничего стойкаго, опредѣленнаго. Плутство волостныхъ властей (старшины, судей) дѣло обычное; легкомысліе и неморальность волостныхъ и сельскихъ сходовъ, дѣлающихъ все „на вино“ — явленія самыя распространенныя. Зависть и злоба сосѣда къ сосѣду, обѣднаго къ богатому, суровыя расправы между собою, злоба молодыхъ противъ старыхъ, столкновенія между деревнями, вражда охотниковъ одной рѣчной системы съ охотниками другой — вотъ на какія категоріи явленій наталкивается этнографъ; семейныя привязанности тоже не велики. Сынъ, женившись, никогда не живетъ со своимъ отцомъ, а строитъ себѣ отдѣльный домикъ, заводитъ отдѣльное хозяйство. Обращеніе дѣтей и внуковъ съ беспомощными стариками самое жестокое. Ежечасно приводится одна и таже мысль: „не работающій не долженъ ѣсть“.

Малое развитіе соціальныхъ отношеній связано съ малымъ развитіемъ морали. Индивидуальная изолированность и эгоизмъ тоже совмѣстныя явленія. Взаимопомощь у Зырянъ мало развита. Хотя у нихъ и есть т. наз. „помочи“, но, какъ указываетъ и самое слово, это едва ли не заимствованный отъ Русскихъ обычай. Какъ древняя культура дѣйствовала на развитіе языческаго мистицизма, мы уже говорили объ этомъ въ главѣ объ охотѣ и о вліяніи природы на человѣка. Здѣсь подчеркнули мы самое главное — неразвитость морально-соціальной жизни у Зырянъ, совершенное отсутствіе на всемъ протяжении исторіи политической жизни, что объясняется изъ ихъ охотничьей культуры, изъ географической разбѣянности по маленькимъ деревушкамъ, по берегамъ большихъ рѣкъ, среди дремучихъ лѣсовъ сѣвера. Эта соціально-моральная неразвитость есть въ свою очередь чрезвычайно сильный факторъ въ психической жизни народа. Онъ обнаруживается въ общественномъ неустройствѣ Зырянъ, въ ихъ семейной жестокости, въ враждебномъ и недовѣрчивомъ отношеніи другъ къ другу крестьянъ одного и того же села и деревни. Это выражается еще и въ чрезвычайномъ равнодушіи Зырянъ, читающихъ русскія

и славянскія книги, въ книгамъ, написаннымъ по зырянски, въ совершенномъ отсутствіи писменнаго самосознанія, въ робости и непривычности къ дѣятельности общественнаго характера, въ чрезвычайной любви къ изолированной жизни, неспособности къ большимъ торговымъ оборотамъ, въ неумѣннн занять въ русскихъ областяхъ положеніе равное Русскимъ. Вездѣ проглядываетъ робость, неумѣнье ориентироваться въ общественныхъ отношеніяхъ, неспособность, при чрезвычайномъ терпѣннн и выносливости, стать въ полезное равенство съ болѣе развитыми въ гражданственномъ отношеннн Русскими.

Однако такому антиобщественному вліянію образа жизни древнихъ Зырянъ на ихъ психику всегда противодѣйствовалъ въ значительной степени одинъ психо-физическій факторъ, о которомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Четвертый факторъ психического развитія — соматическія свойства народа.

а) Физическій типъ Зырянъ. Антропологическія (соматическія) особенности ихъ. б) Психическія свойства, какъ результатъ этихъ особенностей: темпераментъ, характеръ, особенности ума и чувствъ. Понятіе расы. Общій выводъ.

Каждый изъ насъ, читая о Татарахъ, Славянахъ, Финнахъ, думаетъ, что расы и племена рѣзко отличаются другъ отъ друга физически и, путешествуя между разными племенами, бываетъ недоволенъ, что въ сущности люди разныхъ племенъ по внѣшнему виду и внутреннему психическому складу мало отличаются другъ отъ друга. Всякій народъ, всякое племя имѣетъ самыхъ разнообразныхъ своихъ представителей. Племена отличаются одно отъ другого болѣе системой жизни, сложившейся исторически, природой мѣстности, міровозрѣніемъ, чѣмъ физическими свойствами. Во всемъ крупномъ, бросающемся въ глаза, въ основныхъ свойствахъ души разные племена и расы одинаковы. Философъ-путешественникъ можетъ быть утомленъ однообразиемъ явленнн жизни и духа. Различіе же чаще въ колоритѣ жизни, въ сочетаннн красокъ и костюмовъ и пейзажей, въ своеобразнн религнн и поэзнн (чаще въ формахъ и образахъ, чѣмъ въ существѣ), отчасти въ обычаяхъ и учрежденняхъ.

Но такое мнѣніе о племенахъ складывается въ этнографъ-наблюдателѣ не безъ внутренняго протеста и только постепенно. Сначала же онъ ищетъ рѣзкихъ отличнн одной расы отъ другой и въ первое время находитъ ихъ. Такъ относительно Зырянъ разные наблюдатели разное находятъ. Одни говорятъ, что Зыряне—смуглый народъ съ черными волосами, потому что онъ урало-алтайскаго племени, другіе, что онъ съ рыжими волосами, потому что

онъ финскаго племени. Клавдій Поповъ въ книгѣ о Зырянахъ приводитъ мнѣніе г. Куратова, который полагаетъ, что Зыряне—народъ, состоящій изъ двухъ типовъ: черноволосыхъ, безбородыхъ и русоволосыхъ съ большими бородами. Первые, по его мнѣнію, урало-алтайскаго племени, а вторые—помѣсь славянской и финской расъ.

Къ сожалѣнію для тѣхъ, кто ищетъ яркихъ признаковъ племенъ, Зыряне мало отличаются по внѣшнему типу отъ Русскихъ, такъ, какъ Черемисы и Чуваши. Въ такихъ случаяхъ больше работаетъ воображеніе и желаніе найти искомое. Отличія племени не велики и мало уловимы. При всемъ желаніи только два—три признака, и то колеблющихся, можно указать, которыми сколько-нибудь отличается Зырянинъ отъ Русскаго внѣшнимъ образомъ. Во 1-хъ, черныхъ и чисто рыжихъ нѣтъ или совѣмъ мало; двойственности типа не видно. Преобладающій типъ—средняго роста, широкоплечій Зырянинъ съ сѣрыми небольшими глазами, нѣсколько выдающимися скулами, съ русыми волосами и рыжеватой бородкой. Это ловкіе, крѣпкіе люди, подвижные, работающіе. Вотъ все, что можно сказать о внѣшнемъ видѣ, въ такому заключенію привело меня чуть не поголовное изученіе всѣхъ Зырянъ по селамъ и деревнямъ. А женщины еще менѣе отличаются по виду отъ русскихъ женщинъ, развѣ только ростомъ вообще ниже. Разница въ особенностяхъ міровоззрѣнія, въ характерѣ, въ чувствахъ,—это другое дѣло, разница въ порядкѣ жизни. Міръ психическій разнообразіе міра физическаго вообще.

Я видѣлъ Чувашъ, Черемисъ: если бы не ихъ костюмы и не языкъ, какъ отличить, что они не Русскіе? Поэтому въ предстоящей главѣ я хотѣлъ бы говорить не о внѣшнемъ видѣ, я о томъ, о чемъ говорилъ Шопенгауэръ въ такомъ приблизительно выраженіи—„глядите на человѣка, на его походку, на движеніе рукъ и ногъ, даровитый человѣкъ походитъ на арфу, онъ строенъ въ физической организаціи“. Я хочу сказать о такихъ физическихъ свойствахъ племени, которыя вліяютъ на его духъ. Такихъ физическихъ особенностей, я думаю, три главныя: размѣры тѣла, мускулатура и форма черепа. Сравните вы Малорусскаго крестьянина съ Зыряниномъ. Первый высокъ ростомъ и отличается медленными движеніями; Зырянинъ малъ ростомъ (средній ихъ ростъ ниже средняго русскаго центральныхъ губ.), подвиженъ, и это очень важное свойство. Сравните Татаръ-носильщиковъ на пристаняхъ съ Зырянами. Первые отличаются большимъ объемомъ тѣла и крупными членами, они тяжелы и неповоротливы; Зыряне имѣютъ малый объемъ и подвижны, они легки и мускулисты. И это въ психическомъ отношеніи опять очень важно. Зыряне сами сознаютъ свои отличія. Они говорятъ, что Зыряне—народъ малорослый, но удалый, Русскіе крупны, но не удалы. Старикъ изъ Шойнаты мнѣ рассказывалъ, какъ онъ, будучи малъ ростомъ, побѣждалъ въ борьбѣ крупныхъ

Русскихъ, и это такъ его увлекало, что разсказывая, онъ готовъ былъ вступить со мною въ схватку, хотя ему уже 79 лѣтъ. Ижемцы—народъ самый удалый, по мнѣнію крестьянъ, двинскій народъ—самый высокій и сильный, Вятчане—неповоротливы. Самоѣды малы, но отличаются сильными руками, которыя у нихъ развиваются отъ бросанія аркановъ. Вообще же говорятъ Зыряне, что по верховьямъ рѣкъ народъ мельче, по низовьямъ больше. Измѣренія (антрополог.) показываютъ, что средній ростъ Зырянина около 168,6 сант., а Русскаго не меньше 172,0; средній ростъ Зырянки около 156,0 сант. а Русской 160,0. Средній вѣсъ Зырянина около 4 пуд.; онъ поднимаетъ съ земли 4—5 пуд., а татаринъ несетъ на спинѣ десятки пудовъ.

Преждѣ чѣмъ перейти къ разбору свойствъ черепа, скажемъ, какія послѣдствія можетъ имѣть въ психологіи народа эти малые размѣры тѣла, отличающагося ловкостью и крѣпостью мышцъ. Я видѣлъ толпы Малороссовъ мирно сидящихъ на травѣ около бѣлой хатки и пьющихъ горилку, видѣлъ также пирующихъ Зырянъ—этотъ подвижной, мятежный народъ. Они говорятъ, борются, хвастаютъ, ни на минуту не вѣдая покоя. Подъ вліяніемъ паровъ алкоголя большинство Зырянъ имѣетъ легкій характеръ, часто буйный. Почему Зыряне вообще народъ мало уравновѣшенный, и малѣйшій грузъ дѣлаетъ ихъ неуравновѣшенными. У человѣка на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ мало солнечнаго свѣта, мало развиты центры самообладанія: онъ живетъ хотѣніями, рефлексами, инстинктами, между которыми нѣтъ согласія. Мысль о наживѣ—единственно контролирующая. Ослабнетъ она—человѣкъ валится въ бездну игры отдѣльныхъ центровъ нервной системы. Мнѣ кажется—Зыряне народъ болѣе вспыльчивый, чѣмъ русскіе. Онъ самолюбиво горячится въ спорахъ, готовый на дерзости, онъ неудержимо старается, во что бы то ни стало, побѣдить въ спорѣ противника, потому что знать, понимать для него важное дѣло, а главное потому, что аффектъ его всегда сильнѣе его разсудка. Зырянинъ думаетъ, что все умѣетъ дѣлать. Когда я раскрылъ географическую карту, хозяинъ изъ Шойнаты быстро сказалъ мнѣ, что онъ все понимаетъ по картѣ (на самомъ дѣлѣ, конечно, не такъ).

Можно думать эти свойства: быстрота возбужденія, быстрота реакціи, неудержимость—въ нѣкоторой степени результаты тѣлесной организаціи: подвижной мускулатуры при небольшомъ объемѣ тѣла. Нѣкоторые аффекты у Зырянъ какъ будто ярче и сильнѣе выражаются, чѣмъ у Русскихъ; это показываетъ даже филологія. Напримѣръ, для выраженія удивленія у нихъ множество сильныхъ выраженій—аттö зонмö, аттö дивö, эка паре, господи помилуй, сйö Христосöи и т. д. (Вообще рѣчь Зырянъ быстрая съ сильными удареніями на слогахъ при выразительной мимикѣ и жестикуляціи, но бываютъ рѣдкіе случаи чрезвычайно медленной рѣчи). Ловкій въ движеніяхъ, под-

вижный, энергичный Зырянинъ несомнѣнно отличается щегольствомъ, хвастливостью, смѣлостью въ физическихъ начинаніяхъ, самоувѣренностью. Для него разстояніи и трудности не существуютъ. Въ примѣръ того, до чего Зыряне подвижны, скажу, что на любомъ пароходѣ, идущемъ по Вычегдѣ, спросите вы ихъ, куда они ѣдутъ, и вы услышите, что эта баба съ сыномъ возвращается изъ Кіева, гдѣ была по обѣту. Вонъ тѣ молодцы—одинъ изъ Архангельска, гдѣ служилъ въ торговой конторѣ, другой изъ Ирбита, гдѣ онъ арендуетъ землю, вонъ два солдата изъ Владивостока и т. д. Затѣмъ изъ разговора Зыряны вы слышите: „здѣсь на заводѣ“, „у насъ на заводѣ“. Вы спрашиваете, гдѣ ихъ заводъ.—„Да здѣсь, кутимскій“. Оказывается, они говорятъ о Пермской губ. и ея заводахъ и такимъ тономъ, какъ будто это въ пяти верстахъ (на самомъ дѣлѣ 500 вер. и болѣе).

Мы говорили о вліяніи сравнительно малаго объема тѣла съ сильной мускулатурой на психику, быстромъ его реагированіи на явленія вѣшняго міра, о томъ также, что сильная мускулатура и быстрое реагированіе на вѣшнія событія порождаютъ отважность въ человѣкѣ съ одной стороны, съ другой—неумѣнье скрывать свои чувства и настроенія—однимъ словомъ о вліяніи тѣла на волю; теперь остается сказать о значеніи этихъ же физическихъ свойствъ въ развитіи ума и эстетическаго чувства, которыя играютъ большую роль въ общественной и домашней жизни.

Свойства быстро реагировать на явленія вѣшняго міра, содѣйствуя быстрой перемѣнѣ настроеній, обуславливаетъ также быстрое теченіе мыслей, быстроту сообразительности. Въ головѣ Зырянина, дѣйствительно, кипитъ всегда много разныхъ проэктовъ; за то рѣдко можно встрѣтить между ними глубокихъ людей.

Относительно эстетики мнѣ кажется, что быстро соображающіе люди со скорою смѣною аффектовъ болѣе способны къ музыкѣ, чѣмъ къ изобразительнымъ искусствамъ. Въ звукахъ инструмента легче и быстрѣе можно выразить свои чувства, тогда какъ художественные образы созидаются не скоро во времени, и быстрота смѣны настроеній можетъ вредить ихъ цѣльности, какъ рябь воды на озерѣ искажаетъ образы деревьевъ, отражающихся въ немъ.

Теперь, говоря о третьемъ важномъ антропологическомъ свойствѣ—о геометрической формѣ черепа, я долженъ замѣтить, что изъ моихъ наблюденій приходится сдѣлать заключеніе, что длинно-головность (долихоцефалія) болѣе благопріятствуетъ послѣдовательности, предпріимчивости въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, чѣмъ иныя формы головы, что ясно очерченный, выпуклый лобъ, граничащій прямыми углами отъ остальныхъ частей головы, болѣе благопріятствуетъ высокому и тонкому интеллекту, тогда какъ круглая голова съ тупыми углами лба—болѣе говоритъ о низшихъ свойствахъ души.

Съ тенденціей къ долихоцефалии встрѣчается нѣсколько процентовъ между Зырянами, большинство же ихъ имѣютъ головы съ индексомъ 80 и 82. Судя о величинѣ головы въ пропорціи съ ростомъ, нужно сказать, что размѣры головъ у Зырянъ не уступаютъ Русскимъ.

Такимъ образомъ антропологическія особенности Зырянъ таковы, что народъ этотъ долженъ быть средне-предпріимчивымъ, легко предающимся аффектамъ, увлекающимся, быстро сообразительнымъ, способнымъ болѣе къ музыкѣ, чѣмъ къ изобразительнымъ искусствамъ. Это люди горячаго темперамента, быстро реагирующіе на внѣшнія событія, и думается мнѣ, что эти антропологическія (психо-физическія) особенности наиболѣе характеризуютъ расу урало-алтайскую. Вопреки мнѣнію многихъ, что мистицизмъ Зырянъ, ихъ суровость, любовь къ язычеству есть расовое свойство, полагаю, что не этимъ отличается раса. Мистицизмъ, отсутствіе пѣсенъ—это дѣло природы мѣстности и исторіи, т. е. свойства бытовыхъ, а вотъ темпераментъ—расовое. Не въ умѣ и чувствахъ мы должны искать племенныхъ отличій, а въ физиологіи, въ быстротѣ движенія крови. Правда, психическихъ разностей больше между народами, чѣмъ физическихъ, міръ психическій разнообразнѣ міра тѣлеснаго, но душевныя особенности болѣе или менѣе можно объяснить колоритомъ мѣстности, исторіей и бытомъ народа, а психо-физиологическія качества труднѣе измѣняются. Мистицизмъ, отсутствіе пѣсенъ легко могутъ измѣниться, исчезнуть, но темпераментъ, большая или меньшая быстрота реагирования на явленія внѣшняго міра, объемъ тѣла, мускулиность—это болѣе простыя явленія и болѣе упорны въ своемъ постоянствѣ. Зыряне мнѣ кажутся болѣе юными, чѣмъ Малороссы или Русскіе; первые какъ бы юноши, а Малороссы, Татары возмужалые люди, и является вопросъ, не есть ли раса ступень въ эволюціи человѣка? Разныя племена остановились на разныхъ ступеняхъ біологическаго развитія, и получились расы, отличающіяся одна отъ другой не столько цвѣтомъ волосъ и глазъ, чертами лица и т. п., а большимъ или меньшимъ объемомъ тѣла, съ сильной или слабой мускулатурой, той или иной формой черепа и, въ связи съ этимъ, горячимъ или холоднымъ темпераментомъ, энергичнымъ или слабымъ реагированіемъ на внѣшнія возбужденія, степенью развитія задерживающихъ центровъ нервной системы. Болѣе же сложныя психическія особенности можно отнести къ разряду бытовыхъ и историческихъ явленій.

Указанныя антропологическія особенности Зырянъ имѣютъ ту же тенденцію, что и природа мѣстности и охота: онѣ способствуютъ развитію космополитизма, это съ одной стороны, а съ другой—способствуютъ уничтоженію характерныхъ признаковъ племени. Въ заключеніе главы нужно сказать, что четвертый факторъ, описанный здѣсь, ослабляетъ, по нашему мнѣнію, дѣйствіе

третьяго, т. е. вліянія на Зырянъ ихъ древней культуры. Тѣлесныя свойства Зырянъ таковы, что они дѣлаютъ ихъ народомъ подвижнымъ, хвастливымъ, самоувѣреннымъ и, слѣдовательно, въ нѣкоторой степени общительнымъ, стремящимся на арену общественной дѣятельности, чтобы всѣ видѣли его дарованія и умѣлое примѣненіе ихъ, тогда какъ древняя культура ихъ развивала въ своихъ сынахъ замкнутость, недоувѣріе и неуваженіе къ другимъ, нелюбовь ко всякимъ общимъ начинаніямъ. Въ силу этого этнографъ можетъ замѣтить нѣкоторую двойственность въ душѣ Зырянина; то онъ очень довѣрчивъ и наивенъ съ вами, считаетъ васъ своимъ другомъ, готовъ помогать вамъ въ вашемъ дѣлѣ, то, при малѣйшемъ поводѣ, становится замкнутымъ, угрюмымъ и молчаливымъ. Землемѣры, которымъ приходилось имѣть много дѣла съ крестьянами, рассказывали мнѣ, что Зыряне большихъ селъ и глухихъ мѣстностей—два разныхъ народа. Первые хитры, недоувѣрчивы, скупы и т. п. Вторые жители глухихъ мѣстъ—просты, наивны, гостепріимны, доброжелательны. Такъ одна крайность переходитъ въ другую у людей, въ душѣ которыхъ двойственность развита природой и жизнью.

Для полноты этнологическаго пониманія племени намъ необходимо еще разсмотрѣть культурное и промышленное вліяніе сосѣдей.

ГЛАВА V.

Культурное вліяніе сосѣдей—пятый факторъ психической жизни народа.

а) Вліяніе матеріальной культуры—въ земледѣліи, охотѣ, ремеслахъ. б) Сходство обычаевъ и правовъ Зырянъ съ обычаями и нравами XVI и XVII в.в. Московской Руси. в) Отношеніе къ Русскимъ, къ правительству; Балнѣ и Кузь-Исакъ. г) Взглядъ народа на Сибирь и ея притягательная сила.

Путешествуя по Вычегдѣ и ея притокамъ, вы видите села на высокихъ холмахъ съ бѣлыми церквями. Въ селахъ двухъ-этажные дома, съ свѣтлыми горницами, нерѣдко обшитые тесомъ и окрашенные въ разныя краски. Крыши на нихъ, чаще сельскія, двухгранныя, но нерѣдко и городского стіля, возвышаются четырехгранной пирамидой. Подъ вліяніемъ Русскихъ Зыряне забыли свои курныя избы съ „кумомъ“ и „картой“ и завели дома съ бѣлыми печами, съ свѣтилицами, съ чердаками. Зырянскій „гор“ преобразился въ русскую печь (пач) сначала безъ трубы (курная изба), а потомъ съ трубой. Русское слово печь видоизмѣнилось въ пач, слово горница—въ горнича, русское крыльцо—въ кильче (плавный звукъ съ согласнымъ невозможенъ въ зырянскомъ языкѣ: кры переходитъ въ ки). вмѣстѣ съ новыми предметами

появились совершенно новыя слова: взводъ, амбаръ, житникъ (житница), по-толокъ, чердакъ, стѣна и т. д. Замки, шарниры, въюшки—все заимствовано отъ русскихъ, какъ показываютъ слова: замѣкъ, юшка, кольча (кольцо), за-портъ; вообще въ предметы домашней утвари, какъ показываетъ филологія, взяты отъ Русскихъ. Слова: наберушка, чугунокъ, чашка, ухватъ, коколюка (чтобъ избѣжать кл, Зыряне всгавили между к и л, о) — въ русскія или видоизмѣненныя русскія слова. Обратно, т. е. отъ Зырянъ Русскими заимство-вано, насколько мнѣ извѣстно, мало словъ, слѣдовательно, мало и предметовъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ употребляются между русскими зырянскія слова: туясъ (туяс), лыжа (лызя), пима (пима), малица (малича) и др.

Земледѣліе расширилось у Зырянъ послѣ знакомства съ Русскими. Кромѣ ячменя стали культивировать рожь, пшеницу (ржаной хлѣбъ—рудзег нянь; слово рудзег напоминаетъ roggen тоже рожь). Появились новые приборы: коса—горбушь, („литовки“ Зыряне до сихъ поръ не знаютъ), телѣга для своза хлѣбовъ съ полей на гумна, а для ѣзды — одноколки, тарантасы, для зимней ѣзды — повозки, розвальни („рѣзваль). Жизнь расширилась въ разныхъ направленіяхъ. — Кромѣ лѣсныхъ дорогъ (туй) появились береговые тракты (мір-туй). Измѣнились костюмы у Зырянъ. Женщины стали носить шушуну, сарафаны, а въ послѣднее время платья и кофты, мужчины узнали рочъ — кафтаны, шляпы, шапки сапоги и т. д. Все отъ рочъ (русскихъ) шло. Измѣнилась даже охота — стариннѣйшее занятіе Зырянъ. вмѣсто петель, силковъ, ловушекъ птицъ (чес) появились капканы, вмѣсто луковъ, самострѣловъ—настояція ружья. Усовершенствовались лѣсныя охотничьи избушки, превратившись изъ простой бани въ домики безъ оконъ, но съ трубой (а въ послѣднее время и съ окнами). Къ прежнимъ рыболовнымъ снарядамъ прибавился вестель. Появились ремесла—сапожное, плотничье, столярное и къ слову сказать, между Зырянами встрѣчаются очень искусныя столары и рѣшники. Развилось кузнечное дѣло. Хотя Финны славились, какъ кузнецы, но относительно зырянъ сомнительно, чтобы у нихъ были кузницы, потому что слово кузнича, мѣлотъ, наковальня, горнъ, мѣхъ—все русскія слова. Этотъ дикій народъ не зналъ вѣроятно кузнечнаго дѣла и научился ему отъ Русскихъ; хотя слово ковать „дорны“ зырянское, но однако этого слова слишкомъ недостаточно для предположенія, что у нихъ было правильное кузнечное дѣло. Есть основанія думать, что они умѣли лить, отливать металлическія вещи: по крайней мѣрѣ есть названіе формы, которая нужна для литья,—слово лу.

Все только что сейчасъ сказанное относительно кузнечнаго дѣла нужно считать однако лишь вѣроятнымъ, ибо одного филологическаго анализа, конечно, недостаточно для рѣшенія вопроса. Относительно древнихъ музыкаль-

ныхъ инструментовъ у Зырянъ почти ничего нельзя сказать, хотя есть слово т у л у д у (свистулька) и гудѣвъ (гармоника). Второе слово гудокъ, вѣроятно заимствованное отъ русскаго слова гуды, самогуды. Тулуду намекаетъ на возможность существованія у Зырянъ чего-то вроде свистулекъ, свирѣлей. Теперешніе инструменты: бандура, скрипка, горилонъ (гармоника) заимствованы. Любовь народа къ гармоникѣ чрезвычайно велика: почти въ каждомъ селѣ имѣется мастеръ этого инструмента.

Не только нынѣшняя матеріальная культура Зырянъ — отраженіе русской, теперешніе обычаи и нравы ихъ во многомъ напоминаютъ русскую старину. Читая „Исторію русской культуры“ Милюкова, именно XVII-й в., я почувствовалъ, что читаю о нравахъ и обычаяхъ Зырянъ. Изучите ихъ религіозныя понятія, отношеніе къ угодникамъ божіимъ, ихъ обряды религіозные, гдѣ во всемъ вы видите смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, ихъ праздники, ихъ дѣвичьи хороводы, поющіе русскія пѣсни на старый ладъ, ихъ суевѣрія, святочныя гаданья и т. п., и все это напомнитъ XVI и XVII вѣка Московской Руси. Есть доля правды, мнѣ кажется, въ томъ, что, путешествуя по окраинамъ Россіи, мы можемъ наглядно изучать всѣ вѣка исторіи, мысленно вычитая племенные и климатическія особенности, характеръ жизни той или другой мѣстности. Нужно думать, что исторія не только во времени, но и въ пространствѣ расположена концентрическими кругами. Не говоря о томъ, что у Зырянъ гаданія въ зимній солнноротъ почти тавія же, какъ и у Русскихъ (съ небольшими варіаціями) весенніе праздники напоминаютъ циклъ праздника весенняго солнцестоянія, что у нихъ сохранились имена языческихъ славянскихъ боговъ, напримѣръ, чуръ. (Чуръ-ти буди — выраженіе, хранящее человѣка отъ порчи), что заговоры Зырянъ часто тѣ же, что и у Русскихъ (хотя все это можно объяснить и безъ заимствованія или при очень маломъ заимствованіи, если допустимъ сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ зырянскаго и русскаго язычества, все же на фактъ сродства нельзя не указать). Я обращаю вниманіе на впечатлѣніе, испытываемое этнографомъ въ зырянской деревнѣ во время какого-нибудь лѣтняго праздника. — Крестьяне старые и молодые пьютъ пиво, гуляютъ по деревнѣ въ русскихъ кафтанахъ, дѣвушки въ красныхъ сарафанахъ составляютъ хороводы, поютъ русскія пѣсни съ припѣвами — ой люли, ой люли, да и т. д., поютъ такія пѣсни, гдѣ встрѣчается слово „буй-туръ“. Бродя между двухъ-этажными домами съ раскрашенными корнизамы, съ высокими крытыми крыльцами, развѣ не почувствуетъ русскій наблюдатель, что онъ въ XVI в. гдѣ-нибудь въ деревнѣ Московской Руси?

За неимѣніемъ мѣста подробно изслѣдовать, что именно чисто зырянскаго въ разныхъ обычаяхъ и обрядахъ, въ гаданіяхъ, въ празднествахъ, что

именно заимствовано отъ русскихъ, а только констатируя фактъ вообще заимствованія отъ русскихъ не только въ области матеріальной культуры, но и въ сферѣ бытовой, религіозно-бытовой, мы зададимъ себѣ вопросъ, имѣющій для насъ значеніе — какое имѣло вліяніе на психику народа то обстоятельство, что вмѣстѣ съ христіанствомъ съ новгородскими и устюжскими колоніями въ Пермскій край пришли и разные предметы домашней утвари и хозяйства, новыя формы одежды, новые обряды и обычаи? Это обстоятельство имѣло два послѣдствія: 1) удивленіе и благоговѣніе Зырянъ предъ всеѣмъ русскимъ и раздраженіе ему; 2) влеченіе въ южныя мѣстности, въ Русскимъ, въ привольную Сибирь, гдѣ „такъ все хорошо и умно и богато“. На каждомъ шагу чувствуется „это“ удивленіе русскому. Но какъ описать это чувство-удивленіе и дѣйствіе его на умъ и характеръ? Самое лучшее — прислушаться къ тому, что говоритъ народъ. Вотъ крестьянинъ изъ дер. Визябджъ смотритъ внимательно на фотографическій аппаратъ и спрашиваетъ, что это такое? Выслушавъ вашъ отвѣтъ, онъ восклицаетъ: „и чего, чего не придумаетъ Русскій?“ Дальше онъ бесѣдуетъ съ вами о городахъ на Руси. „Красивы города, красивъ Питеръ, какая музыка тамъ! ногъ не чувствуешь подъ собою, слушая ее“. Далѣе онъ вспоминаетъ Петра I, „и былъ же человѣкъ! Господи помилуй!“ Подобныхъ вопросовъ, восклицаній много можно наслышаться, если у изслѣдователя есть желаніе говорить съ Зырянами о русскихъ и „чудесахъ“. Фактъ удивленія и благоговѣнія предъ русскимъ легко констатировать. Еще очевиднѣе, какое дѣйствіе производитъ этотъ аффектъ на умъ и волю. При малѣйшей возможности Зырянинъ старается построить домъ, какъ у Русскихъ, одѣться въ ихъ костюмъ, а умѣнье говорить по русски онъ ставитъ такъ высоко, что владѣющаго этимъ искусствомъ называютъ „кыла—мортъ“, т. е. человѣкомъ съ рѣчью, съ языкомъ, для котораго все открыто—книги, законы, суды и т. п. О политическихъ событіяхъ и войнахъ Русскихъ съ другими народами Зырянинъ рассказываетъ съ восторгомъ. Вотъ мужичекъ изъ Ыджыдъ-видзъ вспоминаетъ севастопольскую войну. „Да, три милліона было войска; полтора положили голову; девять милліоновъ семействъ осталось. Каждому семейству по 500 руб. дано. На память крѣпость не починяли—сраженіе было очень велико. Если бы вовсе не починили, Французу дорого бы пришлось. Но царь укрѣпилъ: подати увеличились; иначе все стало бы открыто“.

Уважаая культуру, народъ относится съ довѣріемъ къ начальству, особенно къ высшему, — „чѣмъ выше, тѣмъ больше правды“. Въ примѣръ тому, какъ полезно подчиняться начальству и какъ гибельно не подчиняться, отцы рассказываютъ своимъ дѣтямъ объ Ижемцахъ и Устькуломцахъ. Для доказательства любви Гѣлаго Царя къ Зырянамъ рассказывается исторія Кузь-

Исака. Эти краткіе рассказы описываютъ намъ чувства Зырянина къ правительству и Царю, отъ котораго исходитъ такъ восхищающая ихъ культура.

При Императорѣ Николаѣ I принуждали Ижемцевъ (Зырянъ печерскихъ) строить мостъ черезъ Мезень. Они отказывались. Когда губернаторъ черезъ исправника принуждалъ подписываться къ бумагѣ, которою они обязывались построить мостъ, ижемцы подписывались, исполняя волю начальства, но затѣмъ подавали прошеніе выше, что мостъ строить они не могутъ. Дѣло дошло до того, что Архангельскій губернаторъ послалъ войско съ пушкой, Ижемцы послали ходока съ самому Царю. Царь, узнавши о происходящемъ, велѣлъ пушку остановить въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее застанутъ, за 100 верстъ отъ Ижемцевъ она была задержана (и тамъ до сихъ поръ остается). Царь послалъ въ Ижму чиновника. Тотъ, прибывши, велѣлъ всѣмъ ижемцамъ собраться на слѣдующій день и отправиться на постройку моста. Ижемцы на другой день явились тысячами, на лошадахъ и пѣшіе съ топорами, съ пилами, готовые идти на работу. Чиновникъ, увидавши такую покорность, сказалъ имъ: идите по домамъ, вамъ не нужно моста строить.

Устькуломцы (вычегодскіе Зыряне) волновались въ ту же пору относительно „вотчины“. Они били начальство: исправника, губернатора. Пришло войско, вызвали ихъ на рѣку, на ледъ и всѣхъ пересѣкли розгами. Такъ было наказано неповиновеніе начальству.

Дѣла Ижемцевъ и Устькуломцевъ велъ Балинъ, крестьянинъ изъ Шожима. Ижемцы его слушались, а Устькуловичи вѣтъ. Слава Балина очень велика въ народѣ. Про умнаго человѣка говорятъ: „ты какъ Балинъ“.

Ижемецъ Кузь-Исакъ былъ у Императора Александра II, привезъ ему подарки: малицу, нимы, 10 оленей, а отъ Царя получилъ въ подарокъ золотыя часы. Кузь-Исакъ останавливался съ юртами на р. Невѣ, но огонь развести ему было запрещено. По повелѣнію Царя, онъ на возвратномъ пути на каждой станціи подписывался: „здѣсь проѣхалъ благополучно Кузь-Исакъ“. Такъ дѣлалъ онъ потому, что у него было много враговъ. Былъ онъ въ дружбѣ съ Царемъ и видѣлъ его еще два раза.

Слушая подобныя рассказы изъ устъ народа, вы убѣждаетесь, какъ относится Зырянинъ къ Русскому, какія чувства питаетъ онъ къ Бѣлому Царю.

Второе слѣдствіе культурнаго вліянія Русскихъ—это влеченіе Зырянина въ „ширскія мѣста, на югъ и на востокъ“. На западъ его мало тянетъ. Онъ стремится „въ привольную, хлѣбородную, съ хорошими дугами Сибирь“. Подъ Сибирью Зырянинъ разумѣетъ Вятск. губ., Пермскую, Тобольскую. Молодые дѣвушки сотнями отправляются въ Вятку, чтобы нажить приданое, поучиться русскому языку, усвоить лучшій образъ жизни и, затѣмъ вернувшись на родину съ удовлетворенною любознательностью, разумно выйти за-

мужъ. Молодые люди отправляются въ Пермь, Кунгуръ и далѣе, чтобы найти новые пути жизни, посмотрѣть „обширныя мѣста“. Не только грамотные и ловкіе, но и неграмотные и немудрые бѣгутъ въ южные и восточные края, отъ Вятки до гор. Таръ, стараясь заняться на этомъ пространствѣ какими-либо промыслами или арендованіемъ земли. Вернувшись, нѣкоторые изъ нихъ приносятъ новыя знанія въ ремеслахъ, новыя пѣсни, мудрость жизни въ новыхъ сказкахъ. Эти люди и солдаты—культуртрегеры зырянъ. Черезъ нихъ идетъ все русское, начиная съ ремеслъ и одежды и кончая сказками.

Оба эти слѣдствія вліянія русской культуры: удивленіе и подраженіе ей и влеченіе на югъ и востокъ имѣютъ тенденцію уничтожить расовыя, климатическія и историческія особенности въ жизни Зырянъ. Вопреки мнѣнію Клавдія Попова, утверждавшаго, что Зыряне очень любятъ свою родину и домашній очагъ, они съ большою легкостью оставляютъ „родной уголь“ и довольно быстро забываютъ старину; въ этомъ отношеніи Вотяки и Черемисы несравненно упрямѣе въ своемъ языческомъ міровоззрѣніи и старыхъ обычаяхъ, чѣмъ впечатлительные и подвижные Зыряне.

Такъ пятый факторъ психической жизни въ союзѣ со вторымъ и четвертымъ (охота и соматическія особенности) старается вывеллировать жизнь зырянской окраины въ противовѣсъ первому и третьему факторамъ душевнаго развитія народа.

ГЛАВА VI.

Шестой факторъ, измѣняющій психическій складъ народа — промышленность.

- а) Старое и новое поколѣніе, б) Заводская промышленность въ Пермск. губ. и ея вліяніе.
с) Лѣсной промыселъ по отношенію къ земледѣлію и охотѣ.

Большая разница между дѣдами и внуками у Зырянъ. Дѣды были звѣроловы, колдуны, мистики, пѣвцы. Внуки—рабочіе у лѣсопромышленниковъ, дровосѣки пермскихъ заводовъ. въ ихъ душѣ мало мистицизма и совсемъ нѣтъ поэзіи. Вино и гармоника ихъ услада. Матеріальное благосостояніе—вогъ ихъ идолъ. Въ ихъ устахъ уже нѣтъ осмысленной старины, иная духовная пища насыщаетъ ихъ сердце, рассказы и пѣсни заводскаго люда, солдатскіе анекдоты. Невольная грусть охватываетъ васъ, когда смотрите на молодыхъ людей, этихъ „внуковъ“. Они одѣты въ пиджаки, брюки, калоши, ихъ рѣчь цестритъ русскими словами. „Красоты“ заводской жизни—табакъ, вино, дешевое щегольство весьма имъ милы и понятны. Они франты,

они умны, они горды. Каждый изъ нихъ думаетъ завести себѣ двухъ-этажный домъ и, если возможно, торговлю. Но вамъ становится грустно, и невольно вы спрашиваете: для чего эти молодые люди тутъ, въ сѣверныхъ лѣсахъ, вдали отъ всего того, что имъ мило, отъ центровъ культуры и промышленности. Что общаго между суровымъ климатомъ, дремучими лѣсами и этими молодыми щеголями? Въ старину Зыряне были звѣроловами. Охота и ея поэзія, мистцизмъ—вотъ что связывало ихъ съ угрюмыми лѣсами, съ снѣжными сугробами, съ таинственными завываніями вѣтра. Ихъ одежда, ихъ типъ, ихъ сосновыя избушки, все соотвѣтствовало румяному солнцу въ суровые зимніе дни, очарованнымъ морозомъ лѣсамъ, полнымъ днѣихъ звѣрей... А нынѣшнія поколѣнія? для чего живутъ они на сѣверѣ? что въ нихъ сѣвернаго? Гармонія нарушена между человѣкомъ и природою, и не стало смысла его существованія. Отчего все это такъ? или люди, какъ и лѣса ихъ окружающіе, выродились, измельчали? Есть причины, на которыя можно указать, въ силу которыхъ лѣса и люди измѣнились. Волны, идущія отъ центра къ окраинамъ, волны промышленности измѣнили жизнь на сѣверѣ.

Въ прежнія времена тоже была нѣкоторая промышленность на сѣверѣ, но она была другого рода. Зыряне отправлялись зимою въ Пермск. губ. и по рѣкамъ Чусовой и Камѣ, весною сплавляли желѣзо съ Уральскихъ горъ въ приволжскія мѣстности, а сами возвращались на родину пѣшкомъ черезъ Вятск. губ. Другіе раннею весной поднимались вверхъ по Сысолѣ и Лузѣ, нагружали тамъ барки вятскимъ хлѣбомъ и сплавляли внизъ по р.р. Сысолѣ, Лузѣ, Вычегдѣ, Двинѣ въ Архангельскій портъ. Эти большія барки не мало тогда удивляли народъ. Цѣлыя толпы стояли на берегу около деревень и съ любопытствомъ глядѣли на „бѣлыя большія лодки“. Изъ Архангельска Зыряне пѣшкомъ съ большими катомками на плечахъ возвращались домой. И въ жизни народа никакихъ перемѣнъ не было. Земледѣліе, рыболовство, охота все же были главными занятіями. Старинные обычаи, обряды, пѣсни, сказки—все неизменно хранилось, какъ нѣчто священное. Теперь же только по р. Пожогъ главнымъ образомъ занимаются охотой, въ селѣ Эжомѣ исключительно земледѣліемъ и рыболовствомъ, а остальные мѣстности заняты сплавомъ лѣса и рубкой дровъ на заводахъ Пермской губ. (Вогословскій, Кутимскій и др.). Приквашники лѣсопромышленниковъ Архангельской губ. лѣтомъ нанимаютъ народъ на рубку и сплавъ строеваго лѣса. Сотнями и тысячами осенью, при первыхъ морозахъ, идутъ Зыряне въ дремучіе боры, указанные имъ „лѣснымъ начальствомъ“, продавшимъ лѣсъ промышленникамъ, и здѣсь всю зиму рубятъ и возятъ къ берегамъ рѣкъ огромныя сосны—красу страны. Трудъ въ высшей степени тяжелый. Работа происходитъ по грудъ въ снѣжныхъ сугробахъ; ночи проводятся въ еловыхъ шалашахъ у огня, гдѣ сушатся

и грѣются. Такимъ образомъ вся зима проходитъ внѣ дома, въ трудѣ, отнимающемъ здоровье у человѣка. Другая часть Зырянъ, послѣ полевыхъ работъ и осенней охоты, въ лодкахъ отправляется вверхъ по Вычегдѣ, по Екатерининскому каналу, мимо Чердыни, по Камѣ на пермскіе заводы. Здѣсь тоже въ дремучемъ лѣсу они рубятъ дрова и пилятъ ихъ для заводовъ. Жизнь опять проходитъ въ лѣсу, въ сосновыхъ шалашахъ (безъ передней и задней стѣны), гдѣ постоянно горитъ огонь на очагѣ, или топится печь. Возвратившись отсюда весной, на лѣто занимаются сплавать лѣсъ по рѣкамъ Выми, Вишурѣ и т. д. къ Ускорью. Въ заводскихъ работахъ участвуютъ и дѣвушки. Хорошій работникъ зарабатываетъ около 100 руб. отъ рубки лѣса, да отъ заводскихъ дровъ 100—150 руб. Конечно, деньги это хорошія, и увлекающійся народъ сталъ не такъ усерденъ къ земледѣлію, забываетъ охоту, отвыкаетъ отъ домашняго очага, разучивается говорить по зырянски, грубѣетъ въ нравахъ отъ знакомства съ заводской жизнью. Развилась любовь къ алкоголю, не стало прежней вѣрности дому и семьѣ, съ молодыхъ лѣтъ сталъ народъ страдать головными болями, грудными болѣзнями. Многіе потеряли любовь къ родинѣ, уваженіе къ старымъ обычаямъ, стали презирать медленные пути обогащенія, каковы, напр., трудъ земледѣльца; въ душѣ подрастающаго поколѣнія, воспитаннаго русскимъ заводскимъ людомъ, не стало прежняго идеализма, развившагося въ дремучихъ лѣсахъ подъ вліяніемъ языческой миеологии и началъ христіанства. Народъ сталъ матеріалистъ. Богатство и сила—вотъ его боги. Дома, окрашенные въ разные цвѣта, красивыя сани, телѣга съ коробомъ, блестящая сбруя—вотъ что на умѣ у молодого крестьянина; онъ суровъ и безпощаденъ по отношенію къ отцу, онъ завистливъ по отношенію къ сосѣдямъ, онъ не покоенъ, религія мало его утѣшаетъ.

Что будетъ далѣе съ Зырянами, когда у нихъ порѣдѣютъ лѣса, упадетъ охота, обмелѣютъ рѣки, рыбы, напуганныя пароходомъ, уйдутъ въ море, заводы и фабрики замедлятъ появиться въ этихъ краяхъ, что будетъ съ ними, живущими вдали отъ правосудія и центровъ умственной жизни? Что тогда свяжетъ ихъ съ сѣверомъ? Зачѣмъ жить человѣку на Вычегдѣ, гдѣ нѣтъ волшебныхъ лѣсовъ, вдали отъ цивилизаціи, школъ и дорогъ,—отчего не жить ему въ южной части Сибири, гдѣ теплѣе и лучше?

Заключеніе.

Такъ пытались мы въ краткихъ чертахъ показать аналитически, какъ шесть факторовъ вліяли въ отдѣльности на психическій складъ народа, создавая въ немъ разныя особенности религіозныя и бытовыя. Маленькій народъ, брошенный рукою судьбы въ дремучія дебри сѣвера, въ страну, гдѣ лучи солнца падаютъ подъ угломъ 30°, долженъ былъ вдали отъ цивили-

заціи вести подвижную жизнь охотника. Живя въ краю, гдѣ мало солнечнаго свѣта, а также, можетъ быть, по какимъ-нибудь неизвѣстнымъ причинамъ, которыя создаютъ расовыя отличія, Зыряне, надо допустить, съ самаго начала исторіи были народомъ впечатлительнымъ, экспансивнымъ, со слабыми задерживающими центрами нервной системы и воли. Охотничья же жизнь еще увеличивала ихъ природную подвижность. Но жизнь охотника и земледѣльца, который свѣтъ только ячмень, какъ это было у Зырянъ въ старыя времена, и воздѣлываетъ свои поля скороспѣшно, въ краткое трехмѣсячное лѣто, такая жизнь, способствуя подвижности и предприимчивости едва ли могла развивать стойкость и послѣдовательность. Напротивъ, здѣсь получается такая картина, что человекъ нѣкоторое время работаль быстро и скоро, а затѣмъ продолжительно отдыхалъ или брался за другое дѣло. Предприимчивости послѣдовательной ничто не развило въ Зырянахъ. Добавить къ этому, что древняя культура Зырянъ поддерживала въ нихъ разобщенность, развивала неспособность къ общимъ начинаніямъ, и мы поймемъ, почему Зыряне кажутся энергичными, а въ сущности малаго достигаютъ.

Малорезультатность частныхъ и общихъ начинаній отчасти также обязана и тому, что у Зырянъ нѣтъ своей интеллигенціи, благодаря однообразію и однолинейности жизни, какъ это видѣли мы въ I главѣ.

Вотъ на такой то равно-умный народъ, впечатлительный, увлекающійся, предприимчивый, но не послѣдовательный, скоро начинающій и скоро кончающій, нахлынула русская культура, принеся съ собою множество предметовъ, неизвѣстныхъ до того времени Зырянамъ. Въ средѣ впечатлительныхъ увлекающихся людей при слабомъ развитіи центровъ самообладанія, эти новыя вещи стали предметомъ тщеславія или зависти. Людей, не склонныхъ къ сложной общественной жизни, не довѣряющихъ другъ другу, русская администрація соединила въ волости, въ сельскія общества, но, конечно, внутренней соціальной жизни дать не могла. И въ сельскихъ обществахъ Зыряне живутъ изолированно, мало другъ другу помогая, не имѣя въ виду никакихъ общихъ улучшеній.

Но русская культура сдѣлала свое дѣло, она произвела глубокое впечатлѣніе, она увлекла сотни и тысячи зырянъ въ Вятскую губ. и въ Сибирь. Любовь къ родинѣ, къ домашнему очагу не была настолько сильною, чтобы удержать ихъ на своей территоріи. Въ Вятской губ., въ Сибири въ какомъ положеніи будутъ люди, менѣе способные къ общественной жизни, чѣмъ ихъ конкуренты (русскіе), люди съ мистическими понятіями о природѣ и человекѣ, съ малымъ знаніемъ ремесль, которыхъ вдобавокъ стала мучить тоска по родинѣ (любовь къ ней все же есть, велика ли, мала ли), по роднымъ лѣсамъ, по охотѣ въ вольныхъ чащахъ; и вотъ многіе, съ раздвоенной душой, возвращаются обратно на родину, иные предаются алкоголю.

Что дѣлается на родинѣ?—Сюда вторглась промышленность, общающаяся большія и скорыя деньги. Пермскіе заводы съ рубкой лѣса, непремѣнно съ рубкой дровъ, потому что ни на что другое неспособны некультурные Зыряне, не имѣющіе никакого технического образованія и никакой интеллигентной помощи,—такъ эти заводы, прикащики архангельскихъ лѣсопромышленниковъ увлекли толпы людей, оторвавъ ихъ отъ сохи и охотничьяго ружья. Зыряне, конечно, не стали богаче отъ сплава лѣса, но отвыкли отъ домашняго очага, многіе потеряли здоровье, многіе приучились къ пьянству.

Увлекающійся народъ, не имѣющій знанія жизни, послѣ неудачныхъ попытокъ вѣь родины, требуетъ что-нибудь создать столь же поспѣшно дома, на родинѣ, между своими. Заводится торговля, строится заводъ; но и здѣсь поспѣшная предприимчивость и отсутствіе послѣдовательности, и здѣсь отсутствіе взаимопомощи, хвастливость, зависть, недоувѣріе, неразумная подражательность: торговля прекращается по безденежью, заводъ закрывается за неимѣніемъ кредита. Ни одинъ купецъ изъ Зырянъ не имѣетъ купцомъ же дѣда,—быстро поднимаются и быстро опускаются. Обыкновенно сынъ, въ своихъ увлеченіяхъ, въ жадѣ неизвѣданныхъ благъ культуры, растрчиваетъ деньги отца и впадаетъ въ прежнее состояніе или же топить свои неудачи въ винѣ, не имѣя возможности за что нибудь приняться въ однообразной средѣ своихъ соплеменниковъ. Преданныхъ алкоголю чрезвычайно много между Зырянами, благодаря впечатлительности ихъ, отсутствію послѣдовательности и однолинейности жизни. Сложилась даже поговорка: „непьющій—золото, даже дороже золота“, „непьющій не имѣетъ цѣны“ и т. п.

Въ такомъ видѣ представляется мнѣ совмѣстное дѣйствіе вышеобозначенныхъ факторовъ на психику Зырянъ. Но разныя стихіи, или факторы, какъ мы ихъ называемъ, не могутъ быть постоянно въ борьбѣ между собою. Религіозная двойственность постепенно исчезаетъ въ народѣ подѣ влияніемъ церкви и чтенія книгъ Св. Писанія. Съ увеличеніемъ числа школъ распространяется грамотность, и становятся доступными книги, проясняющія сложное, запутанное міровоззрѣніе безграмотнаго челоувѣка, унаслѣдовавшаго отъ предковъ традиціи, противорѣчащія принципамъ современной жизни. Неудачныя предпріятія на родинѣ и вѣь ея научаютъ народъ осторожности и даютъ свѣдѣнія о положеніи вещей. Такъ постепенно дѣйствія разныхъ факторовъ, влиявшихъ на развитіе Зырянъ, приходятъ въ гармонію. Нужно признать, что происходитъ это очень медленно; отсюда неизбѣжнымъ является заключеніе, какъ терпѣливо и снисходительно нужно относиться къ проявленіямъ старыхъ традицій и понятій, хотя бы и языческихъ у инородцевъ. Инородцы—народъ „безъ головы“, а двоувѣріе лишь медленно можетъ быть видоизмѣнено въ истинно-христіанское вѣрученіе.

По Чердынскому уѣзду.

Поѣздка на Вишеру, на Колву и на Печору.

I.

Минувшимъ лѣтомъ, съ открытымъ листомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ качествѣ собирателя матеріаловъ по этнографіи, я ѣздилъ на Вишеру, Чердынскаго уѣзда. На Вишеру вмѣстѣ со мной ѣздили и вольнослушатель Художественнаго Училища при Императорской Академіи Художествъ П. П. Беркутовъ, который съ Вишеры уѣхалъ обратно, а я послѣ того проѣхалъ еще всю Колву, всю населенную Унью и Печору въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда. Полагая, что впечатлѣнія отъ поѣздки въ далекій, глухой и рѣдко посѣщаемый край представлять можетъ быть нѣкоторый интересъ, я и попытаюсь здѣсь изложить ихъ.

Не буду распространяться о всѣмъ извѣстномъ длинномъ переѣздѣ отъ Петербурга до Чердыни: до Нижняго Новгорода по желѣзной дорогѣ, до Перми по Волгѣ и Камѣ на пароходѣ и отъ Перми до Чердыни по Камѣ, Вишерѣ и Колвѣ тоже на пароходѣ.

Въ Чердынѣ мы пріѣхали 3-го іюня. Чердынѣ стоятъ на правомъ, очень высокомъ берегу Колвы, (въ 5—6 верстахъ отъ впаденія ея въ Вишеру) съ котораго, говорятъ, одинъ изъ красивѣйшихъ „городскихъ“ видовъ въ Россіи: видны необозримое пространство лѣса, Полюдовъ и Помянный камни, чуть чуть замѣтные, цвѣта глины, берега горной Вишеры. Чердынѣ, какъ извѣстно, древнѣйшій городъ Пермской губерніи, называлась прежде Великою Пермью Чердынью и была главнымъ городомъ Земли Пермской или Перміи. Въ русскихъ лѣтописяхъ Чердынѣ упоминается въ первый разъ подъ 1472 г., по случаю завоеванія Земли Пермской Москвою, но Чердынѣ значительно древнѣе и, по преданіямъ, построена на развалинахъ нѣкогда знаменитой миѣической Віарміи или Віармландіи. Въ нынѣшней Чердыни слишкомъ четыре тысячи жителей, семь церквей (одна изъ которыхъ, Богословская, очень древняя, первоначально построена въ 1468 году) и ни одного средне-учебнаго заведенія; въ послѣднее время при земской управѣ основался музей. Чердынѣ—торговый городъ, причемъ торговля носитъ характеръ мѣшовой: въ сѣверо-

восточной части уѣзда своего хлѣба „скрозь“, т. е. на круглый годъ, никогда не хватаетъ. Отъ Сарапула, Чистополя и проч. нижнеприкамскихъ хлѣбныхъ мѣстъ „чердаки“ (такъ обыкновенно зовутъ низовые жители Камы чердынскихъ торговцевъ) везутъ хлѣбъ и сбываютъ его въ своемъ уѣздѣ и главнымъ образомъ на Печорѣ, а обратно съ Печоры—„чердаки“ везутъ семгу, сига, рябковъ, пушные товары и отправляютъ ихъ въ Нижній и Ирбитъ. Извозный промыселъ, вслѣдствіе этого, сильно развитъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, гдѣ имъ заняты почти поголовно все подгородныя волости.

Въ Чердыни мы прожили два дня, сдѣлали необходимыя закупки, осмотрѣли мѣстныя достопримѣчательности—церкви и зашли въ земскую управу, предсѣдатель которой, г. Удинцевъ, любезно разрѣшилъ намъ останавливаться на земскихъ квартирахъ въ предѣлахъ всего уѣзда.

Изъ Чердыни въ Вишеру, выше впаденія въ нее Колвы, ходятъ три небольшихъ пассажирскихъ пароходика. Пароходы ходятъ безъ опредѣленнаго расписанія, по мѣрѣ нужды, въ большинствѣ случаевъ если есть грузъ, такъ какъ пассажировъ бываетъ обыкновенно очень немного. Ходятъ пароходы обыкновенно до перваго отъ устья Колвы селенія на Вишерѣ,—до Вижаихинскаго завода, рѣже до дер. Бушменей, еще рѣже до д. Акчима и только весной, въ полою воду, до послѣдняго селенія по Вишерѣ,—деревни Усть-Улса.

Пароходикъ „Надымовъ“, на которомъ мы выѣхали на Вишеру изъ Чердыни утромъ 5-го іюня, шелъ до завода Вижаихи. Пять-шесть верстъ пароходъ шелъ по Колвѣ до ея устья, а затѣмъ повернулъ въ Вишеру. Въ обѣихъ рѣкахъ, несмотря на іюнь мѣсяцъ, было очень много воды. Рѣки были полны въ берегахъ и прибрежныя кусты въ низинахъ стояли чуть не до верхушекъ въ водѣ. Въ Колвѣ, кромѣ того, вода была грязна и пѣниста, какъ весной, а по рѣкѣ плылъ „наносъ“, дрова, доски, сорванные съ „плотбищъ“ бревна.

Пассажировъ на „Надымовѣ“ очень немного, 12—15 человекъ; не видно и груза, и можно только удивляться изъ-за чего идетъ пароходъ на Вишеру. Пристаней до Вижаихи нѣтъ, но пароходъ вездѣ по мѣрѣ надобности пристаетъ, высаживаетъ и беретъ пассажировъ, принимаетъ владь. Пристаетъ пароходъ безъ всякихъ затѣй, просто,—приткнется къ берегу, перебросятъ сходню, ссадятъ кого нужно или возьмутъ, и опять впередъ.

Вишера до завода Вижаихи, вѣрнѣе до дер. Бахарей, совсѣмъ еще не горная рѣка. Выше устья Колвы вода въ Вишерѣ сразу свѣтлѣетъ, но еще не такъ, чтобы и въ глубокихъ мѣстахъ было видно дно, какъ выше. Рѣка умеренно быстра, нѣтъ перекатовъ, а тѣмъ больше нѣтъ пороговъ, нѣтъ камней на днѣ. Оба берега низменны и покрыты еловымъ лѣсомъ, который

вплотную подходить къ самой водѣ, отъ чего деревья часто подмываются и падаютъ въ воду. Если берега обрывисты, они состоятъ изъ суглинковъ разныхъ цвѣтовъ и торфяника, доходящаго до сажени толщиною; тамъ, гдѣ берега песчаны, они одѣты березнякомъ, а у самой воды кучами тальника, между которыми разчищены пожни. Берега свѣже-зелены, потому что въ началѣ іюня на Вишерѣ въ полномъ разгарѣ весна. Рѣка очень извилиста и растущій на нашихъ глазахъ Полюдь-камень виднѣется то впереди парохода, то справа, то слѣва, а то и сзади.

Выѣхавъ изъ Чердыни въ 10 часовъ утра, въ 5 часовъ того-же дня мы были уже на Вижаихинскомъ заводѣ, до котораго отъ Чердыни водой 90 верстъ.

Дальше вверхъ по рѣкѣ намъ предстояло ѣхать въ лодкѣ, но прежде мы рѣшили сходить на Полюдовъ-камень, до котораго отъ Вижаихи шесть верстъ, и поэтому заночевали въ заводской квартирѣ для проѣзжающихъ.

„Вижаиха“ — это строящійся горный заводъ „Волжско-Вишерскаго акціонернаго общества“. Основанъ онъ всего три года назадъ, затѣмъ, чтобы служить мѣстомъ выплавки чугуна съ рудниковъ общества, находящихся вверхъ по Вишерѣ, а главнымъ образомъ потому, что вблизи завода предполагали залежи желѣзной руды. Цѣлыхъ три года заводъ очень энергично строили. На пустынномъ болотистомъ устьѣ рѣчки Вижаихи выросъ цѣлый городокъ. Выстроена цѣлая улица прекрасныхъ большихъ двухъ-этажныхъ деревянныхъ домовъ для крупныхъ служащихъ, небольшихъ домиковъ — особняковъ для служащихъ мелкихъ, бараки для рабочихъ, поставлено очень много углеобжигательныхъ печей, закончена постройка домны. На заводѣ все-таки очень еще много недодѣланнаго, но въ то время, когда мы туда пріѣхали, работы были почти пріостановлены, ибо оказалось, что руды вблизи завода совсѣмъ нѣтъ... 1-го сентября, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, Вижаихинскій заводъ закрытъ совсѣмъ. Вообще постройка Вижаихинскаго завода, по словамъ мѣстныхъ дѣловыхъ людей, одна изъ крупныхъ ошибокъ Волжско-Вишерскаго общества.

Утромъ 6-го іюня мы пошли на Полюдь-камень. Сначала нужно было пройти двѣ версты лѣвымъ берегомъ Вишеры до дер. Митрюковой, откуда переѣхать на правый берегъ въ дер. Бахари, отъ которой до Полюда всего 4 версты. Дорога изъ Бахарей идетъ сначала полями, потомъ „бросихами“ или „шутьмами“, затѣмъ лѣсомъ; версты за 2¹/₂ отъ деревни „Телѣжница“, по которой мы шли, кончается, превращаясь въ тропу. Съ версту тропа тянется болотиной, по которой идти очень трудно, сыро и грязно. Дорога все время идетъ умѣренно въ гору. За 100 сажень отъ вершины тропа внезапно понижается, болотина исчезаетъ, а черезъ нѣсколько сажень тропа идетъ уже

совѣтъ круто, по сухому каменистому грунту, между разбросанными вокругъ громадными сѣрыми камнями.

Еле шевеля ногами отъ усталости, добрались мы до вершины и были вознаграждены тѣмъ, что увидѣли.

Мы сидѣли на краю совершенно отвѣсной въ 15—16 сажень стѣны—обрыва, подъ которой въ хаотическомъ безпорядкѣ лежали поломанныя громады известняка. Такія-же стѣны—обрывы торчали у насъ передъ глазами; окидая глазами даль, мы видѣли холмистую, покрытую лѣсомъ равнину. Подъ ногами былъ точно образецъ бывшаго когда-то на землѣ хаоса, а передъ нами—точно взволнованный океанъ вдругъ застылъ и съ вѣками обросъ щетиною лѣса. Мы избродили всю вершину Шолюда, спускались съ кручъ внизъ и обшарили всѣ умѣренной величины ниши, а большой пещеры, будто бы здѣсь существующей, не нашли, и ночью вернулись въ Вижаиху.

Ни Беркутовъ, ни любитель-фотографъ г. Юхневъ, провожавшій насъ изъ Чердыни до Усть-Улса, не располагали особенно временемъ и, не желая отстать отъ нихъ, я рѣшился изъ Вижаихи, не останавливаясь, проѣхать до дер. Усть-Улса, съ тѣмъ, чтобы уже на обратномъ пути, одному, заѣзжать во всѣ селенія на Вишерѣ.

На наше счастье, утромъ 7-го іюня отъ Вижаихи до дер. Акчима шелъ пассажирскій пароходикъ „Обвинецъ“.

Въ 9 часовъ утра мы отвалили на „Обвинцѣ“ изъ Вижаихи и, дойдя до деревни Бахари, вступили, можно сказать, въ область „горной“ Вишеры. Тотчасъ за Бахарами одиноко, въ видѣ сахарной головы, стоитъ первый на Вишерѣ, до 7 сажень вышины, „Вострый“ или Колоколенный камень. Мы миновали его и черезъ часъ уже проходили мимо одного изъ грандіознѣйшихъ и красивѣйшихъ камней Вишеры—Ветлана. Это совершенно отвѣсная гладкая, тянущаяся версты на полторы надъ водой, стѣна, сажень 25—30 вышины, на самой вершинѣ которой растутъ, точно бахрома, ряды сосенъ, что и придаетъ Ветлану особенную прелесть. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ветланъ прорѣзанъ ущельями, наполненными зеленой елью и изумрудной березой. Вишера все еще не особенно быстра и не порожиста и „Обвинецъ“, имѣя за собой небольшую барженку съ хлѣбомъ, идетъ 5—6 верстъ въ часъ. Берега Вишеры умѣренно высоки и преимущественно состоятъ изъ уваловъ, покрытыхъ елью, или березой. Здѣсь Вишера довольно густо, для Чердынскаго уѣзда, населена и на 18 верстахъ, имѣя на концахъ Бахари и село Говорливое, мы проходимъ еще мимо 4-хъ деревень: Талицы, Южаннинова, Раманихи, Овладѣва. Вишерская деревня—это обыкновенно рядъ дом. въ вѣдлинію на самомъ берегу рѣки, безъ дворовъ, съ повѣтами сзади. Деревня въ долинѣ между двухъ крутыхъ холмовъ; за деревней тотчасъ, по скло-

намъ холмовъ къ рѣкѣ, крохотное польцо, за которымъ уже опять лѣсъ и увалы, и опять лѣсъ; или деревня, кажется снизу, на неприступной горѣ, какъ Овладѣва, и въ нее съ берега идетъ извилистая между камнями тропа.

У села Говорливаго первый большой и быстрый порогъ, гдѣ версты на $1\frac{1}{2}$ на 2 дно рѣки покато и рѣка на томъ мѣстѣ очень быстра. „Обвинецъ“ эти $1\frac{1}{2}$ —2 версты поднимался не меньше двухъ часовъ. Небольшое въ 20 дворовъ, съ маленькой бѣлой церковью, село Говорливое прислонилось къ склону знаменитаго на Вишерѣ Говорливаго камня, который на двѣ версты тянется по берегу замѣчательно красивыми, отвѣсными, къ водѣ скалами. Замѣчателенъ камень эхомъ, передающимъ не только звуки, но и переливы ихъ, что нѣкоторые объясняютъ дугообразнымъ расположеніемъ этой каменной стѣны къ рѣкѣ.

Днемъ солнце ярко свѣтило, но не особенно тепло грѣло. Все время сидишь на трапѣ, смотришь и не насмотришься на дивныя картины.

Но особенно хороша была Вишера въ нашу первую ночь на пароходѣ, въ продолженіи которой все время можно было свободно читать.

Утромъ 8-го пришли въ деревню Бушмени, — пунктъ, отъ котораго Вишера дѣлается гораздо опаснѣе для пароходовъ, чѣмъ прежде. Гораздо чаще встрѣчаются пороги и перекаты, и эти пороги и перекаты гораздо чѣмъ прежде мельче, круче и потому опаснѣе. Волжско-Вишерское общество имѣетъ для заводской надобности три парохода. Съ Вижанхи до Бушменей эти пароходы водятъ пустыя суда изъ-подъ руды, а отъ Бушменей до Усть-Улса суда поднимаютъ вверхъ по рѣкѣ уже бичевой, на лошадяхъ. Заводскіе пароходы ходятъ по Вишерѣ и выше Бушменей, конечно, но для „Обвинца“ съ барженкой идти отъ Бушменей дальше составляло въ нѣкоторомъ родѣ подвигъ. Тогчасъ за Бушменями, противъ Дыроватаго камня начинается Косой порогъ и, чтобы идти черезъ него съ баржей, нашъ плохонькій, старой конструкціи, съ деревяннымъ корпусомъ и всего въ 15 силъ пароходикъ долженъ былъ извѣстнымъ образомъ приготовиться.

Главная опасность Косого порога не въ томъ, что онъ мелокъ и быстръ, а въ томъ, что фарватеръ рѣки на самомъ быстромъ мѣстѣ, образуя уголъ, круто поворачивается и вершина угла приходится на Дыроватомъ камень. Малѣйшая оплошность и пароходъ броситъ на косу, гдѣ очень мелко, или еще хуже — на Дыроватый, гдѣ пароходъ можетъ разбиться. Задача состояла такимъ образомъ въ томъ, чтобы во время повернуть пароходъ съ одной стороны треугольника на другую и избѣжать съ одной стороны мелкой косы, съ другой твердынь Дыроватаго камня.

Не надѣясь на слабую силу парохода, командиръ велѣлъ завести за 200—300 сажень „снасть“ и прикрѣпить ее за выступъ скалы выше Дыроватаго,

а другой конецъ снасти укрѣпить къ вороту на носу парохода. Работая машиной, „выхаживая“ снасть воротомъ и подталкиваясь шестами, командиръ и думаль пройти Косой порогъ.

Все приготовили, и пароходъ тронулся: изо всѣхъ силъ работала машина, трое матросовъ „выхаживали“ воротъ, да трое упирались шестами въ дно, отталкиваясь отъ мели, гдѣ виднѣлась предательская коса. Пароходъ сталъ замѣтно подвигаться, но изъ-за крутого поворота вверху рѣки показался плотъ. Несущійся стремительно по рѣкѣ плотъ не могъ остановиться, пришлось застопорить машину и отпустить снасть. Пароходъ бросило на косу, отъ которой, чтобы не насѣсть очень, изо всѣхъ силъ отталкивались шестами. Пропустили плотъ, черезъ 10 минутъ снялись съ косы и пошли впередъ. Долго тянулись по быстринѣ и только что подошли къ Дыроватому, сверху показался опять плотъ. Спячиваться обратно послѣ столькихъ усилій было досадно, а съ баржей пожалуй и небезопасно. Отпустили веревку опять и такъ какъ были совсѣмъ у Дыроватаго то и „прижались“ къ нему, смягчая силу удара о камень тѣмъ, что упирались въ камень шестами, а когда подошли близко и руками. Опять пропустили плотъ и совсѣмъ было вышли изъ порога, но когда были въ самой его вершинѣ, конецъ снасти привязанный къ скалѣ оборвался, а шести въ это время бездѣйствовали, и пароходъ сейчасъ же съ силой потащило на Дыроватый. Всѣ кинулись упираться въ Дыроватый, чтобы смягчить силу удара, но все-таки раздался трескъ и когда затѣмъ пароходъ отошелъ отъ камня, карнизъ командирскаго мостика отпалъ въ воду. Для „Обвинца“ это, конечно, была очень дешевая расплата за переходъ по Косому порогу.

Пройдя Косой порогъ, пошли дальше, миновали удивительно красивые „Столбы“ и въ 4 часа подошли къ тоже очень опасному уже быстринѣ своей Крутому порогу. Передъ Крутымъ порогомъ раздался на пароходѣ страшный шумъ и свистъ и паръ клубами сталъ выбиваться на палубу. Оказалось, — „продуло флянецъ“. Это значило, что паръ пробилъ себѣ отверстие въ асбестѣ въ одномъ изъ колѣнъ какой-то трубки и изъ паровика весь вышелъ на волю. Чтобы исправить трубку, нужно было два часа времени. Въ 6 часовъ вечера трубку исправили и пароходъ снова готовъ былъ идти черезъ Крутой порогъ. Командиръ рискнулъ идти впередъ только силою парохода и за это заплатилъ: пароходъ сейчасъ-же былъ отброшенъ въ сторону съ фарватера и прибитъ къ берегу. Поневолѣ пришлось прибѣгнуть къ спасительной снасти. Снова завезли въ лодкахъ снасть за 200 сажень отъ парохода, прикрѣпили къ чему-то на берегу и стали подниматься. Пароходъ выбрался на фарватеръ и дѣло направилось было, но баржа вдругъ „рыснула“ въ сторону и сѣла на мель. Пароходъ работалъ изо всѣхъ силъ, всѣ силы употреблялись на выхаживаніе снасти, но барженка не двигалась съ мѣста.

Сдѣлали „неволю“—2-хъ-саженный деревянный рычагъ—подвели ее подъ баржу и „неволей“ думали снять баржу съ мели, но непомогало и это: напрасно промаялись два часа.

Просидѣли бы на мели и Богъ знаетъ сколько, но въ это время подѣхали снизу обратные гоньщики изъ подъ шитиковъ на лошадахъ. Командиръ нанялъ гоньщиковъ пособить. Они привязали „хвосты“ своихъ постромокъ къ бичевѣ и только что лошади тронулись, пароходъ пустился на полный ходъ, всѣми бывшими шестами на пароходѣ уперлись въ дно рѣки и барженка снялась таки съ мели. Къ полуночи пришли въ деревню Голоскову, у которой пароходъ и заночевалъ. Съ 4-хъ часовъ утра до 12 часовъ ночи въ этотъ день прошли ровно 15 вереть.

Таковы условія Вишерскаго пароходства несмотря на то, что рѣку по два, по-три лѣта чистили: выбирали съ фарватера камни, строили дамбы и пр. Конечно, всѣ несчастія съ „Обвинцемъ“ случались главнымъ образомъ благодаря халатности командира, а затѣмъ благодаря слишкомъ ничтожной силѣ парохода. Заводскіе гораздо большаго размѣра и большихъ силъ (до 80 силъ) пароходы ведутъ обыкновенно изъ Вижанки цѣлый караванъ (до 10 штукъ) порожнихъ шитиковъ изъ-подъ руды и обходятся, конечно, безъ лошадиной помощи. Но и съ ними не въ рѣдкость несчастія, только уже болѣе серьезнаго характера. Они часто ломаютъ свои корпуса о камни на двѣ рѣки. Такъ съ начала навигаціи 99 года до августа, когда навигаціи осталось еще 1¹/₂—2 мѣсяца, одинъ изъ заводскихъ пароходовъ, „Орленокъ“, имѣлъ 17 проломовъ въ корпусѣ.

„Обвинецъ“ взялъ подрядъ отвести баржу съ хлѣбомъ до дер. Акчима, но такъ его и не выполнилъ. На утро онъ попробовалъ подняться по порогу выше дер. Сыпучихъ, но не смогъ этого и, оставивъ баржу у берега, ушелъ обратно въ Чердынъ.

Мы слышали, что мимо Сыпучихъ пройдетъ заводскій пароходъ „Добрянка“ и рѣшили ждать его. Сыпучи или Сыпучихъ—большая для Вишеры деревня: въ ней 50 дворовъ, земское училище, волостное правленіе, часовня. Деревня тотчасъ за Сыпучимъ камнемъ, который замѣчательнъ своими очень разнообразными и ясно выраженными слоями песчаника. Одна половина деревни на склонѣ Сыпучаго камня, другая—на склонѣ другого увала, въ оврагѣ, слѣдовательно, какъ бы, а по серединѣ деревни бѣжитъ рѣчка, которая при впаденіи въ Вишеру дѣлится на цѣлый десятокъ ручейковъ.

Мы прожили въ Сыпучихъ два дня—художникъ писалъ этюды, а я записывалъ пѣсни. Въ концѣ второго дня вечеромъ мы подѣхали въ лодкѣ къ идущей снизу заводской „Добрянкѣ“.

Цѣль заводскихъ пароходовъ—поднимать пустые шитики, въ которыхъ

съ рудниковъ на верхней Вишерѣ и изъ Кутимскаго завода плавять руду и чугуны, а также доставлять на заводы и рудники хлѣбъ, сѣно, разные товары и пр. Пароходы заводскіе исключительно товарные, но возятъ своихъ служащихъ и рабочихъ и обыкновенно не отказываютъ и всѣмъ прочимъ, ѣдущимъ по служебнымъ дѣламъ на Вишеру. У Волжско-Вишерскаго общества три парохода: „Добрянка“, самая громоздкая, ходитъ большею частью между Вижаихой и дер. Бушмени. „Ульс“ — между Бушменами и Усть-Ульсомъ и „Вѣлс“ поднимается до строящагося Вѣлсинскаго завода. „Добрянка“ вела баржу съ 6.000 п. груза и шла 4—5 верстъ въ часть, а на порогахъ двѣ, а то и одну версту въ часть.

Вишера становилась все быстрее и быстрее, чаще и мелководнѣе попадались перекаты и пороги, сквозь совершенно прозрачную воду на днѣ рѣки можно было видѣть громадные камни. Увалы на берегахъ становились и круче и живописнѣе. Миновали деревни: Воронью, Голоскову, Потоскуеву и Писаную, за которой на двѣ версты тянется высочайшій и грандіознѣйшій, по моему мнѣнію, на всей Вишерѣ Писанный камень. Писаннымъ камень названъ потому, что въ одномъ мѣстѣ поверхность камня по крайней мѣрѣ въ пять квадратныхъ сажень исписана красной краской, грубо, и примитивно, очевидно рукой очень древняго отъ нашего времени человѣка; изображенъ человѣкъ, олень, чаши и проч. предметы. Самые древніе старики, вишерцы не помнятъ, конечно, времени, когда появилась надпись и не могутъ объяснить ея значенія. Ничего не знаютъ о ней и вогулы, у которыхъ я также спрашивалъ про іероглифы. Не описана-ли здѣсь примитивнымъ способомъ легенда про Писанный камень: на немъ до сихъ поръ показываютъ карнизъ, начинающійся отъ воды и подъ угломъ градусовъ въ 45 идущій до вершины одного изъ камней. Карнизъ въ 1—1½ сажени шириной, поросъ травой и мелкой порослью березы и ели. По нему, будто-бы, нѣкогда, зимой, поднялась связу вверхъ и спустилась внизъ вогулка на оленяхъ. „Бились объ закладъ“ на бутылку водки; вогулка, чтобы не было страшно, завязала платкомъ глаза. Кромѣ того, на самомъ высокомъ пунктѣ камня, въ совершенно отвѣсной стѣнѣ есть отверстіе, повидимому, входъ въ пещеру. Въ круглой дырѣ лежитъ камень и такъ и кажется что сдѣланъ онъ человѣческими руками. Въ пещерѣ этой, рассказываютъ старики, лежитъ кладъ жившихъ прежде на Вишерѣ разбойниковъ. Про Писанный-же камень упоминается въ одной вогульской челобитной 1689 года, гдѣ просятъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей сдѣлать Писанный камень границей между ихъ и русскими владѣніями. Теперь въ Писаномъ есть еще двѣ пещеры, въ которыхъ я былъ на обратномъ пути, но не нашелъ въ нихъ ничего интереснаго.

Въ 6 верстахъ отъ д. Писаной предпоследняя на Вишерѣ деревня Акчимъ,

противъ рѣчки Акчимъ-же, на противоположномъ берегу. Въ Акчимѣ „Добрянка“ встрѣтилась съ „Улсомъ“ и оба парохода повели по баржѣ вверхъ. Вишера отъ Акчима дѣлается еще порожище и быстрее, и когда „Добрянка“ подошла къ порогу противъ камня Яборусъ, то, промаявшись по крайней мѣрѣ часъ, не могла поднять своей баржи. Равносильный „Добрянкѣ“ „Ульсъ“ ушелъ со своей мелководящей съ небольшимъ грузомъ баржей по другой болѣе мелководной и болѣе тихой заостровѣ. Тамъ „Ульсъ“ оставилъ свою баржу и пришелъ на помощь „Добрянкѣ“ и вотъ, отъ Яборуса вплоть уже до Усть-Улса, 45 верстъ, баржу съ 6,000 пудовъ груза вели уже два парохода. На быстрѣйшемъ на Вишерѣ порогѣ Бойцѣ, по которому вода катилась какъ на мельницѣ и простымъ глазомъ замѣтенъ былъ большой наклонъ рѣчки, и два-то парохода чуть-чуть подняли баржу съ 6,000 пуд. груза. На берегу противъ Бойца стоитъ два или три ворота, съ помощью которыхъ поднимаются пароходы черезъ Боецъ, если у нихъ не хватаетъ своихъ силъ.

Между Акчимомъ и Усть-Улсомъ впадаютъ въ Вишеру три совершенно уже горнаго характера рѣчки: — Верхняя, Средняя и Нижняя Золотихи и рѣчка Вая, замѣчательная тѣмъ, что, пройдя 20 слишкомъ верстъ и не дойдя до лѣваго берега Вишеры 2¹/₂ верстъ, она скрывается подъ землю. Отъ Акчима до Усть-Улса до самаго послѣдняго времени не было ни одного селенія, но теперь ровно на половинѣ пути, на 22¹/₂ версты съ той и другой стороны, построена земствомъ станція „Половинка“, гдѣ живетъ земскій ямщикъ.

Въ Усть-Ульсѣ мы пріѣхали 13-го іюня днемъ.

Усть-Ульсъ—послѣдняя деревушка на Вишерѣ, на правомъ ея берегу, замѣчательная тѣмъ, что въ ней живутъ до десятка семействъ обрусѣвшихъ вогуль. Волею судебъ этой вогульской деревушкѣ суждено было стать самой оживленной деревней на Вишерѣ, такъ сказать, вишерскимъ Парижемъ. Дѣло въ томъ, что Усть-Ульсъ—конечный пунктъ заводскаго пароходства; на противоположномъ деревнѣ берегу устроена пристань, гдѣ пароходы оставляютъ баржи съ грузомъ снизу, здѣсь-же грузится чугунъ съ Кутима для отправки внизъ, отсюда-же начинается и 35-ти-верстная конво-жельзная дорога на заводъ Кутимъ. Вслѣдствіе всего этого въ Усть-Ульсѣ и въ деревнѣ и на „заводской сторонѣ“, всегда много пришлого народу: нагружаютъ и разгружаютъ баржи, складываютъ въ бунты хлѣбъ и друг. товары; черезъ Усть-Ульсъ-же непременно проходятъ и всѣ рабочіе на пріиски, рудники и заводы на Чердынскомъ Уралѣ. Въ нынѣшнее лѣто, когда очень энергично стали строить Вѣлсинскій заводъ, народу въ Усть-Ульсѣ еще прибыло. Въ Усть-Ульсѣ есть винная лавка, которая, трудно повѣрить, выручаетъ въ годъ до 50.000 рублей! Дѣло въ томъ, что отсюда вино въ страшномъ количествѣ идетъ на всѣ пріиски, рудники и Вѣлсинскій заводъ. Въ Усть-Ульсѣ-же пріѣзжаютъ

„отдохнуть“ съ заработанными деньгами рабочіе съ присковъ и рудниковъ и иногда до копейки все тутъ спускаютъ. Въ деревнѣ всегда поэтому море разливанное. Въ Усть-Улсѣ три большихъ бакалейныхъ лавки; почти въ каждомъ домѣ, не въ урочное время, ночью, можно купить вина; къ услугамъ пришлыхъ съ деньгами рабочихъ имѣются женщины, для разошедшихся-же рабочихъ всегда въ Усть-Улсѣ живетъ пропойца фотографъ...

Деревня состоятъ изъ русскаго и вогульскаго концовъ и береговой улицы, гдѣ живетъ усть-уленская аристократія: торговцы, приказчикъ винной лавки и смотритель арестнаго дома. Въ деревнѣ 33 двора, изъ которыхъ вогуловъ 16 дворовъ.

Живущіе въ Усть-Улсѣ вогулы совершенно обрусѣли и самые старые изъ нихъ не знаютъ никакого другого языка, кромѣ русскаго. У нихъ русская одежда, всё они православные, одни съ русскими интересы; если что и осталось у вогуловъ своего, то это чуть замѣтная снуластость и бронзоватость лица у нѣкоторыхъ изъ нихъ. У всѣхъ вогуловъ русскіе жены, которыхъ они берутъ какъ изъ русскаго конца Усть-Улса, такъ и изъ деревень по всей Вишерѣ. Однимъ только надѣломъ и разнятся вогулы отъ усть-уленцевъ русскихъ. У нихъ все еще особый „кругъ“ земли и даже свой старшина. Землей они ни за что не хотятъ соединиться съ русскими, потому что земли у нихъ больше, чѣмъ у послѣднихъ, хотя это имъ не въ пользу: почти вся земля всегда находится въ арендѣ у мѣстныхъ торговцевъ-кулаковъ за грошевую, конечно, плату. Вогулы въ Усть-Улсѣ такъ-же, какъ и всѣ привишерскіе крестьяне до постройки перваго на Вишерѣ завода Кутима занимались хлѣбопашествомъ, охотой и рыбной ловлей. Хлѣба, говорятъ старики, почти хватало на годъ, а охотой и рыбной ловлей добывали деньги на все остальное. Съ постройкой Кутима совершенно забросили пашню, почти не занимаются охотой, рыбу ловятъ только для себя. Денегъ стали зарабатывать много, но деньги найдутъ въ прокъ—всѣ пропиваются.

Вогулы живутъ теперь, безъ сомнѣнія, хуже, чѣмъ прежде. Я имѣлъ возможность собрать точныя свѣдѣнія о наличности изъ хозяйства и вотъ что получилъ: въ 16 вогульскихъ дворахъ имѣется 21 лошадь, причемъ 4 домохозяина (т. е. 25%) безлошадные; коровы есть у всѣхъ, а во всей вогульской части Усть-Улса 24 коровы. Кромѣ того, въ вогульской деревнѣ 4 жеребенка, 8 телятъ и 41 овца. У 16-же домохозяевъ русскаго конца дѣла обстоятъ немного лучше: у нихъ 23 лошади, а безлошадныхъ двое (т. е. 12%), 25 коровъ, 5 жеребятъ, 9 телятъ, 51 овца. Но главная бѣда все-таки въ томъ, что вогулы, также, впрочемъ, какъ и русскіе въ Усть-Улсѣ, совсѣмъ спились. Они вѣчно пьяны и, мало того, въ вогульскихъ избахъ

обыкновенно и происходят оргіи являющихся покутить съ пріисковъ и рудниковъ рабочихъ.

У вогуловъ совсѣмъ не сохранилось никакихъ воспоминаній о своей прежней жизни, только у одного старика я слышалъ разсказъ о „последнемъ“ вогульскомъ князѣ: „вогульскій князь велъ съ русскими постоянныя войны, а русскіе были сильнѣе, и много вогуловъ напрасно гибло. Подойдутъ вогулы къ Чердыни, а тамъ, гляди, бугоръ какой—начнутъ съ бугра камнями да бревнами кидать и много вогулъ передавать. Вотъ и вздумали вогулы своего князя избыть и подойти подъ руку русскаго царя. Какъ избыть князя? Князь богатырь и носить броню желѣзную, никакъ не достанешь. Вотъ какъ-то возвращались побитые вогулы изъ-подъ Чердыни и пристали отдохнуть къ острову, что въ 2-хъ верстахъ выше Усть-Улса. Князь уснулъ, а вогулы посовѣтовали и рѣшили взять князя хитростью. Подходятъ къ палаткѣ и будятъ князя: — „вставай скорѣе, гляди сколько русскихъ по рѣкѣ плыветъ“... Соскочилъ князь, смотритъ, ничего не видитъ съ просонья.— „Выше голову-то поднимай, говорятъ вогулы князю, выше поднимай голову“. Вытянулъ князь шею какъ гусь, смотритъ, а въ это время его по голой-то шеѣ мечомъ трахъ!... Голова прочь отлетѣла, а когда падала, семь вогуловъ придавила. Такъ избыли вогулы послѣдняго князя и подошли подъ руку русскаго царя“.

Вогулы, на основаніи грамотъ прежнихъ царей, до сихъ поръ наивно считаютъ себя владѣльцами края, уступленнаго покуда ими „французамъ“, но вотъ будетъ время, они соберутся, накопятъ больше денегъ, предъявятъ старинную ихъ грамоту и будутъ хлопотать объ отобраніи отъ „французовъ“ земли или по крайней мѣрѣ объ уплатѣ имъ „французами“ большихъ денегъ. У самаго воздержнаго изъ вогуловъ хранятся будто-бы и всѣ бумаги.... Я, конечно, постарался увидать эти бумаги. Самая старая изъ нихъ оказалась искаженной копіей съ челобитной 1689 года вишерскихъ и верхнечорскихъ вогулъ къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ. Писана копія на длинномъ бумажномъ свиткѣ въ $\frac{1}{4}$ арш. ширины и до 6—7 четв. длины, писана вѣроятно съ подлинной челобитной и отвѣтнаго на нее царскаго указа. „Грамота“ страшно измызгана и разорвана, и ее невозможно было бы прочесть, если-бы не позднѣйшая съ нее копія, писанная, судя по стилю письма и по гербовой бумагѣ, въ началѣ уже нашего столѣтія. Интересный текстъ „грамоты“ я не привожу, ибо и сама челобитная и отвѣтный на нее царскій указъ цѣликомъ напечатаны въ „Путешествіи въ Соликамскій и Чердынскій уѣзды“ В. Н. Берха еще въ 1821 году, затѣмъ грамота перепечатана въ „Пермской лѣтописи“ г. Шшонко, а въ послѣднее время не разъ цитировалась историкомъ Пермскаго края А. Димитріевымъ.

14 іюня мы съ Беркутовымъ рѣшилисъ ѣхать дальше Усть-Улса вверхъ по Вишерѣ и пробратъся къ кочевымъ вогуламъ, а г. Юхневъ уѣхалъ обратно въ Чердынь.

Нанимать лодку было не по нашимъ средствамъ и мы устроились на шитикѣ, который велъ заводскій пароходъ „Вѣлсъ“ на Вѣлсинскій заводъ.

Берега Вишеры опять измѣнились: большихъ и гравдіозныхъ каменныхъ громадъ уже нѣтъ. Попадаются небольшіе сравнительно „чурки“ изъ сланца съ прослойками известняка, вѣдренные въ увалы; послѣдніе покрыты уже исключительно березникомъ, между которымъ очень много, иногда цѣлыя рощи сухостоя, что придаетъ Вишерѣ унылый видъ. Между чурками можно отмѣтить Дыроватый, Камень-Кедръ, Бѣлый и Дунькинъ камень, но всѣ они и въ вышинѣ и въ красотѣ уступаютъ тѣмъ камнямъ, что остались позади, ниже Усть-Улса. По рѣкѣ все чаще и чаще попадаютъ острова, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вся Вишера превращается въ рядъ узкихъ протоковъ; отъ Усть-Улса до завода Вѣлса на 35 верстѣ нѣтъ жилья. Отъ известной въ былыя времена, въ 12 верстахъ отъ Усть-Улса, Расьинской пристани осталось одно названіе да мѣсто, которое помнятъ. Съ пристани въ концѣ прошлаго вѣка внизъ по Вишерѣ плавил мѣдную руду, привозимую сюда изъ-за Урала, съ сѣвера нынѣшняго Богословскаго горнаго округа.

Часовъ въ 5 вечера пріѣхали мы на Вѣлсинскій заводъ. Заводъ расположенъ на невысокомъ мысу между Вишерой и устьемъ рѣки Вѣлса. Строится заводъ съ 1-го ноября 1899 года и выстроено до полутора десятка домовъ, бараки, паровой кирпичный заводъ; начали работать домну и конно-железную дорогу на Шудьинскій рудникъ. Заводъ принадлежитъ тоже Волжско-Вишерскому обществу и строится уже во второй разъ: пять лѣтъ тому назадъ заводъ тоже очень энергично начинали было строить и воздвигли уже нѣсколько зданій, но затѣмъ увлеклись постройкой Вижаихинскаго завода, постройку завода Вѣлса приостановили, а зданія по бревнамъ перевезли на Вижаиху. Теперь, когда разочаровались въ Вижаихѣ опять усиленно строятъ заводъ Вѣлсъ и зданія съ Вижаихи будто бы везутъ обратно. На самомъ заводѣ въ известковой скалѣ пещера, до 90 сажень длины и 5—8 сажень ширины — которую я тщательно осмотрѣлъ, но ничего, кромѣ кучи костей, не нашелъ. Около пещеры при началѣ постройки завода нашли старинное вооруженіе, которое отправлено въ Румянцевскій музей. Про найденные здѣсь дослѣхи я слышалъ слѣдующую легенду: когда Борисъ Годуновъ въ 1601 г. велѣлъ схватить и сослать въ д. Нырбку боярина Михаила Никитича Романова, за нимъ, чтобы его освободить, въ погоню бросились его люди. Все время, съ самой Москвы, люди боярина Романова шли по слѣдамъ ссылаемаго, но въ самой Чердыни слѣды его потеряли. Предполагая, что бояринъ уве-

зень въ Сибирь, въ Березовъ, люди боярина кинулись туда по Вишерѣ, но, дойдя до Устья р. Вѣлса, схватились вѣроятно съ вогулами и всѣ погибли. Наличности дослѣховъ на устьѣрѣки Вѣлса можетъ быть и другое объясненіе: дѣло въ томъ, что съ половины 16-го вѣка и до начала 17-го в., черезъ Каму, Вишеру, Вѣлсь, Почмогъ и Уроль, на Тальтїю, Ивдель, Лозьву, Тавду и Тоболъ былъ путь изъ Россіи въ Сибирь. Очень можетъ быть, что на устьѣ Вѣлса и погибъ какой нибудь торговый караванъ московскихъ людей, шедшихъ, конечно, не безъ оружія.

Въ 4-хъ верстахъ отъ Вѣлсинскаго завода находятся заводскія-же постройки Бѣлые Мхи, гдѣ также нѣсколько лѣтъ тому назадъ предполагали строить заводъ, а въ 30 верстахъ отъ завода, у подножья громаднаго кряжа—Чуваль, находятся заводскіе желѣзные рудники. Съ рудниковъ до вогульского чума, говорили мнѣ, всего 6—7 верстъ.

На паузкѣ изъ-подъ руды, которую везли бичевой 6 лошадей, поѣхали мы съ Б. на Верхній Чуваль. Подъемъ лошадьми шитиковъ вверхъ по рѣкѣ удивительно варварская вещь, вѣроятно только и возможная въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ Вишера. Работающая на Вишерѣ французская компанія завела телефоны, построила прекрасные дома для служащихъ и пр., и пр., вообще поставила заводское дѣло „на широкую ногу“, но совсѣмъ не позаботилась хотя нѣсколько поблагообразить дорогу по берегу Вишеры для лошадей, поднимающихъ на заводскіе рудники пустые и съ грузомъ изъ-подъ руды шитики. На ужасной дорогѣ лошади ломаютъ себѣ ноги и спины и въ одно лѣто дѣлаются почти негодными для дальнѣйшей работы. Не безвиновны, нужно сказать, и сами „шитиковцы“. Напр., единственно по халатности главнаго на шитикѣ лоцмана, когда мы ѣхали на рудникъ Чуваль, потонула лошадь. Лошадей нещадно бьютъ и плохо кормятъ, а ужасная дорога доканчиваетъ остальное. Иногда силою теченія лошадей сдергиваетъ съ крутыхъ береговъ, и лошади падаютъ и ломаютъ себѣ спины. Въ большинствѣ случаевъ лошади у „шитиковцевъ“ не свои, а взятые на время у крестьянъ, которые сами „на шитикахъ“ не работаютъ. На Вишерѣ вслѣдствіе этого образовался даже особый видъ заработка, цѣлый промыселъ—отдача лошадей лѣтомъ „подъ шитика“. Лошадь отдають или „поденно“, 1—1 р. 50 к. въ день, или „чохомъ“, т. е. на все время, какое понадобится, чтобы отвезти шитикъ съ Вишери до Усть-Улса, съ Усть-Улса до Вѣлса или отъ Вѣлса до Чувала, за что платятъ 5—6—7 руб., смотря по разстоянію. Шитиковцы собственники лошадей, разумѣется, и обращаются съ ними человѣчнѣе.

Незавидно и положеніе гонщиковъ, маленькихъ мальчишекъ, все время сидящихъ на лошадяхъ и ихъ понувающихъ. Гонщики весь день торчатъ въ сѣдлѣ и орутъ, чтобы лошади шли, мовнутъ подъ дождемъ, простужаются,

переходя броды рѣки и иногда даже тонуть, а когда придетъ холодная вишерская ночь, имъ не находится мѣста въ теплыхъ „пыжахъ“ паузокъ и они зачастую спятъ вокругъ костра на сырой землѣ.

Верхній Чувалъ, какъ рудникъ, не представлялъ для меня ничего интереснаго, но въ 2-хъ верстахъ отъ него въ „пармѣ“ стоитъ казарма для присковыхъ Алинскихъ рабочихъ и избушка, къ которой живетъ управляющій присками г. Вологдинъ, человекъ, знающій всю окрестную мѣстность и быть вогуловъ.

Случилось такъ, что когда я былъ у Вологодина, къ нему пріѣхалъ на 5-ти оленяхъ 17—18-лѣтній парень, вогуль Никита, изъ чума на Чувалѣ, сказать, что у нихъ есть для продажи свѣжее мясо. Вологдинъ послалъ въ чумъ за мясомъ своего рабочаго; вотъ съ этимъ-то рабочимъ мы съ В. и направились къ вогуламъ.

Вогуль Никита на оленяхъ уѣхалъ въ чумъ окольной дорогой, а мы пошли кратчайшей, лѣсомъ, вогульскими затесами. „Затесы“—это значки на деревьяхъ, „затесины“ топоромъ, по которымъ и нужно идти. Лѣсъ, по которому мы шли сначала, использовался заводчиками и нужно было видѣть его, чтобы исполнѣ оцѣнить практикуемое здѣсь до сихъ поръ хищническое хозяйство. Выбраны лучшія деревья, обдѣланы въ бревна и увезены, а сучья, комли и вершинникъ оставлены гнить въ лѣсу и служить матеріаломъ для пожаращъ. Затесы привели насъ къ рѣчкѣ Зырянкѣ, бѣгущей у подножья Чувала, которую мы перешли въ бродѣ, и пошли дальше; за рѣчкой дорога пошла въ гору и стала очень трудна. Приходилось перелѣзать черезъ поваленныя деревья, черезъ пни, часто проступаться, иногда падать. Дѣло ухудшилось тѣмъ, что пошелъ дождь. Шли мы теперь совсѣмъ уже напрямикъ, безъ затесовъ даже, имѣя все время въ виду хребетъ кряжа, одного изъ отроговъ Чувала. Мы все чаще и чаще садились и отдыхали и все-таки страшно утомились. Становилось все круче и круче, земля совсѣмъ смокла и мы, подпираясь палками и цѣпляясь, чуть уже не ползли по ней. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось вѣтреннѣе и холоднѣе. Мы вышли наконецъ изъ лѣсу. Передъ нами была отлогая равнина, покрытая сначала травой, а выше мохомъ и изрѣдка уродливыми низкими елями, березами и стелющейся по землѣ рябиной. Идти было бы гораздо легче, если бы не страшный вѣтеръ, который положительно рвалъ съ насъ платье и насквозь пронизывалъ. Чуть не насквозь смоченное платье высохло на насъ въ 5 минутъ, но за то мы очень озябли. Обернувшись на пройденный путь, мы по неволѣ остановились, пораженные открывшейся передъ нами картиной горъ.

Виденъ былъ хорошо Курыксоръ, Тулымъ-Камень, Мортай, Муравей, на горизонтѣ виднѣлся Молѣбный, а вправо отъ насъ изъ-за синѣющаго горъ-

наго кряжа виднѣлась желтоватая цѣпь поясоваго Урала. Холодъ, страшная усталость и голодъ однако брали свое, и мы пошли искать чумъ. Мы перевалили вершину Чувала сошли еще версты двѣ по пологой поватости другой стороны и наконецъ увидѣли ѣдущаго на оленяхъ Никиту, который и довелъ насъ до скрывавшагося за склономъ чума.

Главныхъ старшихъ хозяевъ чума—старика Василья, его жены Матрены и сына Германа не было, а оставшіеся въ чумѣ—жена Германа Олёна и трое ребятишекъ совѣмъ не говорили по русски. Очень плохо по русски говорилъ и племянникъ хозяина живущій въ работникахъ Никита.

Старики и Германъ, уѣхали, оказывается, въ Усть-Ульсь, что-то продать и купить, и это ихъ мы и видѣли плывущими въ лодкѣ, когда ѣхали на чуваль. На волѣ было такъ непривѣтливо, что не преувеличивая можно сказать, что темный и дымный чумъ съ его тепломъ отъ очага показался намъ дворцомъ. Что такое чумъ конечно всѣ знаютъ: это—три сажени въ основаніи и $2\frac{1}{2}$ въ вышину конусъ, остовомъ котораго служатъ 32 сходящихся въ вершинѣ конуса жерди, а стѣны—пять большихъ четырехольныхъ пластовъ провареннаго и сшитаго оленьими жилами береста. Посреди чума очагъ, на которомъ всегда огонь, дымъ выходитъ въ верху чума, въ мѣстѣ перекрещиванія шестовъ, незакрытомъ берестомъ. На очагѣ весь день огонь, а на огнѣ или вода кипитъ въ чайникѣ, или въ котлѣ варится мясо.

По стѣнѣ чума протянуты веревки, на которыхъ всегда что нибудь сушится: то одежда, то няры, то разрѣзанный на половину на веревочкахъ черный хлѣбъ. По стѣнамъ чума посланы олени шкуры, причемъ справа отъ входа устроенъ полוגъ, подъ которымъ, при насъ спала Олёна съ ребятишками. На одномъ изъ шестовъ противъ входа виситъ маленькій образокъ Христа ибо всѣ вогулы крещены, но я не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ обитателей чума хоть разъ перекрестился.

Въ чумѣ совершенно русская посуда: котель, мѣдные чайники, фарфоровыя чашки, а у Никиты, котораго посуда почему-то отдѣльно, своя, весь приборъ оказался даже эмалированный, столь нынче распространенный при различнаго рода поѣздкахъ. Скамей въ чумѣ, однако нѣтъ, сидятъ на землѣ, на шкурахъ, а когда ѣдятъ, мясо кладутъ передъ собой на доску съ $1\frac{1}{2}$ вершковыми ножками—это переходная ступень къ столу. Ложки тоже самыя обыкновенныя, деревянныя, зырянской работы, но вилокъ нѣтъ,—ихъ замѣняютъ пальцы. Мясо ѣдятъ безъ хлѣба, но съ солью и очень много ѣдятъ, а потомъ ѣдятъ ложками или пьютъ изъ небольшихъ деревянныхъ чашекъ очень крѣпкій вкусный бульонъ. Въ котель мяса кладется очень много: на Никиту, Олёну и трехъ ребятишекъ положено было по крайней мѣрѣ 10 фунтовъ лосины. Кромѣ соли при варкѣ кладется еще крупа. Чай пьютъ

вогулы очень часто, съ сахаромъ и при этомъ, какъ и русскіе ѣдятъ хлѣбъ.

Нижняя одежда у всѣхъ обитателей чума совсѣмъ русская, напр. ситцевыя рубашки; Олёна очевидно ради насъ, гостей, облачилась въ какой-то широчайшій изъ грубаго зеленого сукна балахонъ, съ красными и черными въ $\frac{1}{2}$ вершка ширины лентами на рукавахъ и подолѣ. Подъ балахономъ самая обыкновенная крестьянская кофточка и юбка изъ бомазеи, на ногахъ изъ толстаго сѣраго сукна чулки, а поверхъ кожаные съ обшивкою изъ холста няры, т. е. то, что у русскихъ коты. На головѣ у Олёны старый большой шелковый платокъ. На ребятишкахъ снизу длинныя бомазейныя рубашки, сверху кафтаны изъ оленьихъ шкуръ съ различными украшеніями на груди и подолахъ. Никита одѣтъ совсѣмъ ужъ по русски: ситцевая рубашка, пиджакъ, казinetовые штаны и кожанная фуражка; только чулки изъ шерсти очень длинны, доходятъ чуть не до паховъ и привязаны къ поясу ремешками. На поясѣ ножъ, свободный конецъ футляра ножа привязанъ, чтобы не болтался, къ бедру. Олёна все свободное отъ страши, питья чая и ѣды время сидитъ въ своей приподнятой занавѣсѣ и мнетъ руками оленьи шкуры; иногда и ребятишки помогаютъ ей въ этомъ.

Вогулы очень чистоплотны. Послѣ каждаго чаепитья они непременно обтираютъ посуду мягкой стружкой, наскобленной съ какого-то дерева. Большіе запасы этой стружки, чрезвычайно нѣжной и мягкой, лежатъ у стѣны въ чумѣ. Чайная посуда гораздо чище, чѣмъ во многихъ даже зажиточныхъ русскихъ избахъ на той-же Вишерѣ. Утромъ Олёна налила въ деревянное корытцо теплой воды и очень тщательно съ мыломъ вымыла голову самой маленькой дѣвочкѣ, очевидно ея любимицѣ, ибо она всегда сидитъ рядомъ съ ней. Послѣ мытья головы Олёна заплела дѣвочкѣ косу и принарядила ее въ зеленый кафтанчикъ. Послѣ этого Олёна мыла голову и остальнымъ своимъ ребятишкамъ, но уже менѣе любовно и не такъ тщательно. Старшіе утромъ тоже непременно умываются и вмѣсто полотенца вытираютъ лицо стружкой. Стружкой-же вытираютъ и пальцы послѣ ѣды, ибо ѣдятъ мясо безъ вилкоу; стружка вообще замѣняетъ въ чумѣ полотенце.

Насъ троихъ русскихъ особенно не дичатся, но и не выказываютъ никакого радушія, хотя по обычаю я принесъ въ чумъ подарки. Мнѣ говорили, что вогулы очень гостепримны, но я незамѣтилъ этого, потому можетъ быть что въ чумѣ нѣтъ главнаго хозяина.

Когда мы пришли въ чумъ, начинались уже сумерки, и поноволѣ пришлось заночевать у вогуловъ, что мнѣ собственно и хотѣлось. Передъ сномъ Никита пропадалъ часъ или полтора и привелъ къ чуму стадо оленей, и всѣ мы долго любовались этими съ очень красивыми глазами животными.

Всю ночь шелъ дождь и былъ такой сильный вѣтеръ, что мы опасались какъ бы не сдернуло чумъ и намъ не пришлось провести ночь на открытомъ воздухѣ. Вогулы тоже должно быть боялись этого, они пошли и укрѣпили чумъ снаружи веревками. Ночь прошла однако благополучно, только все время мы слышали завываніе вѣтра, который, поднимая и опуская стѣны чума, производилъ въ немъ движеніе воздуха. На утро мы хотѣли тотчасъ же идти обратно, но когда выглянули изъ чума, то увидѣли что объ этомъ нечего было и думать. Моросилъ дождь и стоялъ такой туманъ, что за 5—7 сажень ничего не было видно. Идти въ такой туманъ значило навѣрняка заплутаться въ горахъ. Весь день мы провели въ чумѣ, приглядываясь къ его жизни, и собирались провести въ немъ и другую ночь, но часовъ въ 6 вечера, выглянувъ изъ чума, увидѣли, что тумана словно не бывало, только небольшіе обрывки его носились надъ вершинами нѣкоторыхъ горъ. Солнце весело сіяло на небѣ, а даль горная видна была еще больше и еще удивительнѣе казалась она при солнцѣ. Мы сейчасъ-же, конечно, пошли въ избушку Вологодина и, проживъ на рудникѣ еще день, на паузѣ съ рудой вернулись въ заводъ Вѣлсь.

Буду теперь еще болѣе кратко и въ двухъ словахъ опишу наше обратное путешествіе до Чердыни. Съ Вѣлсинскаго завода мы сходили съ Б. пѣшкомъ на камень Юбрышку, до котораго отъ завода 9 верстъ. Дорога все время идетъ по берегу рѣки Вѣлса, на 7-й верстѣ сворачиваетъ въ сторону и идетъ еще двѣ версты. Юбрышку французская компанія хотѣла также эксплуатировать, ибо въ Юбрышкѣ будто-бы громадныя залежи бурога желѣзняка; понастроили французы у подножья горы много зданій, но также забросили ихъ, ибо руда въ Юбрышкѣ оказалась малопрцентной и трудноплавкой.

Отдохнувъ отъ дороги въ квартирѣ живущаго здѣсь заводскаго техника, мы съ Б. ровно въ полночь пошли на Юбрышку, чтобы встрѣтить тамъ восходъ солнца. Подъемъ на Юбрышку очень удобенъ. Гора совсѣмъ почти лишена растительности и съ поверхности покрыта большими камнями, которыми можно пользоваться, какъ ступенями лѣстницы. Вдоволь налюбовались мы на удивительную, кажется ежеминутно мѣняющую тоны картину горъ при восходѣ солнца, въ 5 ч. утра спустились съ горы, выспались и вернулись на Вѣлсь, откуда въ тотъ же день на шитикѣ сплыли до Усть-Улса. Изъ Усть-Улса Б. направился въ Авчимъ, а затѣмъ въ Чердынь, а я съѣздилъ еще въ заводъ Кутимъ посмотреть на добычу Кутимскаго желѣзнаго блеска, а когда вернулся съ него, сталъ спускаться по Вишерѣ въ лодкѣ отъ деревни до деревни, записывая говоръ, пѣсни и пр.

Теперь вкратцѣ попытаюсь дать общій очеркъ Вишеры.

На Верхней Вишерѣ расположились двѣ волости Чердынскаго уѣзда— Морчанская и Сыпучинская; въ первой 21 селеніе, во второй 12, не считая Бутима *), завода французскаго общества. Только три селенія Морчанской волости лежатъ въ сторонѣ отъ Вишеры, селенія Сыпучинской волости лежатъ всё на берегу Вишеры. Вишера въ обѣихъ волостяхъ лѣтомъ служить единственной дорогой какъ для сообщенія деревень между собою, такъ и для сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Правда, по берегу Вишеры, „горами“ есть верховая дорога, но въ ней почти никто не прибѣгаетъ, предпочитая страшно неудобную „съ горки на горку“ ѣзду верхомъ сравнительно спокойной ѣздѣ въ лодкѣ. И Морчанская и Сыпучинская волости лежатъ уже на горной Вишерѣ, ѣзда по которой въ общезвѣстныхъ, напр., камскихъ или волжскихъ лодкахъ на веслахъ невозможна, поэтому вишерцы, вѣроятно вѣковымъ опытомъ, выработали себѣ особый типъ лодки. Это очень длинная и узкая до 4 — 5 сажень въ длину и самое большее до 1½ аршинъ въ бортахъ, въ ширину, лодка. Дѣлается лодка непремѣнно изъ осины, которую сначала долбятъ, а затѣмъ распариваютъ, и на долбленную часть надѣваютъ двѣ доски на борта. Лодка очень легка и ходка, но слишкомъ узка, хотя совсѣмъ не вертка, какъ объ ней упоминаютъ въ печати нѣкоторые побывавшія на Вишерѣ лица, утверждающія даже, что вишерскія лодки за ихъ верткость зовутъ „душегубками“, что тоже неправда. Лодки зовутъ просто „лодками“, и чтобы ужъ отличить ихъ отъ лодокъ другихъ типовъ— „осиновками“. Вотъ на такихъ-то щукоподобныхъ „осиновкахъ“ вишерцы ѣздятъ на пожни, возятъ изъ Чердыни муку, ѣздятъ рыбачить, охотиться, другъ къ другу въ гости, привозятъ и отвозятъ начальство, ѣздятъ на погостъ хоронить, крестить, вѣнчаться и пр., и пр. На лодкахъ по Вишерѣ ходитъ и земская почта, на лодкахъ возятъ разныхъ должностныхъ лицъ и земскіе ямщики отъ станціи до станціи.

Заселилась русскими Вишера сравнительно съ подгородными волостями уѣзда недавно. Ни „въ писцовой книгѣ“ Кайсарова 1623—4 года, ни тѣмъ больше въ „писцовой книгѣ“ Яхонтова 1579 года не показано ни одного селенія нынѣшнихъ Морчанской и Сыпучинской волостей. По челобитной вогуль къ царямъ Иоанну и Петру Алексѣевичамъ 1689 года видно, что на Вишерѣ все еще не было русскихъ селеній, и русскіе нынѣшней Губдорской и Верхъ-Язвинской волостей ходили на Вишеру бить звѣря и ловить рыбу, на что и жалуются жившіе въ то время по верхней Вишерѣ вогулы: „Велите, государи, заказъ

*) Если считать и временныя селенія, рудники и пр., то въ Сыпучинской волости строится заводъ Вѣдсь, живутъ на Вѣльхъ мхахъ, на Нижнемъ и Верхнемъ Чувалахъ, на Шудѣ, на Юбрышнѣ; кромѣ того, есть еще нѣсколько золотыхъ приисковъ.

учинити, чтобы русскіе люди въ вогульскія угодыя отъ Морчану вверхъ Вишеры рѣки, для рыбной ловли за Кваркушъ и за Березовый камня для соболиной и звѣриной добычи не ходили“... Но русскіе постепенно подвигались по Вишерѣ ближе къ горамъ и вытѣснили оттуда вогуловъ, большинство которыхъ въ прошломъ столѣтіи, въ концѣ концовъ, и ушли за Уралъ, на рѣку Лозьву, гдѣ представлялось больше удобства для звѣриной и рыбной ловли.

Архимандритъ Платонъ Любарскій въ 1787 году упоминаетъ на Вишерѣ уже всего три вогульскихъ деревушки, а теперь, какъ я уже говорилъ, вогуль только $\frac{1}{2}$ деревни да и тѣ совершенно обрусѣли.

Въ деревнѣ Вѣлгурѣ, Сыпучинской волости, хозяинъ земской квартиры, гдѣ я стоялъ, показывалъ мнѣ 11 серебряныхъ рублей временъ Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны, которые онъ, въ числѣ 30-ти штукъ, напелъ при вспахиваніи своей новины. Нужно думать поэтому, что въ концѣ первой половины 18 вѣка русскіе не только населяли уже Вишеру, а и успѣвали копить большія по тогдашнему времени суммы.

Сколько я ни спрашивалъ въ деревняхъ, никто хорошо не знаетъ, откуда пришли на Вишеру русскіе, но нужно полагать все-таки, что пришли они изъ сосѣднихъ съ Вишерой Губдорской и Верхъязвинской волостей и чуть-ли не изъ деревни Паршеки, нынѣшней Паршаковой. На Вишерѣ есть деревни сплошь съ фамиліей Паршаковы, а кромѣ того, объ этомъ же глухо проговариваются и старики. Кромѣ того, старики крѣпко стоятъ за то, что Вишеру заселили бѣглецы отъ рекрутчины и другихъ тягостей жизни прошлаго вѣка. Убѣжить отъ тяготы человѣкъ на глухую Вишеру, куда, съ проведеніемъ Набиновской дороги въ Сибирь черезъ Верхотурье, никогда не заглядывало тогдашнее начальство, поставить избушку и живетъ. Другой бѣглый селится уже рядомъ съ первымъ, чтобы жить было веселѣе; такимъ образомъ образуется починокъ, а потомъ деревня. Первой деревней на верхней Вишерѣ старики называютъ Южанинову, которая до сихъ поръ сохранила названіе Старой деревни.

Почва на Вишерѣ сплошь каменная, совершенно не плодородная, а климатъ чрезвычайно суровый; бываетъ, что въ половинѣ сентября выпадаетъ снѣгъ и хотя Вишера долго не замерзаетъ, потому что быстра, рано наступаютъ холода. Поэтому вишерцы до самыхъ послѣднихъ лѣтъ хотя и занимались хлѣбопашествомъ, но главнымъ средствомъ существованія ихъ была охота на пушныхъ звѣрей— „лѣшня“ и рыбная ловля. Вишерцы били бѣлку, рябчиковъ, куницъ, соболей, медвѣдей, лосей и пр., и пр. Такъ какъ охота была главнымъ средствомъ существованія вишерцевъ, то промыселъ этотъ и стоялъ у нихъ на высокой ступени развитія, будучи заимствованъ частью, нужно полагать, у сосѣдей вогуловъ.

Многія принадлежности охоты и охотничья одежда вишерцевъ не рускія уже по названію: „лызантъ“, „няры“, „нарты“ и многое другое. Для охоты вишерцы держали собакъ, которыхъ старались всячески доставать у вогуловъ-же. Кромѣ охоты ружьемъ, вишерцы ставили капканы и плахи, для крупныхъ звѣрей городили въ лѣсу веретъ на десять „огороды“, гдѣ „на-стороживали“ луки.

Охотники уходили отъ дому за 100 и больше веретъ, часто за Ураль, съ припасами, которые везли собаки на нартахъ. Въ лѣсу строили маленькія „избушки“ и въ нихъ все время и жили. Весь день ходили по лѣсу и били звѣря, а на ночь возвращались въ избушки, а случалось часто и въ лѣсу ночевали, около горящаго, тлѣющаго дерева, ногами къ огню.

Такъ дѣлалось на Вишерѣ 15 лѣтъ тому назадъ, до постройки въ ея предѣлахъ перваго горнаго завода Кутима. Съ того времени обстоятельства сразу круто перемѣнились. Съ постройкой завода на Вишерѣ появились очень хорошіе заработки. На Вишерѣ появилось много посторонняго народа, который всегда ѣхалъ на заводъ и обратно и, только перевоза этотъ народъ лѣтомъ въ лодкахъ, а зимой на лошадахъ, вишерцы, почти не отходя отъ дома зарабатывали хорошія деньги. Кромѣ того, вишерцы возили на заводъ кладъ, заготовляли куренныя дрова, рубили и возили лѣсъ для построекъ, и такъ какъ хорошо знали Вишеру, стали плавить на шитикахъ внизъ по рѣкѣ чугуны. Работа была такъ выгодна, что охота сразу пала. Денегъ у вишерцевъ стало много, но зато сильно увеличились расходы, потому что все теперь приходилось покупать, даже хлѣбъ. До завода охота была на Вишерѣ, правда, главнымъ промысломъ, но вишерцы не бросали и, вывезенной ихними дѣдами съ мѣстъ своей прежней родины, привычки сѣять хлѣбъ. Правда, земля на Вишерѣ крайне не плодородна, а климатъ сильно суровъ, но вишерцы до заводовъ были полными хозяевами своего края и дѣлали здѣсь, что хотѣли. Кромѣ „удворицы“, тотчасъ за ихъ деревней, у нихъ всегда было много „околицы“, иногда за большія отъ деревни разстоянія. Вишерцы выбирали на сухомъ мѣстѣ лѣсъ, рубили его и сжигали, т. е. дѣлали „подеѣку“. Новина засѣвалась рожью и года два давала хорошій по мѣсту и климату урожай. Дальше земля становилась негодной, но объ этомъ и не беспокоились. Выпашъ бросали и искали новое сухое мѣсто, гдѣ опять валили лѣсъ, жгли его, чтобы снова черезъ два года бросить землю и т. д., и т. д. Хозяйничая такимъ образомъ, вишерцы иногда поджигали и всю массу лѣса, всю „парму“. Случались громадныя лѣсные пожары, на которыхъ гибли милліоны деревъ... Но и это вишерцевъ не смущало:— „на нашъ вѣкъ хватить“,— говорили они, окидывая глазами безпредѣльныя на видъ пространства лѣснаго моря. Съ постройкой завода пришли дѣленичіе, лѣсъ распланировали, поста-

вили по деревьямъ лѣсниковъ и объѣзчиковъ, которые не только за подсѣку—за отдѣльное бревно не изъ своей дачи,—писали протоколъ, послѣдствіемъ чего приходилось платить десятки рублей штрафа. Подсѣки „въ пармѣ“ прекратились, а на землѣ удворной вишерцы не могли вырастить хлѣба, котораго бы хватало на годъ. Хлѣбъ стали покупать. Хлѣбъ сѣютъ на Вишерѣ и нынче на „удворицахъ“, но въ крайне жалкихъ размѣрахъ. Деревни, какъ я уже говорилъ выше, стоятъ обыкновенно въ долинахъ между уваловъ или на прибрежныхъ полосахъ передъ увалами-же. Часть долины за деревней и обращена въ поля, не превышающія ни въ какомъ случаѣ десятка десятинъ, раздѣленныхъ на узенькія до 5 сажень въ ширину „полоски“. По свѣдѣніямъ Сыпучинскаго волостного правленія, за 98 и 99 годъ на этихъ „полоскахъ“ всѣ 12 деревень волости (352 ревиз. души) высѣвали 56 десятинъ овса, 42,5 ячменя, 8,5 льна и 15,5 картофеля—и все. Въ Усть-Улсѣ напр., уже давно совсѣмъ не сѣютъ хлѣбъ, поля обращены въ пожни, на которыя по старой памяти возятъ навозъ, отчего трава родится лучше.

Съ заводомъ явились деньги, но явились и потребности, и денегъ хотя и много зарабатывалось, но они всѣ уходили. Старья, тѣсныя, часто курныя избушки не понравились, понадобилось ставить большіе, просторныя, съ большими окнами, „какъ у всѣхъ прочихъ“, дома. Не понравились домотканные изъ грубаго холста рубахи и штаны, понадобились плисъ и ситцы, и вмѣсто домотканнаго сукна, сукно тонкое; вмѣсто лызановъ, шабуровъ и гунь появились жилеты, „спинжаки“, „дипломаты“, вмѣсто обутковъ и порубней,—бахилы и сапоги, а въ послѣднее время серебряныя часы и резиновыя галоши. Забросили пиво и „своедѣлку“, стали пить чай, но главное стали пить водку и этимъ испортили все дѣло. Заработки были большіе, а толку было мало—деньги проѣдались, а, главное, пропивались. Деревни, соприкасающіяся съ заводами непосредственно, напр. Усть-Улсѣ и Морчаны спились совершенно и стали гораздо бѣднѣе прежняго, а остальные деревни на Вишерѣ поставили хорошіе дома, завели самовары, а ни скота, ни прочаго необходимаго въ крестьянствѣ не прибавилось. Таковою оказалась власть капитала въ соприкосновеніи съ полудикарями вишерцами.

II.

Весь іюнь и половина іюля я провелъ разъѣзжая по Вишерѣ, а затѣмъ вздумалъ пробраться на Колву и Печору, къ раскольникамъ. На Колву можно было попасть съ Вишеры, не заѣзжая въ Чердынъ: подняться до вершинъ Вишеры и перебраться на вершину-же Колвы. Или еще проще: изъ дер. Сыпучихъ, на Вишерѣ, 30-ти верстной пѣшей тропой пройти на рѣку Березовую, на лѣсосѣки и плотбища купца Свѣтлакова и оттуда спуститься

по Березовой до Колвы. Но я не задавался никакими другими цѣлями кромѣ чисто этнографическихъ и первый путь, при всей трудности, дороговизнѣ и можетъ быть небезопасности, былъ для меня бесполезенъ, второй-же по просту не интересенъ, ибо слѣдуя по нему я бы не видалъ Колвы отъ Чердыни на 100 верстъ кверху, тѣмъ болѣе, что мечта моя была пробраться съ Колвы на Печору, а оттуда сплыть до устья ея и черезъ Архангельскъ воротиться въ Петербургъ.

До Тулпана я хотѣлъ проѣхать на пароходѣ, который за послѣдніе годы всегда весной и изрѣдка лѣтомъ туда ходитъ. Въ нынѣшнее дождливое и потому многоводное лѣто проѣхать на пароходѣ по Колвѣ до Тулкана было тѣмъ болѣе вѣроятно, что когда я пріѣхалъ съ Вишеры въ Чердынь, у берега стоялъ пароходъ новаго заводчика на Унѣ Лукьянова, который ходитъ исключительно по Колвѣ до Тулпана и если возможно выше, до дер. Паршаковой. Но должно быть не судьба мнѣ была проѣхать къ раскольникамъ путемъ культурнымъ. Когда я сходилъ на пароходъ и спросился, оказалось, что „Лукьяновъ“ недавно наскочилъ на кочеряжину, получилъ проломъ, еле-еле добрался до Чердыни и вотъ здѣсь уже вторую недѣлю тоскливо стоитъ у берега и ждетъ ѣдущаго „съ низовъ“ хозяина. Я прождалъ напрасно Лукьянова въ Чердыни три дня и, 16 іюля, на лошадяхъ выѣхалъ по тракту въ Тулпанъ, питая надежду, если пароходъ поидетъ, пока я живу въ попутныхъ селахъ, поймать его въ деревнѣ Ветланѣ.

Въ тѣлѣгѣ мнѣ пришлось ѣхать всего 49 верстъ до дер. Ветлана, откуда дальше нужно было ѣхать уже или верхомъ „горами“, или въ лодкѣ по Колвѣ.

Эти 49 верстъ составляютъ одно изъ древнѣйшихъ мѣстъ на нынѣшнемъ сѣверо-востокѣ Россіи, гдѣ стали селиться новгородцы-русскіе. Нѣкогда эта мѣстность была частью, отвергаемой, впрочемъ, многими учеными, мюнхенской Біарміи или Біармландіи, страны съ довольно высокою культурой, торговой, сносившейся какъ съ далекимъ Востокомъ, такъ и съ европейскимъ Западомъ. Уже много остатковъ этой древней культуры (лучшіе, совершеннѣйшіе образцы которой, по мнѣнію ученыхъ, привознаго происхожденія—съ Востока), надежной хранительницей которыхъ служить земля, размѣщены по русскимъ и даже, къ сожалѣнію, заграничнымъ *) музеямъ. Русскимъ древностямъ меньше посчастливилось. Онѣ, какъ и вездѣ, хранились въ деревянныхъ церквахъ. Вичь древней и средней и, до самаго послѣдняго времени, Новой Россіи—„красный пѣтухъ“,—уничтожая вмѣстѣ съ селеніями храмы, пожиралъ безвозвратно и русскія древности, а то, что пощадилъ огонь, въ

*) Напр., мѣстный изслѣдователь костищъ и городищъ А. Е. Теплоуховъ отправлялъ нѣкоторые интересныя находки въ музеи заграничныхъ ученыхъ обществъ.

самое послѣднее время, когда интересъ къ старинѣ сравнительно возросъ, на глазахъ у всѣхъ погибаетъ жертвою косности и непростительнаго индифферентизма лицъ, хранить древности которымъ казалась-бы прямая обязанность.

Старины въ Чердынскомъ уѣздѣ было, вѣроятно, не мало. Здѣсь селились первые русскіе—новгородцы. До конца 15-го вѣка край этотъ, будучи юридически подвластенъ Новгороду, управлялся все-таки самостоятельными князьями, часть которыхъ были уже христіане, ибо Пермія была полемъ христіанской проповѣди епископа Іоны (умеръ въ 1470 году). Въ 1472 г. воевода Іоанна III-го князь Ѳеодоръ Пестрый покорилъ этотъ край Москвѣ и съ этихъ поръ Пермь Великая окончательно сдѣлалась русской, хотя и очень далекой провинціей. Съ этихъ поръ край сталъ вольно и невольно (служба мѣстомъ ссылки), но довольно быстро, заселяться русскими, стали строиться въ немъ храмы. Между тѣмъ, я побывалъ во всѣхъ пяти старинныхъ подгородныхъ выше Чердыни селахъ (Вильгортъ, Цыдва, Янидоръ, Искоръ, Ныробръ) и нашелъ въ нихъ крайне жалкіе остатки старины.

Въ Вильгортѣ священникъ отозвался полнымъ отсутствіемъ въ мѣстномъ храмѣ чего-нибудь стоющаго вниманія и я такъ и не ходилъ туда. Въ Цыдвѣ старинныя, въ видѣ сплошныхъ низкихъ досокъ, царскія врата, нынѣ уже не существующаго храма, оказались вынесенными на колокольню, гдѣ они до того обильно были покрыты слѣдами живущихъ на колокольнѣ голубей, что трудно было разобрать, что на вратахъ изображено. Отъ этихъ вратъ пришелъ въ восхищеніе какой-то бывшій случайно въ Цыдвѣ знатокъ старинной иконописи и, предлагая за врата большія деньги, хотѣлъ купить ихъ, но въ Цыдвѣ запротестовали: „какъ можно, это мѣстная древность!...“ А затѣмъ мѣстная древность очутилась на колокольнѣ, гдѣ ее, конечно, совсѣмъ испортить голуби.

Въ 12 верстахъ отъ Цыдвы—Янидоръ. Еще недавно въ немъ была цѣла древняя курная деревянная церковь, алтарь отъ которой сломанъ всего только въ третьемъ годѣ. Теперь въ Янидорѣ двѣ церкви—новая каменная и старая деревянная, которой около двухсотъ лѣтъ (освящена въ 1707 г.). Но и эта древность теперь испорчена. Оригинальной архитектуры крыша церкви покрыта была прежде черенице—подобными перьевидными деревянными досками. Крыша погнила и стала протекать. Тогда, вмѣсто того, чтобы старину поддержать и отремонтировать, ее безжалостно ободрали, и церковь покрыли желѣзомъ, а стѣны обшили тесомъ и окрасили веселенькой дачнаго тона краской. Съ церкви въ прежнемъ видѣ не позаботились снять хотя-бы фотографію, хотя въ Чердыни живетъ любитель-фотографъ, человекъ любознательный, который вѣроятно-бы не отказался пріѣхать и сдѣлать съ церкви нѣсколько снимковъ. Въ той-же старой Янидорской церкви иконостасъ ста-

раго письма испортилъ какой-то художник-маларь, „исправлять“ иконы которому для чего-то поручили. Фонъ у всѣхъ иконъ этотъ варваръ замазалъ и не понравившійся ему строгій темный тонъ стараго письма сдѣлалъ веселенькимъ, голубымъ. Только одну икону и оставилъ неприкосновенною самоучка-художникъ, это надъ царскими вратами, куда онъ вѣроятно не поемѣлъ лѣзть со своей варварской кистью.

Въ селѣ Искорѣ, чуть-ли не древнѣйшемъ и главнѣйшемъ пунктѣ Земли Пермской, тоже почти ничего нѣтъ. Въ притворѣ церкви есть царскія врата отъ какого-то древняго храма, въ самой церкви деревянные, въ видѣ тонкихъ обручей, расписанные арабесками вѣнцы, на стѣнѣ—икона Христофора съ собачьей головой (замѣчательно, что подобная икона, можетъ быть единственно вслѣдствіе своей оригинальности, встрѣчается почти во всѣхъ церквахъ и часовняхъ Чердынскаго уѣзда), и больше ничего. На дорогѣ въ село отъ города часовня, на которой двѣ фигурчатые деревянные доски, на которыхъ славянскою вязью вырѣзана краткая исторія какого-то раскольничьяго храма, и только.

Въ Ныробѣ, мѣстѣ ссылки боярина Михаила Никитича Романова, хранятся цѣпи узника и замокъ (около двухъ пудовъ вѣсомъ), а яма, гдѣ онъ сидѣлъ, выкладена кирпичемъ и надъ ней построена часовня, отъ чего бывшая темница, конечно, совсѣмъ преобразилась.

Въ 4-хъ верстахъ отъ Искура — Искорское городище, о которомъ довольно уже писали, и распространяться о немъ я не буду хотя ѣздилъ туда и осматрѣлъ его.

Когда я собирался уже уѣзжать изъ Ныроба, мнѣ сказали, что видѣли въ лугахъ, какъ прошелъ пароходъ сверху. Я поторопился, сейчасъ-же сѣлъ на лошадей и поѣхалъ въ дер. Ветланъ, надѣясь его догнать. Это возможно, потому что пароходъ отъ Ныроба до Ветлана долженъ пройти 15 верстъ, такъ какъ Колва очень извилиста въ томъ мѣстѣ, прямо-же отъ Ныроба до Ветлана всего 5 верстъ. Но, вѣроятно, мнѣ поздно сказали о пароходѣ: когда я пріѣхалъ на ветланскіе „исады“ (мѣсто на берегу, гдѣ стоятъ лодки, и откуда всегда на нихъ отъѣзжаютъ), пароходъ уже прошелъ мимо. Оказалось, что прошелъ пароходъ не „Лукьяновъ“, а „Обвинецъ“, „Лукьяновъ“ же, увѣрили меня, идетъ сзади. Я до полуночи просидѣлъ подъ лодкой (былъ дождь), дожидаясь „Лукьянова“, но не дождался и ушелъ спать въ деревню. На слѣдующій день, шелъ такой сильный дождь, что ѣхать дальше въ лодкѣ-ли, верхомъ-ли нечего было и думать.

Изъ деревни Ветланъ я сходилъ на Колвинскій Ветланъ-камень, который всего въ полуверстѣ отъ деревни, у самыхъ исадъ. 40-саженная совершенно отвѣсная сторона Ветлана, обращенная къ водѣ, грандіозна и кра-

сива съ рѣки, съ исадъ-же, особенно отъ деревни, камень идетъ постепенно возвышаясь. На этой пологой сторонѣ, начиная отъ деревни вплоть до вершины—поля, а на самой вершинѣ небольшая поженька и новина. Съ вершины камня одинъ изъ удивительныхъ по красотѣ видовъ въ уѣздѣ: видна въ видѣ черной ленты посреди зеленого моря лѣса, Колва, верхушки церквей Ныроба, деревня Бобыка и пр.

Утромъ 21-го іюля я выѣхалъ изъ деревни Ветлана вверхъ по Колвѣ въ лодкѣ. Въ лодкѣ было трое возницъ—двѣ бабы въ гребяхъ и мужикъ, стоя въ кормѣ, правилъ. Подъ пассажира посреди лодки настилаются доски, на нихъ кладется сѣно. На одномъ концѣ досокъ укладываются вещи, къ которымъ прислоняется подушка и пассажиръ большою частью лежитъ. Горизонтальное положеніе, самая удобная въ лодкѣ поза: и устаетъ не такъ, и соснуть можно отъ скуки, и не качается лодка. Также, конечно, устроился и я. Только мы выѣхали, выглянуло солнце и хорошая ведреная погода стояла весь день. Мои возницы долго горевали, что уѣхали въ такое горячее время отъ такой хорошей погоды, когда дорогъ каждый часъ, ибо „день годъ кормить“, и потому не важенъ никакой заработокъ.

Колва послѣ каменистой, суровой, угрюмой Вишеры пріятно ласкаетъ глаза своими мягкими низкими зелеными берегами. Послѣ Ветлана-каменя проѣхали, впрочемъ, еще три камня: Бобыку, Дивій и Боецъ; возлѣ каждого изъ нихъ небольшія деревушки того же наименованія: въ Подбобыкѣ и Дивіи по 4 двора, въ Бойцѣ—9. Всѣ три камня уступаютъ въ вышинѣ Ветлану. Бобыка—это большая, подъ угломъ градусовъ въ 50 поднимающаяся покрытая березнякомъ гора, на самой вершинѣ которой голый известковый чурокъ, удивительно напоминающій развалины древней крѣпости. Дивій—голая известковая стѣна 25—30 сажень вышины, острымъ чуть не параллельно берегу идущимъ гребнемъ спускается въ воду; Боецъ напоминаетъ Ветланъ—параллельно берегу возвышающаяся надъ водой каменная стѣна, только ниже и менѣе грандіозенъ. Тотчасъ за деревушкой Подбобыкой былъ небольшой въ 5—7 сажень голый чурокъ „Свѣтѣкъ“, но отъ него осталось теперь одно основаніе, да и то скоро уничтожится. Свѣтѣкъ состоитъ изъ камня, идущаго на выработку соды, и потому Свѣтѣкъ взорванъ динамитомъ и свезенъ на содовый на Камѣ заводъ Любимова. Это жаль: въ Свѣтѣкѣ была пещера, основаніе входа въ которую и теперь замѣтно, и чуть-ли пещера эта не была чѣмъ-то въ родѣ языческаго капища, ибо при ломкѣ камня на днѣ ея нашли много различныхъ древнихъ вещей и что-то, что крестьяне называли мнѣ „чудскими иконками“. Въ надеждѣ, что хоть что-нибудь изъ найденнаго сохранилось въ Подбобыкѣ, я вышелъ изъ лодки, обошелъ дворы деревушки и въ одномъ домѣ нашелъ только штукъ тридцать мамонтовыхъ зубовъ.

Остальное все было распродано. Съ эту-же цѣлью я выходилъ въ Дивьемъ и Войцѣ, но тамъ не нашелъ положительно ничего, хотя прежде у крестьянъ были и „иконы“, и другія вещи, но теперь все распродано. Названіе „Дивій“ гора получила отъ того, что, по преданію, нѣкогда на горѣ этой сидѣла дѣвка и прядла, и отъ скуки перебрасывалась веретешкомъ съ другой дѣвкой, сидѣвшей на Бобыкѣ, а веретешки были желѣзныя и вѣсили по 100 пудовъ. Не далеко отъ камня въ берегу Колвы есть и Дивья Пещера, очень длинная, куда я сходить отложилъ до обратной поѣздки по Колвѣ изъ Тулана. За Войцомъ-камнемъ вплоть до земской станціи Кикуса нѣтъ уже ни одного возвышенія: оба берега Колвы, исключительно, луговые. Въ Колвѣ нынче очень много воды — прибрежные кусты тальника стоятъ на половину въ водѣ. Вода, сравнительно съ Вишерой, очень тиха и типъ лодокъ здѣсь другой: на Вишерѣ узкія, длинныя какъ шуки, долбленки „осиновки“, предназначенныя, исключительно, для ѣзды на шестикахъ, на Колвѣ широкія изъ досокъ лодки ходятъ гораздо тише, ѣздятъ въ нихъ на веслахъ. Часа въ три мы проѣхали мимо устья глубокой съ красной, точно кровавистой водой Вишерки — протокъ Чусовскаго озера въ Колву, а черезъ часъ были уже на „половинѣ“, на „Волокѣ“. Колва сильно извилиста: отъ деревни Ветлана до Кикуса верхомъ, горами, 25 верстѣ, а Колвой ямщики владутъ всѣ 50, а ужъ 40-то будетъ навѣрно; на полпути между Ветланомъ и Кикусомъ есть длинный кругъ, въ 5 верстѣ, сходящійся въ одномъ мѣстѣ всего на 20 сажень. Ямщики считаютъ выгоднѣе вытащить изъ воды на 5-ти-саженный берегъ лодку, протащить ее 20 сажень по поянѣ и опять спустить съ берега въ воду, чѣмъ подниматься вверхъ по рѣкѣ пять верстѣ.

Рѣшили „переволокнуться“ и мы. Вытаскали сначала вещи изъ лодки, подъ лодку положили полуторааршинныхъ въ 2—3 вершка толщины кругляшей и, ухватившись всѣ четверо, кто за веревку, кто за борта, потащили. Особеннаго труда стоило поднять лодку изъ воды на 5-ти-саженный берегъ, уже гораздо легче протащить ее въ 20 сажень по полянѣ; а черезъ 15 минутъ лодка была уже опять въ водѣ, но только за 5 верстѣ по рѣкѣ дальше, и мы выиграли часа полтора времени. Устали всѣ мы страшно, а такъ какъ волокъ вообще служить мѣстомъ отдыха для всѣхъ ѣдущихъ по рѣкѣ, то и мы стали пить чай.

Черезъ 1½ часа мы снова отправились въ путь, и къ полночи приѣхали въ Кикусъ. Вещи и брезентъ спрятали подъ кикусскими вытасченными на берегъ лодками, а мои вещи раздѣлили между собой и, по дорогѣ, чуть не по колѣно въ грязи, пошли на 40-саженную гору, берегъ Колвы, на которой стоитъ деревня Большой Кикусъ, гдѣ я и заночевалъ въ просторной избѣ земской квартиры.

Когда я утромъ проснулся и взглянулъ въ окно, то узналъ знакомую, тронувшую меня еще въ прошломъ году картину. Среди синяго, почти чернаго вдали и зеленаго вблизи моря дѣса извивалась блестящая на солнцѣ Колва, на которой можно было различить деревушки Раскатъ, Урцево и часть Корепина. День стоялъ опять ведренный, сѣнокосная страда была въ разгарѣ. Въ Корепино повезъ меня старшій сынъ старика хозяина Василискъ и въ виду горячности времени, онъ просилъ у меня позволенія везти меня съ однимъ гробомъ и подаль мнѣ очень маленькую лодку.

Мы проѣхали деревню Раскатъ, стоящую у гористаго берега рѣки изъ плотнаго слоистаго песчаника, который всегда обсыпается, „раскатывается“, а часа въ 4 были уже въ деревнѣ Урцевой. Земская станція въ селѣ Корепинѣ, въ 4 верстахъ отъ Урцевой, но ямщики никогда не возятъ до Корепина въ лодкѣ. Отъ Урцева до Корепина Колва идетъ кривулями, и ямщики путь водой кладутъ въ 15 верстъ, а берегомъ только четыре версты; эти четыре версты возятъ обыкновенно на Урцевскихъ лошадяхъ.

Мои вещи вынесли изъ лодки въ деревню, которая какъ и Кикусъ стоитъ на высокой горѣ, и Василискъ исчезъ. Онъ пропадалъ полчаса, а потомъ прискакалъ съ поля верхомъ на рыжей лошаденкѣ. Лошадь обѣдлали, мои вещи разбили на двѣ части, связали веревкой и перекинули черезъ сѣдло, въ которое сѣлъ и я. Я ѣхалъ сзади идущаго впереди Васииска. Это было 22 іюля, а когда мы проѣзжали горой молодымъ березникомъ, я замѣтилъ на деревьяхъ много желтыхъ листьевъ, которые обрывались и падали на землю точно осенью.

Пріѣхали въ Корепино. Это небольшое въ 30 дворовъ село на правомъ горномъ берегу Колвы, съ кедрами на одномъ концѣ жила, что придаетъ ему своеобразную прелесть. Въ селѣ церковь, волостное правленіе, церковно-приходская школа, 2 бакалейныя и одна казенная винная лавка. Отъ Корепина до Тулпана всего 50 верстъ. Я рѣшилъ побыть въ Корепинѣ подольше, чтобы собрать въ правленіѣ нѣкоторыя данныя объ раскольникахъ и о томъ же пораспросить у мѣтнаго священника, хорошо освѣдомленнаго о раскольникахъ, ибо всего семь лѣтъ назадъ отъ его прихода отдѣлился приходъ Тулпанскій, сплошь раскольничій. До этого о. Алексѣй завѣдывалъ громаднымъ райономъ: всей Колвой отъ Кикуса, всей Унзей и всей Чердынской Печорой. И теперь, впрочемъ, половина самаго крупнаго селенія Корепинской волости—деревни Гадъи, раскольники.

Въ волостномъ правленіи о раскольникахъ я ничего почти не нашелъ: Корепино, волость молодая, до 60-хъ годовъ она составляла часть Нырбовской волости, гдѣ, вѣроятно, и хранятся все дѣла о раскольникахъ.

24-го іюля я уже верхомъ, вмѣстѣ съ земскимъ почтаремъ выѣхалъ

изъ Корепина дальше вверхъ по Колвѣ. Почту возятъ, начиная съ Ныроба верхомъ. Почтарь ѣдетъ на одной лошади, тѣмъ съ корреспонденціей ямщикъ везетъ на другой. Я взялъ для себя третью лошадь, а почту и мои вещи нагрузили на этотъ разъ на „волоки“—единственный мѣстный экипажъ для перевозки клади, если она велика для верховой. „Волоки“ это оглобли, концы которыхъ загнуты и соединены между собою $1\frac{1}{2}$ аршинной въ квадратѣ площадкой, на которую и кладется грузъ. Если кладъ не умѣщается на волокахъ, напримѣръ, снопы хлѣба, солома и пр., ее возятъ на санихъ и лѣтомъ. Ветланъ по рѣкѣ Колвѣ послѣднее селеніе, въ которомъ есть телѣги, хотя съ грѣхомъ пополамъ въ телѣгѣ можно проѣхать и до Кякуса, дальше котораго ѣзда на телѣгахъ, вслѣдствіе отсутствія дорогъ, совсѣмъ уже невозможна.

Въ сороковыхъ годахъ дороги въ Чердынскомъ уѣздѣ были таковы, что даже до Искора, отстоящаго отъ Чердыни всего въ 34 верстахъ, въ телѣгѣ можно было ѣхать шагомъ, по причинѣ дурной дороги, а дальше, чиновниковъ, напр., возили и лѣтомъ въ санихъ, если они не хотѣли ѣхать верхомъ; въ Ныробѣ, большомъ селѣ, въ 44 верстахъ отъ города, не было въ то время ни одной телѣги. Нынче абсолютно нѣтъ телѣгъ въ извѣстныхъ мѣстахъ волостяхъ: Сыпучинской, Корепинской и Тулпанской и отчасти въ Морчанской, очень мало телѣгъ въ волостяхъ Косинской, Юксѣевской, Кочевской, Юмской, части Усть-Зулинской, Гаинской и Аннинской; въ послѣдней есть деревни за 40 верстъ отъ всякаго жилья, куда можно пробраться только шѣшкомъ.

Итакъ, 24-го іюля выѣхалъ я изъ Корепина верхомъ. Проѣхали мы двѣ версты по корепинскому берегу Колвы и нужно уже было переправляться на другую сторону. Переправляются обыкновенно въ бродъ, но при нынѣшней глубокой водѣ мы съ почтаремъ и ямщикомъ переѣхали въ лодкѣ, а лошадей переправили вплавъ. Опять поѣхали верхомъ; дорога шла лѣсомъ, ельникомъ и березникомъ, широкая и просторная, и очень для ѣзды удобная, на ней изрѣдка только попадались болотины, черезъ которыя перекинуты „слани“. Миновали деревни Заозерье и Ракшеръ, въ Гадѣ перемѣнили лошадей и выѣхавъ изъ послѣдней, въ деревушкѣ въ 9 дворовъ носящей, однако, четыре названія (Половинки, Русиново, Осинники, а чаще Шуши) вступили въ Тулпанскую волость.

Занимаетъ волость самый сѣверъ уѣзда, и 27 ея селеній разбросаны на трехъ рѣкахъ двухъ бассейновъ — Волжскаго и Печорскаго. 13 селеній лежатъ на 107 верстахъ верхняго теченія Колвы, три селенія на 40 верстахъ нижняго теченія Уньи и 11 селеній на слишкомъ 150 верстахъ верхней Печоры. Тулпанъ очень молодая волость: въ 60-хъ годахъ она отдѣлилась отъ Корепинской волости подъ именемъ Нюзимской, а за тѣмъ когда

одинъ особенно вліятельный старшина оказался изъ деревни Тулпана, онъ перевелъ туда волостное правленіе, которое тамъ навсегда и осталось, и Нюзимская волость переименовалось въ Тулпанскую. Молодо и вообще заселеніе волости. Такъ, изъ „вѣдомости учиненной въ Генварѣ 1809 года въ Нырбскомъ волостномъ правленіи, у кого сколько имѣется скота и птиць“, изъ 27 селеній топерешней Тулпанской волости названо только одно: Усть-Волосница, гдѣ было всего 3 двора. Уже въ 1847 году, по свѣдѣніямъ Пермской казенной палаты, все еще значилось въ нынѣшней Тулпанской волости всего 4 селенія: Петрецово, Нюзимъ, Усть-Волосница и Усть-Пожогъ.

Жители Тулпанской волости—прямые потомки жителей нижней Колвы, а также рѣкъ Вишеры и Язвы. До сихъ поръ они говорятъ почти совершенно однимъ говоромъ, а одинаковость фамилій жителей перечисленныхъ выше мѣстъ, еще разъ указываетъ на ихъ прежнюю общую родину.

Всѣ Тулпанцы безъ исключенія „по старой вѣрѣ“—раскольники, „уклонившіеся въ расколъ“ официально.

Пермская губернія обязана расколомъ знаменитому протопопу Аввакуму и попу изъ армянъ Іосифу Истомину, которые прошли черезъ Пермскую губернію „хулы изрыгаша и чаденія сирѣчь угару прежде въ Россіи, затѣмъ въ Сибирской землѣ наисполниша“... *) Насаждалъ въ Пермской губерніи расколъ собственно ученикъ этихъ расколоучителей, бывший верхотурскій служилый атаманъ Яковъ Лепехинъ. Въ частности изъ одной рукописи извѣстно еще, что безпоповщинство занесено въ Пермскую губернію, при Петрѣ, стрѣльцами старообрядцами, послѣ возмущенія 1688 года, бѣжавшими въ страну Пермскую и укрывшимися въ лѣсахъ нынѣшняго Осинскаго уѣзда, по рѣкамъ Сепычу, Сабанцѣ, Лысвѣ, Очеру и Сосновой **). Въ 1795 году всѣ разросшіеся за 100 лѣтъ свиты были разорены правительственными чиновниками, по доносу одного крестьянина съ рѣки Сивы. Раскольники „разбрелись розно“ и распространили расколъ по всей Пермской губерніи. Въ тотъ-же годъ расколъ занесенъ былъ и въ Чердынскій уѣздъ. Такъ говорится объ этомъ въ рукописи: „иные къ Верхо-Камѣ бѣжали... Три стрѣльца на Юму (Юмъ— село въ Юго-западномъ углу Чердынскаго уѣзда) поселились“... ***). Такимъ образомъ, тогдашнее начальство само позаботилось распространить расколъ по всей губерніи, гдѣ онъ и укоренился крѣпко, преимущественно въ самыхъ глухихъ и малодоступныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, въ особенно глухомъ Чердынскомъ уѣздѣ. Въ Чердынскомъ уѣздѣ расколъ держится посейчасъ еще въ четырехъ пунктахъ уѣзда: 1) Въ трети, приблизительно, Юмской

*) «Пермская лѣтопись» Шиншонко.

***) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

волости живутъ Австрійцы Бѣловриницкаго прихода. 2) Верхъ-Язвинская волость сплошь заселена раскольниками уже безпоповцами— „часовенными“. Въ деревнѣ Пудьѣ, заброшенной посреди „пармы“, построенъ даже раскольниковскій монастырь. До деревни Пудьи ведетъ только пѣшеходная тропа въ 20 верстѣ. Интересно, что жители Верхъ-Язвинской волости сплошь пермяки и большинство изъ нихъ, какъ я лично убѣдился лѣтомъ 1899 года, не умѣютъ не только читать, а и говорить по-русски. 3) Безпоповцы,—тоже часовеннаго толка, живутъ въ 5 селеніяхъ на рѣкѣ Пильвѣ (притокъ Камы) въ Вильгортской волости. Это, по словамъ яндорскаго священника, самые развитые, убѣжденные и потому упорные раскольники во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ. Они, сравнительно съ православными, гораздо зажиточнѣе, и ходятъ слухи, что въ „пармѣ“, гдѣ они живутъ, есть серебряные рудники, серебро, съ которыхъ пальяне сбываютъ нѣкоторымъ Чердынскимъ купцамъ. Достоверно извѣстно только то, что нѣсколько пальянъ сидѣли въ тюрьмѣ за выдѣлку фальшивыхъ денегъ. Наконецъ, 4-й пунктъ въ уѣздѣ, гдѣ живутъ раскольники, это Тулпанская волость, въ которую я и направился, населенная сплошь Поморцами Даниловскаго согласія.

Мы перемѣнили еще лошадей въ Петрецовоѣ или Монастырской, гдѣ 5—7 лѣтъ тому назадъ была походная миссіонерская церковь, и часовъ въ 8 вечера, сдѣлавъ 50 верстѣ, страшно усталые, пріѣхали въ Тулпанъ. Тулпанъ—небольшое село, съ деревянной, построенной лѣтъ 7 тому назадъ, земствомъ, церковью и водостнымъ правленіемъ; въ немъ не больше 20 дворовъ. Изъ Тулпана я на лодкѣ уже направился дальше вверхъ по Колвѣ, такъ какъ мнѣ хотѣлось попасть въ самую глушь волости, къ совершенно нетронутымъ никакими вѣшними вліяніями раскольникамъ. И выше Тулпана, вплоть до самаго послѣдняго селенія на Колвѣ есть верховая дорога, но я очень утомился съ непривычки къ верховой ѣздѣ и предпочелъ ѣхать дальше изъ Тулпана въ лодкѣ. Миновавъ самую крупную въ Тулпанской волости деревню Нюзимъ (30 слишкомъ дворовъ) и деревню Тиминскую, я пріѣхалъ въ Черепанову.

Отъ Тулпана мы ѣхали въ лодкѣ уже не на гребяхъ, а подталкиваясь „пехаясь“, по мѣстному выраженію, причемъ, „пехались“ не шестиками, какъ на Вишерѣ, а веслами же съ придѣланными на концахъ ихъ небольшими желѣзными штыками. Весло исполняло два дѣла: загрѣбало воду и подталкивало. Колва значительно уже чѣмъ прежде, гораздо быстрѣе, встрѣчаются довольно быстрыя мѣста, „переборы“, но совсѣмъ нѣтъ камней; преобладающая картина береговъ—увалы, покрытые березникомъ, чѣмъ Колва сильно похожа на Вишеру выше Усть-Удса. Въ увалахъ встрѣчаются обнаженные небольшіе известковые чурки.

Отъ дер. Черепановой въ 7 верстахъ выше по рѣкѣ—деревня Паршакова, отъ которой идетъ 25-верстный волокъ до дер. Усть-Бѣрдыша на рѣку Унью, притокъ Печоры. Отъ Черепановой до Паршаковой „прямницей“ всего 2 версты, ибо Колва дѣлаетъ тутъ большой кругъ. Наблюденія надъ раскольниками на Колвѣ не удовлетворили меня, и я вздумалъ съѣздить на Унью и на Печору.

Въ Черепановой я взялъ лошадь и съ проводникомъ черезъ деревню Паршаково, волокомъ, поѣхалъ на Унью въ Бѣрдышъ. Въ Паршаковой всего 4 двора, но, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ деревня эта сильно разрастется, если не кореннымъ населеніемъ, то пришлымъ людемъ. Дѣло въ томъ, что на Уньинскомъ концѣ волока, въ дер. Усть-Бѣрдышъ, въ 1898 году открыты богатые залежи бурога желѣзняка, и теперь нижегородскимъ купцомъ Лукьяновымъ въ Бѣрдышѣ построены чугунно-плавильный заводъ. И нынче уже, когда заводское дѣло на Уньѣ, только что зарождается и, нужно сказать, пока за отсутствіемъ солидныхъ капиталовъ, очень неудачно, и теперь уже въ Паршаковой понастроено нѣсколько заводскихъ зданій и въ деревнѣ всегда трется много пришлаго народу. Паршаковой предстоитъ судьба быть на Колвѣ тѣмъ, что на Вишерѣ—Усть-Ульсь..

По тропинкѣ, по березнику и осиннику, покрывающему крутую, сажень въ 50, гору, взобрались мы до Паршаковскихъ полей и выѣхали на новую проложенную заводомъ дорогу. Отъ полей прекрасный видъ вдаль, на покрытые синѣющимъ вдали лѣсомъ увалы, между которыми теряется Колва. По имѣющейся у меня картѣ Чердынскаго уѣзда отъ Паршаковой до Бѣрдыша означена 30-верстная пѣшая тропа, что въ дѣйствительности и было совсѣмъ недавно—годъ тому назадъ. По этой пѣшеходной тропѣ, впрочемъ, возможно было проѣзжать и верхомъ. Теперь тропа оставлена, и заводчикомъ Лукьяновымъ, почти параллельно прежней, только прямѣе, зато гористѣе, прорублена 5—6-саженная просѣка для дороги. Въ сырыхъ болотистыхъ мѣстахъ сдѣлана „слань“ — брошевы поперекъ дороги разрубленные жерди или деревья-горбуши. Когда я ѣхалъ, дорогу все еще поправляли: на „слань“ клали березовые или еловые сучья, а сверху забрасывали землей. Тамъ, гдѣ еще не было слани, невылазная грязь, и сбоку дороги въ нѣсколькихъ мѣстахъ валялись сломанныя заводскія телѣги, новинки въ этихъ мѣстахъ. Я выѣхалъ поздно и проѣхалъ волокомъ не больше часу, какъ солнце стало садиться, а вскорѣ и совсѣмъ скрылось. Блѣдныя еле видимыя звѣзды почти ничего не освѣщали, и ѣхать пришлось въ темнотѣ, почти ошущю, благо хоть сбиться было некуда,—дорога была одна, никуда не сворачивала, а по сторонамъ ея стоялъ плотной стѣной лѣсъ. Страшно разбитый, часовъ въ 12 ночи пріѣхалъ я на Лукьяновскій заводъ, гдѣ и переночевалъ.

Домна Лукьяновскаго завода выстроена у подошвы „Перваго камня“, на правомъ берегу Уньи. Противъ Перваго камня на лѣвомъ берегу до десятка заводскихъ зданій: контора, дома для служащихъ, бараки и пр. Въ полуверстѣ отъ домны, внизъ по теченію Уньи, на старицѣ — четыре дома, это и есть деревня Усть-Бѣрдышъ. Самый рудникъ на Первомъ Камнѣ, гдѣ накопаны большія и глубокія ямы, возлѣ которыхъ сложены въ кучи комья красноватаго цвѣта руды. Ни шахтъ, ни штоленъ нѣтъ пока и въ поминѣ, руду берутъ съ поверхности. Ея такъ много, что бердышевцы, рассказываютъ, ломали объ руду сохи, когда орали тутъ новину.

Деревня Усть-Бердышъ основалась ровно 30 лѣтъ назадъ, и была первая изъ трехъ селеній на рѣкѣ Уньѣ. Бродящій „за охотой лѣсникъ“ почему нибудь облюбовалъ это мѣсто, много къ нему присматривался, а затѣмъ вздумалъ переѣхать, — способъ обыкновенный здѣсь для заселенія новыхъ мѣстъ. Поселился сначала, конечно, одинъ хозяинъ, а другіе приходили за охотой „и видя яко добро“, тоже переѣзжали. Такъ набралось на Усть-Бѣрдышъ четыре хозяина, „тѣсноты ради“ ушедшіе съ насиженныхъ отцами мѣстъ и въ дикой лѣсной пармѣ поселившіеся „простора, луговъ и рыбной ловли ради“, какъ объясняютъ мотивы переселенія почти всѣ новоселы во всемъ здѣшнемъ краѣ. Всѣ переѣхавшіе въ Бердышъ, противъ принятаго здѣсь обыкновенія переселяться нѣсколькими семьями изъ одной деревни, были всѣ изъ разныхъ мѣстъ, словно заранѣе предрѣшенная Бѣрдышу разноплеменность, какая, конечно, надлежитъ ему, какъ заводу, въ недалекомъ будущемъ. Одинъ домъ — Носова, пріѣхалъ въ Бердышъ изъ дер. Сельковой Ныробской волости, другой изъ Петрецевой — Тулпанской, третій — съ Печоры, а четвертый даже изъ другой губерніи — Архангельской, отъ моря. Сколько позволялъ суровый климатъ, новоселы сѣяли хлѣбъ, а больше косили сѣно для скота, благо луговъ было много, а всего больше „лѣшней“ промышляли и рыбу ловили, пока не открыли тутъ руду, и весь ихъ укладъ жизни не сразу перевернулся...

Часовъ въ 6 вечера я уже опять ѣхалъ на лодкѣ по Уньѣ на Печору. На Уньѣ опять особый тишъ лодокъ въ сравненіи съ Колвой: длинныя, узкія и очень легкія. Дѣлаются лодки изъ трехъ досокъ: одну кладутъ на днищѣ, а двѣ на борта. Лодки легче, уже и идутъ быстрѣе, чѣмъ лодки колванскія, но во всѣхъ отношеніяхъ онѣ уступаютъ вишеревкамъ долбленнымъ „осиновкамъ“, которыя мнѣ кажутся лучшими по легкости и скорости на быстрыхъ, горнаго характера, рѣкахъ.

Унья отъ Бердыша внизъ до устья очень похожа на Вишеру между Вижайхой и устьемъ Колвы. Тѣ же низкіе обрывястые песчаные или „трундовые“ (торфяные) берега, тотъ же сплошной стѣнной подступающій къ

самой водѣ еловый лѣсъ, деревья котораго, подмываемыя водой, всегда обрываются съ берега въ рѣку. Мѣстами, гдѣ лѣсъ отступаетъ отъ воды, на берегу кучи тальника, а за нимъ пожни, которымъ тальникъ служить защитой во время ледоводья, предохраняя пожни отъ сору и ила. Но Унья быстрѣе Вишеры въ указанномъ мѣстѣ, и по ней къ верху поднимаются уже на шестикахъ, вѣрнѣе на веслахъ съ желѣзнымъ штыкомъ на концѣ, которымъ упираются въ дно рѣки,—одинаковый съ колвинскими здѣсь типъ весель. Унья и быстрѣе—по ней то и дѣло встрѣчаются переборы, и вода шумитъ какъ на Вишерѣ за Усть-Улесомъ, хотя камней на Уньѣ совсѣмъ не видно—дно песчаное или илистое. Камни во множествѣ выше Усть-Бердыша по рѣкѣ, къ вершинамъ.

Глубокой ночью пріѣхали мы въ деревню Свѣтлый Родникъ или проселу—Свѣтлое, откуда на утро я уже прямо отправился на Печору. На полпути отъ Свѣтлаго до деревни Усть-Уньи которая уже на Печорѣ—селеніе въ три двора—Долгое плесо, гдѣ живетъ одно семейство—отецъ и два сына; существуетъ Долгое плесо всего 15—20 лѣтъ.

Къ Печорѣ мы подѣхали какъ-то незамѣтно. Печора вдругъ открылась передъ нами, точно такая же, какъ Унья, только немного пошире, да вода текла почти подъ прямымъ угломъ къ Уньѣ. На высокомъ правомъ берегу, въ 100 саженьяхъ отъ устья р. Уньи, деревня Усть-Унья, въ одномъ концѣ которой до 20 листовницъ. На берегу у деревни много лодокъ, растянута невода и сѣти. Мужиковъ въ деревнѣ, конечно, не было, всѣ были на страдѣ—косили сѣно.

Печорская деревня не представляетъ ничего особеннаго: тѣ же дома съ повѣтями сзади, какъ на Колвѣ и Вишерѣ, тѣ же наружныя, иногда со старинной рѣзбой, крылечки. Избы вездѣ безъ дворовъ, передъ окнами хлѣбные на грибовидныхъ столбикахъ—амбары, полное отсутствіе какой-нибудь планомерности въ постройкахъ и обиліе собакъ въ деревнѣ: въ домѣ, гдѣ я остановился три собаки были привязаны подъ окномъ у амбарчика, да одна ходила на свободѣ. При моей попыткѣ пройти по деревнѣ, собаки подняли такой коварствъ, что оставшіеся домовничать старики и старухи до половины высовывались съ крылечекъ и съ удивленіемъ на меня смотрѣли. И живутъ печорцы такъ же, какъ колвинцы и увинцы. Главное ихъ занятіе звѣроловство и рыбная ловля, но лѣтомъ они сѣютъ плохо родящійся у нихъ, конечно, и часто вымерзающій хлѣбъ и снимаютъ сѣно, изъ-за котораго у нихъ, какъ вездѣ въ уѣздѣ, постоянная война съ лѣсной стражей и между собою.

Я хотѣлъ непременно подняться до послѣдняго селенія къ вершинамъ Печоры и на слѣдующее утро уже ѣхалъ въ лодкѣ вверхъ по Печорѣ дальше. Печора становилась уже и уже и совсѣмъ походила на Вишеру, на томъ же приблизительно разстояніи отъ ея истоковъ, т. е. выше деревни Усть-Улса.

Тѣ же небольшіе голые или поросшіе березникомъ известковые чурки, та же широта, быстрота и камни на днѣ. Только то и отличіе Печоры отъ Вишеры, что на первой попадаются цѣлые боры сосняку, на тянущихся иногда на нѣсколько верстъ песчаныхъ берегахъ, а на Вишерѣ отъ Усть-Улса на 80 верстъ къ верху я не замѣтилъ ни одной сосны и совсѣмъ не видалъ песчаного берега. Сходство въ верховьяхъ не только этихъ двухъ, а и всѣхъ четырехъ рѣкъ: Печоры, Уньи, Колвы и Вишеры; въ самыхъ истокахъ сходство еще, говорятъ, разительнѣе, и случается, что даже опытные мѣстные охотники сбиваются и вмѣсто одной уходятъ по другой рѣкѣ.

Часа въ два пріѣхали въ деревню Гаревку, въ которой 5 дворовъ. Дома конечно никого, одни ребятишки. Нашли всетаки двухъ стариковъ на покосѣ, которые и повезли меня дальше и часовъ въ 7 вечера пріѣхали въ деревню Собинскую Заостровку или Собинцы. Деревня изъ 5 дворовъ стоитъ у покрытаго кедрами пригорка, на берегу узенькой, до 5—7 сажень ширины, заостровки Печоры; противъ деревни большой покрытый лугами и лѣсомъ островъ.

Я провелъ въ Собинцахъ ночь и на слѣдующее утро уже опять ѣхалъ въ лодкѣ по Печорѣ.

Въ 4—5 верстахъ отъ Собинцевъ я и мои возницы вышли изъ лодки и всѣ сходили въ обрушившуюся пещеру, въ 10 сажняхъ надъ водой въ горѣ, хорошо видимую съ рѣки.

Въ устьѣ пещеры я насчиталъ до 70 совсѣмъ бѣлыхъ, никогда не бывавшихъ въ землѣ, очевидно вываренныхъ череповъ лошадей и другихъ ка-кихъ-то болѣе мелкихъ животныхъ. Череповъ тутъ было гораздо больше, но часть ихъ увезли различные, бывающіе здѣсь чиновники, а часть сброшена крестьянами въ воду. Черепа отъ того, что въ пещерѣ до самаго послѣдняго времени собирались „манчи“ (вогулы) на моленье, рѣзали сивую лошадь и пировали, а черепъ оставляли въ жертву. Теперь „манчи“ для этой цѣли избрали другую пещеру, выше по рѣкѣ, въ мѣстѣ, не посѣщаемомъ русскими. Пещера совсѣмъ загромождена обвалившимися громадными камнями; я всетаки вползъ туда и добрался до конца, сажень за 5—7 отъ устья, порылся даже, но ничего интереснаго, кромѣ черепа какого-то мелкаго животнаго не нашелъ.

Около часу мы пробыли у пещеры, а потомъ поѣхали дальше. На пути, на устьѣ рѣчки Шайтановки, предпослѣдняя деревня въ 3 двора Шайтановка, въ которую я ходилъ было, но дома засталъ только собакъ. Часовъ въ 6 вечера я пріѣхалъ въ послѣднюю по Печорѣ деревню — Камешокъ.

Камешокъ — это послѣдняя деревня и вообще какое-то бы ни было жилие на Печорѣ къ вершинѣ. За послѣдней вишерской деревней Усть-Улсомъ есть еще много жилья: рудники, пріиски и пр., а въ послѣднее время строится

даже цѣлый заводъ; за Камешкомъ на Печорѣ уже ничего нѣтъ, кромѣ „манчей“ живущихъ подъ самымъ „камнемъ“ (Ураломъ) или „на камнѣ“. Поселялся было верстъ за 40—50 отъ Камышка на устьѣ рѣки Елмыса Сергій изъ Гаревки, но и тотъ воротился обратно. Жилось ему тамъ хорошо, по его словамъ, но очень трудно было доставать хлѣбъ, который тамъ совершенно уже не родится. Прожилъ Сергій на Устьѣ Елмыса однако 7 лѣтъ.

Въ деревнѣ Камешкѣ 5 дворовъ; образовалась деревня эта всего 15 лѣтъ назадъ. Стоитъ у голаго известковаго чурка въ 12—15 сажень, — «Камешка» и потому «Камешкомъ»-же или «У Камешка» и называется. На самой высокой точкѣ камешковскаго чурка курная баня, откуда открываются далекіе горизонты синѣющихъ лѣсныхъ уваловъ, а вдали облаковидные, съ рѣзкими неизмѣняющимися контурами очертанія Урала, среди возвышеній котораго мнѣ называли болѣе другихъ видимый «Медвѣжій камень». Я полюбовался Ураломъ отъ курной бани и пошелъ побродить за деревню. Деревня на площадкѣ возвышающагося отъ берега увала. За деревней, гораздо выше ея по увалу поля. Посѣяны ячмень и рожь, но все это заглушено сорной травой, а отъ дождя и вѣтра перепутано или полегло. За полями возвышается какой-то конусообразный голый известковый чурокъ сажени въ три вышиною. Я залѣзъ на него, чтобы посмотрѣть на Уралъ, который съ полей виденъ лучше, чѣмъ съ чурка изъ деревни, и вдругъ меня буквально облѣпили какіе-то невиданные мною крылатые муравьи. Они набивались мнѣ въ уши, лѣзли въ глаза, въ носъ, попали за рубашку, запутались въ волосахъ. Я спѣшно спустился и ушелъ обратно въ деревню.

Я пробылъ еще нѣсколько дней на Печорѣ, а потомъ черезъ Унью-же воротился на Колву, чтобы ѣхать обратно въ Чердынь. Отъ дер. Паршаковой, гдѣ я былъ уже въ передній путь, вверхъ по Колвѣ еще три маленькіе деревушки — Сусай, Талово или Талос и Дій, послѣдняя въ 50-ти верстахъ отъ Паршаковой. На обратномъ пути, съ Печоры, я частью верхомъ частью въ лодкѣ съѣздили до Талова, чтобы повидать известнаго въ Тулпанской волости начетчика Давыда Ювлевича Паршакова.

Колва отъ Паршаковой все уже и уже, быстрѣе, то и дѣло встрѣчаются переборы, хотя камней на днѣ рѣки не видно. Въ лодкѣ уже поднимаются, исключительно подталкиваясь веслами и шестами. Берега все больше и больше похожи на вишерскіе, на томъ же приблизительно отъ истоковъ разстояніи.

Талово—деревушка въ 5 дворовъ, названіе получила отъ того, что противъ деревни даже въ самые сильные морозы рѣка не замерзаетъ, что зависитъ, по рассказамъ крестьянъ, отъ теплыхъ ключей, впадающихъ въ рѣку со дна. За деревней—поля засѣяныя ячменемъ и рожью, наполовину заглушенныя сорной травой.

Изъ деревни виденъ хребетъ Урала, но день былъ пасмурный, моросилъ дождь, и я ничего не видалъ. Пробывъ въ Таломъ сутки, я выѣхалъ въ лодкѣ

обратно и уже нигдѣ не останавливаясь, кромѣ какъ на ночлегъ, проѣхалъ обратно въ Чердынъ.

О Тулпанскихъ раскольникахъ я готовлю особую работу, поэтому, заканчивая эти краткія путевыя впечатлѣнія, позволю себѣ пока сказать о нихъ два три слова.

Во-первыхъ, всѣ рассказы о дикости, грубости, будто бы какихъ-то даже разбойничьихъ наклонностяхъ тулпанскихъ раскольниковъ, конечно — вымыселъ, основанный вѣроятно на разсказахъ лицъ начальствующихъ (священникъ, ставной приставъ, урядникъ), которымъ въ силу своей службы приходилось что нибудь тулпанцамъ навязывать, ихъ притѣснять и пр. Тулпанцы, исключая ихъ вѣры, которая въ домашнемъ обиходѣ тулпанца имѣетъ, кажется, очень мало значенія, совсѣмъ почти не отличаются отъ православныхъ корепинцевъ, кигусцевъ, и прочихъ жителей средней Колвы и гораздо симпатичнѣе околородныхъ ныробцевъ, искорцевъ, а объ вильгортцахъ и покчпнцахъ я уже не говорю. Вишерцы, напримѣръ, съ виду, по крайней мѣрѣ черствы, но тулпанцы, особенно жители Печоры не страдаютъ и этимъ. У послѣднихъ, печорцевъ, въ рѣчи обращенной къ вамъ, то и дѣло слышатся эпитеты: «соколъ», «добрый», «свѣтъ», «милый» и пр. и этимъ они совсѣмъ не хотятъ съ корыстной цѣлью расположить къ себѣ человѣка, — это дѣлается у нихъ невольно, какъ знагъ теплаго, душевнаго къ человѣку расположенія. Жители крайнихъ селеній Колвы и Печоры, живущіе кажется уже «на краю свѣта», совсѣмъ не глядятъ дикарями, что меня даже удивило. Это зависитъ вѣроятно, отъ того, что всѣ тулпанцы промышленники, а не хлѣбопашцы, и имъ приходится часто сталкиваться съ людьми всякими.

Вѣра тулпанцевъ — поморство, почти не отразилась на нихъ и не придала имъ рѣзкихъ, отличительныхъ отъ остальныхъ колвинцевъ чертъ. Тулпанцы, на мой взглядъ большіе индифферентисты и остаются въ расколѣ больше по инерціи, кстати въ расколѣ быть выгодно: не нужно дѣлать того, что должны дѣлать православные — ходить за большіе разстоянія въ церковь на исповѣдь, не нужно возить хоронить и крестить, не нужно вѣнчаться. Православіе ко многому обязываетъ, а расколъ, не только ничему не мѣшаетъ, а наоборотъ, развязываетъ руки. Одно изъ преимуществъ раскола — «сводный» бракъ, при которомъ, при извѣстной развращенности, можно жениться хоть десять разъ — начальство запретить не можетъ. Сводные браки дѣлаютъ здѣсь замѣчательно легкими, а легкость очень частыми уходы женъ отъ мужей, и бросаніе мужьями женъ. Свобода брачныхъ узъ привела къ свободному взгляду на половыя отношенія вообще: дѣвица родила ребенка — дѣло самое обыкновенное въ глазахъ тулпанца и совсѣмъ не дурное. Я помню деревню на Колвѣ, гдѣ въ одной избѣ живетъ старая дѣвка съ тремя дочерьми невѣстами. Въ избѣ три зыбки, ибо у каждой невѣсты по ребенку. Вообще тулпанцы, пока молоды, живутъ въ полное свое

удовольстiе и ничѣмъ совершенно себя не стѣсняють: нють водку, какъ рѣдко пьютъ даже православные, развратничаютъ на пропалую, оправдывая себя изрѣченіемъ: «пьяница да не еретикъ», т. е. не никоніанецъ, многіе пьютъ чай, молодежь потихоньку «похватываетъ табакъ». Раскольники въ полномъ смыслѣ слова только старики, которые уходятъ «изъ міра», изъ деревень «въ пустыню», и селятся въ глухой пармѣ въ 15—20 верстахъ отъ жила, гдѣ и спасаются.

Вся суть вѣры для большинства—обрядность: «истинный» крестъ, нехождение въ церковь, кержачество, вотъ и все, а тамъ все позволено: «пьяница да не еретикъ». Молодежь за послѣднее время все больше и больше бросаетъ и эту обрядность и все больше и больше начинаетъ цѣнить «блага культуры»—табакъ, чай, сигцы, сапоги съ гармоникой и пр.

Нынче уже рѣдко бѣгаютъ изъ солдатъ какъ прежде, когда лѣса Тулпанской волости, говорятъ, были полны дезертирами. Молодежь охотно идетъ въ солдаты, охотно носитъ «спинжакъ», покушаетъ гармонику, перенимаетъ и поетъ пѣсни-частушки, а когда бываетъ «на міру», у православныхъ стыдится названія «кержакъ». Пройдетъ еще десятокъ лѣтъ, выстроится на Колвѣ и Печорѣ одинъ, другой заводъ, выстроится 2—3 землія (непремѣнно земскія, безъ насильственно навязываемаго Закона Божія) школы, и неофициальное «обмирщеніе» волости произойдетъ само собой, безъ убѣжденій миссіонеровъ, производящихъ иногда какъ разъ обратное дѣйствіе...

Тулпанцы удивили меня своей терпимостью: меня вездѣ радушно принимали, всегда старались угостить и часто ни за что не хотѣли брать денегъ.

Тулпанцы не видѣли ничего предосудительнаго въ томъ, что я пріѣхалъ узнать, какъ живутъ они, и если и относились къ тому нѣсколько иронически, то нисколько не больше того, какъ относятся, напр., къ разнымъ статистическимъ и инымъ изслѣдованіямъ православные крестьяне.

Тулпанцы очень интересовались моимъ фотографическимъ аппаратомъ и ничего не имѣли противъ того, чтобы я снималъ ихъ. Къ возникшему на Уньѣ заводу тулпанцы также относятся очень терпимо и охотно исполняютъ подсобныя заводскія работы.

У тулпанцевъ, живущихъ большою частью въ крохотныхъ почикахъ и деревушкахъ, разбросанныхъ на громадномъ разстояніи по тремъ рѣкамъ, напрасно было-бы искать чего нибудь ясно и опредѣленно выраженнаго въ ихъ вѣрѣ, того, что всѣми признавалось бы за непреложную истину. Не только въ разныхъ деревняхъ, но часто въ сосѣдяхъ и даже между членами одной семьи, живущей въ одной избѣ существуютъ большія разногласія въ религіозныхъ вопросахъ, большею частью въ обрядности. Часто—что мужъ считаетъ грѣхомъ, тому жена не придаетъ большого значенія и т. д. въ томъ-же родѣ. Вслѣдствіе неразвитости и неимѣнія слѣдовательно твердой почвы подъ ногами, тулпанцы крайне легковѣрны и то и дѣло поддаются пропагандѣ среди нихъ разныхъ раскольничьихъ новшествъ. Съ десятокъ лѣтъ назадъ возникла на Колвѣ

такъ называемая, Костина Вѣра, которую изобрѣлъ живущій «въ пустынѣ», въ 15—20 вер. отъ деревни Дія, 90 лѣтній сторикъ Костя Сусловъ. Костя проповѣдовалъ обливаніе вмѣсто крещенія, отрицалъ поклоненіе иконамъ и велѣлъ молиться «востокъ солнца», а крестьясь велѣлъ прикладывать къ тѣлу не три или два пальца, ⁵всѣ пять. Костя такъ убѣжденно проповѣдывалъ свою новую вѣру, что крестьяне многихъ деревень Тулпанской волости оказались его послѣдователями. Это возмутило упоминаемаго мною начетчика изъ Толова—Давыда Іосифовича. Онъ порылся въ книгахъ и разбилъ на всѣхъ пунктахъ Костю. И опять многіе изъ присоединившихся къ Костѣ возвратились вспять. Снятыя съ полокъ иконы снова поставили на прежнее мѣсто и еще усерднѣе стали передъ ними кадить и ниже класть поклоны.

Н. Ончуковъ.

ОТДѢЛЪ II.

Финскія сказки.

Купеческія сыновья.

(Арх. губ. рукоп. сборн. К. Крона № 0040. Suom. Kansansaluja II. 1, № 9a).

Жилъ-былъ старикъ со старухою, у нихъ не было дѣтей. Они жили бѣдно, особенно подь старость. Старуха ловила рыбу изорванною сѣтью, а старикъ занимался охотою. Однажды онъ поймалъ маленькую птичку, очень красивую. Такъ какъ у нихъ не было соли, то старуха сказала мужу: отнеси птичку купцу, онъ за нее дастъ намъ соли. И онъ отнесъ птичку купцу и получилъ два мѣшка соли. Купецъ посмотрѣлъ птичкѣ подь одно крыло, тамъ было написано: «кто съестъ эту птичку, будетъ золотомъ плевать», посмотрѣлъ подь другое: «кто съестъ эту птичку, будетъ царемъ». И онъ послалъ сказать старику, чтобы тотъ пришелъ взять плату за свою птичку. Старикъ пришелъ и сказалъ купцу: «вѣдь я получилъ уже за нее плату, цѣлые два мѣшка соли». «Я дамъ двадцать мѣшковъ соли и еще двадцать кулей муки и пятьсотъ рублей деньгами».

Купецъ посадилъ птичку въ кѣтку и кормилъ ее. Онъ отправился вскорѣ за море и въ это время жена родила ему двухъ сыновей. Онъ оставался за моремъ долго, цѣлыхъ десять лѣтъ. Къ женѣ его ходилъ пріятель, самъ лукавый. Она рассказала ему, что у нихъ есть прекрасная птичка, за которую мужъ очень дорого заплатилъ и сколько именно она стоила. Лукавый захотѣлъ посмотрѣть на птичку. Ему ее показали, и онъ прочелъ подь однимъ крыломъ: «кто съестъ эту птичку, будетъ золотомъ плевать», подь другимъ: «кто съестъ ее, будетъ царемъ». Узнавъ это, лукавый хотѣлъ съестъ птичку.

Онъ сказалъ хозяйкѣ: «если ты не убьешь этой птички и не дашь мнѣ съестъ ее, то я перестану любить тебя». И она приказала слугѣ своему, Павлу, убить птичку, изжарить ее и подать. Въ это время сыновья находились въ комнатѣ Павла. Это были уже мальчики шести-семи лѣтъ и ходили въ школу за рѣку. Вернувшись въ этотъ день голодными изъ школы и не найдя Павла, они стали искать въ шкапу чего нибудь поѣсть и увидали тарелку съ жареною птичкою и съѣли ее. Пришелъ Павелъ и разсердился на мальчиковъ за то, что онѣ съѣли птичку. По ихъ совѣту, онъ убилъ маленькихъ воробьевъ и приготовилъ изъ нихъ кушанье. Лукавый съѣлъ воробьевъ и отправился попытаться стать царемъ и попробовалъ золотомъ плевать, но ни того, ни другого не случилось.

Черезъ трое сутокъ вернулся лукавый и сказалъ хозяйкѣ: «ты мнѣ дала не ту птичку, я тебя брошу, такъ какъ ты обманщица». Ей тяжело было разстаться съ своимъ любезнымъ. «Убей сыновей», сказалъ лукавый, и я не покину тебя. «Ей было жаль сыновей, но она любила его болѣе ихъ и потому приказала Павлу убить сыновей. Хотя Павелъ и жалѣлъ мальчиковъ, но онъ началъ точить ножъ. Мальчики спросили его, зачѣмъ онъ точитъ ножъ. Услыхавъ о приказаніи матери, они заплакали, умоляли Павла убить вмѣсто нихъ двухъ собакъ, а ихъ отпустить. Онъ такъ и сдѣлалъ и при-

готовилъ кушанье изъ внутренностей собакъ. Лукавый, съѣвши его, отправился снова попытаться стать царемъ и золотомъ плевать, но также неудачно.

Вернулся хозяинъ изъ-за моря и спросилъ о сыновьяхъ и о птичкѣ. «Птичка окочлѣла отъ угара, а мальчики утонули на дорогѣ въ школу», солгала жена мужу.

Мальчики скитались по свѣту. Одинъ изъ нихъ, сдѣлавшись взрослымъ, сталъ золотомъ плевать. Однажды пришли они въ городъ, гдѣ выбирали новаго царя. Люди пошли со свѣчами въ церковь, тотъ долженъ былъ быть царемъ, у кого свѣча сама загорится. Братья пошли также въ церковь—таковъ былъ обычай—и свѣча сама зажглась у одного изъ нихъ. Но ему не повѣрили, думали, что это онъ самъ зажегъ ее. На другой день повторилось тоже самое, и половина народа признала его царемъ, другая нѣтъ. Только на третій день, когда свѣча опять сама загорѣлась, онъ былъ единодушно избранъ въ царя.

Другой братъ отправился въ языческое царство. На краю города стоялъ дворецъ, а передъ нимъ триста колебевъ, на верху которыхъ торчали человѣческія головы. Онъ остановился у одного кунца и тотъ предложилъ ему въ супружество свою единственную дочь. «Что означаютъ эти триста колебевъ съ тремя стами головъ», спросилъ онъ у кунца. «У царя этой языческой страны есть хорошенькая дочь и это головы ея жениховъ», отвѣтилъ кунецъ. Прибавивъ при этомъ, что только тотъ получитъ ее въ жёны, кто будетъ въ состояніи прокормить весь городъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Братъ этотъ рѣшился попытать счастье и посвататься за царскую дочь. Онъ полюбилъ ее, такъ какъ она была очень красива, но самъ женихъ не нравился невѣстѣ. Спусти два года царская дочь пришла къ отцу и сказала: «женихъ мой вѣроятно прокормитъ городъ всѣ три года, но я не хотѣла бы быть его женою». Отецъ носовѣтовалъ ей пождать еще съ полгода, прежде чѣмъ пытаться убить его.

Спусти полгода, съ общаго согласія король и королева рѣшили пригласить его къ себѣ въ гости. Но онъ не пришелъ, отвѣтивъ, что у него и безъ пировъ довольно хлопотъ. Послѣ многократныхъ тщетныхъ приглашеній царь наконецъ разсердился и угрожалъ отрубить ему голову, если онъ не исполнитъ царскаго приказанія. Онъ долженъ былъ пойти. И кормили его, и поили его, и разсматривали со всѣхъ сторонъ, желая узнать, откуда у него берется столько денегъ, такъ какъ онъ уже два съ половиною года кормилъ городъ, до него ни у кого не хватало средствъ болѣе, чѣмъ на годъ. И онъ продолжалъ плевать деньгами и еще въ продолженіи мѣсяца кормилъ городъ.

Царь обратился къ гадалкамъ, и невѣстка бывшаго царя посовѣтовала задать пирь и такъ напоить его, чтобъ онъ все выплевалъ за разъ. И царь опять пригласилъ его къ себѣ въ гости, и онъ пришелъ, только когда пригрозили отрубить ему голову. На пирь собралось много гостей, подносили дорогіе напитки, и его заставили много пить говоря: «чтоже это за зять, если онъ не иьетъ». И пьянаго его повели въ жарко на-топленную баню, гдѣ отъ угара онъ упалъ въ обморокъ.

Очнувшись, онъ пробрался въ свою комнату. Хотя онъ уже болѣе не плевалъ золотомъ, но прокормилъ городъ еще три мѣсяца,—у него оставалась еще цѣлая бочка золота. Когда выжили всѣ деньги и не хватало только одного мѣсяца до трехъ лѣтъ, ему приказали отрубить голову и вздѣрнуть на козь. Онъ далъ денегъ палачамъ, и они отпустили его на свободу—ради его необыкновенной красоты—и вмѣсто его головы, отрубили голову у вырытаго мертвеца и вздѣрнули ее на козь.

Онъ пустился въ путь, ему пришлось идти лѣсомъ, среди лѣса возвышалась большая гора. По ту сторону горы раздавался пронзительный крикъ. Онъ пошелъ на крикъ, дрались два черга, а передъ ними лежали кучи золота и серебра и палка. Они обратились къ нему съ просьбою подѣлнить ихъ, говоря: если эту палку переложить изъ руки въ руку, изъ нея выйдетъ цѣлое войско и всякаго добра сколько пожелаешь. Бѣгите, сказалъ онъ имъ, нодъ гору, а я брошу палку вслѣдъ за вами, кто первый схватитъ ее, того она и будетъ. Черти побѣжали, но онъ обманулъ ихъ и, схвативъ палку, золото и серебро, скрылся отъ нихъ. Приди въ тотъ городъ, гдѣ хотѣли отрубить ему голову, онъ переложилъ палку съ одной руки на другую: вышли изъ нея два богатыря и спросили, чего онъ хочетъ. «Постройте стеклянный мостъ отсюда до царя». Исполнивши эту работу, богатыри вернулись къ нему, чтобы узнать, чего онъ еще

хочетъ. Онъ приказалъ имъ принести золота и серебра столько, чтобы хватило на всю его жизнь. И это они исполнили.

На слѣдующій день онъ снова вызвалъ богатырей и велѣлъ имъ построить дворецъ передъ дворцомъ царевны, чтобы дневной свѣтъ не проникалъ въ него. Царевна встала утромъ очень поздно, такъ какъ не было видно солнца и пошла къ отцу. Вѣроятно, сказала она ему, тотъ кто взялся прокормить городъ, опять здѣсь.

Царь послалъ солдатъ убить его. Онъ переложилъ палку съ одной руки на другую, изъ нея вышли два богатыря и перебили всѣхъ солдатъ отъ перваго до послѣдняго. Царь послалъ еще большее число солдатъ, но они также всѣ были перебиты. Наконецъ онъ послалъ двухъ солдатъ спросить его: кто онъ такой. «Я тотъ самый человѣкъ, который кормилъ этотъ городъ въ продолженіи трехъ лѣтъ и теперь я въ состояніи прокормить его въ продолженіи тридцати лѣтъ». Объ этомъ доложили царю и царевнѣ, и они такъ перепугались, что рѣшились отдаться ему.

Царевна явилась къ нему съ подарками, молила о прощеніи, говоря: «и вотъ теперь я твоя жена, а ты мой мужъ». «Да, но прежде ты должна подвергнуться наказанію», отвѣтилъ онъ и, взявъ палку, ударилъ ее со словами: «превратись въ лошадь». И она тотчасъ стала лошадью.

Сѣвъ на лошадь, онъ поѣхалъ въ то царство, гдѣ братъ его былъ царемъ. Лошадь была красоты неописанной, и царь хотѣлъ купить ее за какую бы то ни было цѣну, но такъ какъ онъ не согласился продать свою лошадь, его заключили въ тюрьму, При разлукѣ съ лошадью отъ приказалъ хорошо ее кормить. Придя въ тюрьму, онъ переложилъ палку съ одной руки на другую, и изъ нея вышли два богатыря и спросили: «какую работу прикажешь исполнить?» Онъ приказалъ принести двѣ бочки водки и наполнилъ всѣхъ заключенныхъ до пьяна. Царю доложили, что вчерашній заключенный напоилъ всѣхъ своихъ товарищей, и царь приказалъ его повѣсить. Когда на слѣдующее утро готовились привести въ исполненіе этотъ царскій приговоръ, замѣтили, что у него висѣло кольцо на шеѣ. Захотѣли прежде всего узнать, что это за кольцо, и царь самъ пришелъ посмотреть его.

Увидѣвъ на кольцѣ свое имя, онъ узналъ своего брата, повелъ его къ себѣ и угостилъ, какъ слѣдовало. Царь предложилъ отправиться навѣстить отца и мать. Они сѣли вмѣстѣ на ту-же лошадь и поѣхали въ свой родной городъ. Въ своемъ домѣ они встрѣтили Павла, онъ былъ уже сѣдымъ старикомъ. Узнавъ отъ Павла, что купецъ, отецъ ихъ, такъ обѣднѣлъ, что ходить по міру, а мать и лукавый еще живы, они послали Павла отыскать отца. Но отецъ не хотѣлъ прійти, стыдясь своихъ лахмотьевъ. Они послали ему съ Павломъ новую одежду, Павелъ вымылъ старика и привелъ его къ своимъ господамъ. Они распрашивали старика объ его жизни и узнали, что у него было двое сыновей и птичка, за которую онъ дорого заплатилъ. «Гдѣ теперь твои сыновья и птичка», спросили братья. «Птичка умерла отъ угара, а сыновья утонули». Братья открылись ему, кто они.

Затѣмъ они призвали къ себѣ мать и лукаваго и, не зная какъ наказать ихъ, просили старика-отца назначить имъ наказаніе, но онъ отказался, говоря, что его сынъ-царь лучше знаетъ, чего они заслуживаютъ.

Царь отдалъ приказъ привязать лукаваго къ конскимъ хвостамъ, чтобы тѣло его было разорвано на двѣ части, мать же велѣлъ заложить камнями и кормить ее, пока она будетъ жива. Павла же они наградили деньгами и всякимъ добромъ, которыхъ ему хватило на всю жизнь.

Втроемъ сѣли они на лошадь и поѣхали въ тотъ городъ, гдѣ одинъ изъ братьевъ былъ царемъ. Старикъ-отецъ остался тамъ; другой братъ, желая жениться, отправился обратно въ тотъ городъ, который онъ кормилъ. Царь этого царства померъ. Ударивъ лошадь палкою, онъ сказалъ: «довольно тебѣ быть лошадью, становись опять царевною». Онъ женился на царевнѣ и сталъ царемъ.

Всеѣдуцій врачъ.

(Улеаб. г., Хауккипудасъ; ркп. сборн. Мурмана, № 38).

Одинъ сапожникъ, соскучившись своимъ ремесломъ, рѣшилъ стать врачомъ, чтобы больше зарабатывать. Продавъ свои инструменты, онъ купилъ чернилъ, бумаги, хорошій столъ и стулъ и написалъ большими буквами на своихъ воротахъ: «Всеѣдуцій Врачъ». На ярмаркѣ украли лошадь у одного крестьянина. Случайно проходя мимо воротъ Всеѣдущаго Врача, онъ замѣтилъ странную надпись и вошелъ, говоря: «не здѣсь-ли живетъ Всеѣдуцій Врачъ?» «Да да, это я», отвѣтилъ вѣжливо сапожникъ. «Въ такомъ случаѣ вы, вѣроятно, можете мнѣ посоветовать, гдѣ найти мою лошадь, украденную прошлою ночью». Сапожникъ, сѣвъ за столъ, написалъ рецептъ и подучилъ за него нѣсколько марокъ. Крестьянинъ отправился въ аптеку, гдѣ съ любопытствомъ прочли рецептъ и очень смѣялись надъ нимъ, такъ какъ въ немъ не было ни единой правильной буквы. Оно было не удивительно, сапожникъ былъ безграмотный. Аптекарь ради шутки далъ ему горькаго лѣкарства. Выйдя изъ аптеки, мужикъ отвѣдалъ лѣкарства, и оно такъ зажгло ему ротъ, что онъ стремглавъ бросился въ первыя ворота, чтобы попросить воды. И каково же было его удивленіе, воръ какъ разъ продавалъ на этомъ дворѣ его лошадь. Крестьянинъ, получивъ обратно свою лошадь и полагая, что врачъ дѣйствительно помогъ ему найти пестерянную лошадь, вернулся къ нему и уплатилъ еще нѣсколько марокъ. Благодаря этому случаю у сапожника явилось предположеніе, что онъ дѣйствительно знаетъ что-то, ему самому неизвѣстное.

Король, случайно проходи мимо его воротъ, прочелъ странную надпись. Пославъ своего слугу вызвать врача, онъ приказалъ этому послѣднему явиться къ нему во дворецъ на слѣдующій день. При появленіи его во дворецѣ, король обратился къ нему со словами: «судя по надписи на вашихъ воротахъ, вы всемогущій, отыщите же къ завтрашнему дню мое кольцо, пропавшее полгода тому назадъ. Въ случаѣ неудачи, вы будете повѣшены». Сапожникъ, крайне опечаленный, ждалъ неизбѣжной казни, такъ какъ ему ничего не было извѣстно о кольцѣ.

Наступило время обѣда. Королевскіе слуги понесли блюда съ жаркимъ мимо сапожника, сидѣвшаго на крыльцѣ. Везсознательно сталъ онъ громко считать жаркія по числу слугъ: «Первый, второй, третій». На кухнѣ слуги стали обдумывать значеніе его словъ. Имъ казалось, что онъ догадался, что это они украли кольцо, и теперь считаетъ воровъ. Одинъ изъ нихъ обратился къ сапожнику со словами: «какъ видно, вамъ извѣстно, что мы виноваты». «Конечно», сказалъ сапожникъ. «Если вы намъ поможете скрыть нашу вину и избавиться отъ украденнаго, то мы поблагодаримъ васъ». Сапожникъ посоветовалъ положить кольцо въ нутро жаренаго пѣтуха, назначеннаго на жаркое королю. Слуги такъ и сдѣлали. Во время обѣда король обратился къ врачу съ вопросомъ: «Ну, Всеѣдуцій Врачъ, извѣстно-ли вамъ, гдѣ мое кольцо?» «Извѣстно», отвѣтилъ онъ, «съ полгода тому назадъ проглотилъ пѣтухъ кольцо, упавшее на дворъ, и теперь, когда его жарили, кольцо выпало у него изъ горла». Пѣтуха вскрыли и нашли въ немъ кольцо. «Я только тогда, дѣйствительно, повѣрю, что вы всезнайка», сказалъ король, «когда вы отгадаете, что лежитъ въ золотомъ ящикѣ королевы. Но въ случаѣ неудачи вы будете повѣшены». «Несчастный сверчокъ», сказалъ сапожникъ, вздохнуть. «Вы отгадали», сказала королева. «Еще бы», отвѣтилъ сапожникъ самодовольно. Король болѣе не испытывалъ его, и наградилъ такую большою суммою денегъ, что онъ могъ легко жить и безъ своего тяжелаго ремесла.

Лиса и медвѣдь.

(Або-Бьернеборск. г., Кэйліэ; ркп. сборн. Шероса с. 138. Suomal. Kansansaluja I, № 25).

Лиса и медвѣдь пошли однажды вмѣстѣ молотить хлѣбъ на овинѣ. Лиса влѣзла на перекладину, говоря медвѣдю: «молоти ты, я буду поддерживать бревна, чтобы они

не уяли на тебя». Медвѣдь усердно молотилъ. Когда работа была окончена, лиса сказала: «возьми эту большую кучу, такъ какъ ты и самъ большой, а я возьму маленькую». Медвѣдь съ удовольствіемъ согласился на это.

Затѣмъ они пошли вмѣстѣ на мельницу молоть хлѣбъ. Изъ-подъ жернововъ лисы слышалось: «зре, зре», а изъ-подъ жернововъ медвѣдя: «испить, асснить!» Отчего твои жернова звучатъ иначе, чѣмъ мои», спросилъ съ удивленіемъ медвѣдь. «Врось подъ нихъ песку», совѣтовала лиса. Медвѣдь послушался и былъ очень доволенъ тѣмъ, что его жернова стали звучать такъ же, какъ жернова лисы.

Стали они варить кашу, лиса изъ своей хорошей муки, прибавляя въ неѣ масло, которое она когда-то украли у старухи въ Ильмолѣ, медвѣдь же изъ мякины. Медвѣдь подошелъ попробовать кашу лисы и пришелъ отъ нея въ восхищеніе. Подошла и лиса отвѣдая каши медвѣдя и разсмѣялась, говоря: «только свинья и медвѣдь могутъ ѣсть подобную кашу». Медвѣдь перенесъ эту насмѣшку.

Они пошли въ лѣсъ за дровами. Увидавъ рябину съ крупными ягодами, лиса сказала: «повали эту рябину, я хотѣла бы набрать ягодъ для моей старой матери». Медвѣдь повалилъ рябину, а лиса набрала съ нея ягодъ и съѣла ихъ. «Отчего ты не набрала ихъ для твоей матери?» удивился медвѣдь. «Потому что у нея такіе же зоркіе глаза, какъ и у меня, отвѣтила лиса, она сама можетъ набрать себѣ ягодъ».

Они повалили другое дерево съ корнемъ. «Положи верхушку дерева себѣ на плечо», сказала лиса, «а я буду толкать отъ толстаго конца». Медвѣдь потащилъ дерево изъ всѣхъ силъ, а лиса сидѣла на стволѣ. Медвѣдь оглянулся назадъ и, увидавъ лису, сидящую на деревѣ, хотѣлъ схватить ее, но она убѣжала, а онъ пустился за нею. Лиса спряталась подъ корни дерева. Медвѣдь ухватилъ ее за ногу. «Зачѣмъ ты кусаешь корень, а не мою ногу», крикнула ему лиса. Медвѣдь отпустилъ лисью ногу и схватилъ зубами корень, а лиса убѣжала.

Она увидала человѣка, ѣхавшаго въ телѣгѣ съ салакушами. Притворившись мертвою, она легла подлѣ дороги и человѣкъ, увидавъ ее, положилъ въ телѣгу. За спиной человѣка, она побросала много рыбы на дорогу, а потомъ и сама сыркнула съ телѣги, собрала салакушъ и пошла прямо къ медвѣдю. «Откуда у тебя столько салакушъ», спросилъ медвѣдь уже помирившійся съ нею. «Изъ колодца старухи въ Ильмолѣ. Ты самъ можешь ловить ихъ, сколько хочешь», отвѣтила лиса, «опусти только хвостъ въ колодезь, тогда увидишь много звѣздъ на небѣ, но не двигайся съ мѣста». Хвостъ примерзъ. Старуха какъ разъ въ то время пахтала. Лиса прямо къ ней съ крикомъ: «Старуха, старуха, медвѣдь гадитъ твой колодезь». Старуха бросилась бить медвѣдя мутовкой. Дверь въ избу осталась открытой, и лиса вскочила прямо въ пахталку. Медвѣдь оторвалъ половину хвоста и хвостъ, у него такъ и остался оборванный. Вернувшись въ избу, старуха увидала пахталку опрокинутой вверхъ дномъ и въ ней лису. Лиса выпрыгнула опрометью въ окно, но старухѣ удалось ударить ее по хвосту. И теперь ещѣ у лисы пятно на хвостѣ.

Собака, котъ и змѣя.

(Або-Бьернеборск. г., Вехма; ркп. сб. Шэроса с. 436).

Одинъ мужикъ, получивъ въ наслѣдство тридцать риксдалеровъ, не хотѣлъ болѣе работать, а рѣшилъ стать торговцемъ. Однажды онъ увидѣлъ, что хотятъ повѣсить собаку — это было въ то время, когда животныя еще говорили. «Я не могу», сказалъ онъ, «видѣть, чтобы убивали животное. Отдайте мнѣ эту собаку, я вамъ за нее заплачу». И онъ отдалъ за нее тридцать риксдалеровъ, и собаку сняли съ висѣлицы.

Такимъ же образомъ онъ спасъ также кота, — это былъ бродячій котъ. Онъ заплатилъ и за него десять риксдалеровъ.

Мужикъ этотъ идя но тропинкѣ съ котомъ и собакой, встрѣтилъ другого мужика намѣревавшагося убить змѣю. На свои послѣдніе риксдалеры онъ купилъ змѣю, кото-

рая обратилась къ нему со словами: «при грѣхопадѣніи въ силу проклятiя, человѣкъ-ли укусить змѣю, змѣя-ли укуситъ человѣка, укушенное мѣсто распухаетъ, потому я не могу быть твоею слугою! Но приди въ наше лѣговище, оно не далеко, и ты получиши награду за твое благодарѣніе». Мужикъ согласился пойти за нею. Онъ остановился при входѣ въ лѣговище, а змѣя вошла въ него. Изъ лѣговища выползли другія змѣи по-смотрѣвъ на него, и, наконецъ, вышла змѣя, жизнь которой онъ спасъ, съ кольцомъ во рту. «Если ты ударишь, сказала она ему, три раза по кольцу и произнесешь слова: пусть придутъ семь человѣкъ и принесутъ то, чтѣ я желаю, и твое приказаніе будетъ исполнено». Поблагодаривъ ее, онъ отправился въ путь.

Онъ ударилъ три раза по кольцу, сказавъ: «пусть придутъ семь человѣкъ и принесутъ мнѣ хорошее платье!» и затѣмъ онъ приказалъ принести себѣ денегъ. И то и другое было исполнено.

Онъ нанялъ лошадь на постояломъ дворѣ. Повстрѣчались ему разбойники, которые хотѣли обокрасть и убить его. Видя себя въ опасности, онъ вспомнилъ о кольцѣ, и, ударивъ три раза по немъ, сказалъ: «пусть придутъ семь человѣкъ и помогутъ мнѣ!» Они явились и побили разбойниковъ и всѣхъ разогнали.

Онъ устроилъ пиръ,—вѣдь у него было денегъ, сколько ему хотѣлось. На пирѣ онъ пригласилъ короля и множество знатныхъ людей. Между прочимъ, у нихъ зашла рѣчь о бракѣ. Старикъ-король сказалъ, что онъ выдастъ свою единственную дочь только за того, кто построитъ черезъ рѣку мостъ изъ золота и драгоценныхъ камней,—около его дворца протекала рѣка. По отбѣздѣ всѣхъ гостей, ударивъ по кольцу, онъ приказалъ семи людямъ построить такой мостъ къ завтрашнему утру! Проснувшись утромъ, король увидѣлъ, что работники уже уходятъ.

Одинъ изъ гостей, необычайно богатый человѣкъ, сказалъ, что это онъ построилъ мостъ на свои деньги, но нашъ герой заявилъ, что это онъ сдѣлалъ и такъ какъ другіе оспаривали, то онъ, ударивъ по кольцу, воскликнулъ: «пусть придутъ семь человѣкъ и засвидѣтельствуютъ!» Они появились и засвидѣтельствовали, и король не могъ отказаться отъ своихъ словъ, и его обвиняли съ королевской дочерью.

Когда онъ пришѣлъ къ себѣ со своею молодою женою, жена стала его спрашивать, какимъ образомъ можетъ онъ вызывать подобныхъ семь человѣкъ и кто онъ самъ. Разузнавъ все, она украла кольцо и попыталась извѣстить своего отца, что мужъ ея не больше какъ простой человѣкъ, и что онъ благодаря лишь волшебству, получилъ ее. Король засадилъ его въ каменную тюрьму, находившуюся на противоположной сторонѣ рѣки.

Въ заточеніи онъ дѣлился своею пищею съ собакою и котомъ. Собака приказала коту попытаться достать кольцо обратно. Котъ отправился во дворецъ, притворился ласковымъ, танцевалъ на заднихъ лапахъ и свободно бѣгалъ изъ комнаты въ комнату. Однажды королева показывала кольцо гостямъ, говоря: вотъ кольцо того негодяя. Котъ замѣтилъ, куда его положили и укралъ его.

Котъ сълъ на спину собаки, она поплыла черезъ рѣку. По срединѣ рѣки собака спрашивала кота, почему онъ такъ тяжелъ. «Это кольцо такъ тяжело», отвѣтилъ котъ и выронилъ его изъ рта. Опечаленные пришли они къ хозяину и рассказали ему о своемъ несчастіи. Однажды собака и котъ, отыскивая себѣ пищу, случайно поймали щуку, которая проглотила кольцо. То-то была радость.

Они тотчасъ отнесли кольцо своему хозяину, тотъ, ударивъ по немъ три раза, сказалъ: «пусть придутъ семь человѣкъ и разрушатъ эту каменную тюрьму и освободятъ меня». Они пришли. Король послалъ солдатъ прогнать ихъ, но они не могли помѣшать имъ разрушить тюрьму. Герой нашъ приказалъ королю сдѣлать выговоръ своей дочери. И кто повѣрилъ бы этому?—изъ нихъ вышла счастливая чета.

Сообщ. *Антти Аарнэ*, ректоръ.

Особенности въ говорѣ русскихъ крестьянъ юго-восточной части Вятской губерніи.

Въ предѣлахъ обширной Вятской губерніи мы встрѣчаемъ два, въ сильной степени различающіеся между собою, говора: говоръ собственно «вятскій», наблюдающійся въ большей части уѣздовъ и имѣющій своимъ центромъ г. Вятку, и говоръ юговосточной, прикамской части губерніи. Послѣдній говоръ имѣетъ своимъ центромъ г. Сарапуль, и мы для краткости будемъ называть его Сарапульскимъ говоромъ. Кромѣ Сарапульскаго уѣзда, этотъ говоръ наблюдается въ большей части Елабужскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малмыжскаго.

Въ филологической литературѣ діалектологія этихъ уѣздовъ выяснена еще очень мало. По крайней мѣрѣ, въ вышедшемъ недавно (1897 г.) первомъ «Опытѣ русской діалектологіи» извѣстнаго ученаго, профессора А. Н. Соболевскаго, мы не находимъ почти никакихъ свѣдѣній о діалектическихъ особенностяхъ Сарапульскаго и Елабужскаго уѣздовъ, тогда какъ касательно всѣхъ прочихъ уѣздовъ Вятской губерніи здѣсь приводятся болѣе или менѣе подробныя характеристики. А между тѣмъ о своемъ «опытѣ» ученый авторъ его имѣлъ полное основаніе сказать слѣдующее: «изданіе настоящаго очерка должно показать, какіе говоры до сихъ поръ остаются наукѣ неизвѣстными и для какихъ она владѣетъ данными неполными и невѣрными» (стр. 3).

I.

Жители прикамскихъ уѣздовъ Вятской губерніи (Сарапульскаго и Елабужскаго) не считаютъ и не называютъ себя «вятчанами». Между жителями этихъ уѣздовъ и собственно вятчанами («вячками», «вятчаньёмъ»,—какъ ихъ здѣсь зовутъ) вѣчная рознь, выражающаяся, впрочемъ, почти исключительно въ разнаго рода шуткахъ и насмѣшкахъ другъ надъ другомъ. Причемъ ничто, кажется, не высмѣивается такъ часто и такъ ядовито, какъ именно выговоръ—и вообще, нарѣчіе—другъ друга. «Вячки, робята хвачки», «рожки вячкіе», «роговьё», «щёкалы, щё да поштё», «толоконники, толокомѣсы, слѣнороды»,—вотъ эпитеты, какими награждаютъ собственно вятчанъ ихъ прикамскіе сосѣди; въ качествѣ комментарій къ этимъ эпитетамъ, въ обращеніи ходитъ немало смѣшныхъ анекдотовъ о вятчанахъ.

Тою отличительною чертою, по которой сарапульцы и елабужцы узнаютъ и такъ рѣзко отграничиваютъ отъ себя вятчанъ, служитъ ничто иное, какъ своеобразный выговоръ этихъ послѣднихъ, довольно извѣстный «вятскій выговоръ». Тѣ мѣстности, гдѣ господствуетъ послѣдній, извѣстны подъ именемъ «вятской стороны»; мѣстности противоположнаго характера носятъ обычно названія: «подъ Сарапуломъ», «подъ Елабугой».

Различіе въ говорахъ сами крестьяне объясняютъ различіемъ тѣхъ мѣстъ, которыя служили первоначальнымъ мѣстожительствомъ здѣшняго населенія: одни-де понаѣхали сюда изъ-подъ Вятки, другіе—изъ-подъ Сарапула. И это объясненіе, безспорно, правильное. По діалектическимъ особенностямъ можно лучше всего прослѣдить ходъ колонизаціи края.

Вятскій говоръ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить объ этомъ, пользуется до-

вольно большою извѣстностію даже и среди «широкой» публики. Угнмъ онъ обязанъ главнымъ образомъ своей оригинальной пѣвучести, съ особеннымъ растяженіемъ на послѣднемъ слогѣ. Здѣсь слышатся перѣдко замѣчательно долгія гласныя (въ концѣ словъ), какнхъ не встрѣчается, кажется, болѣе ни въ одномъ великорусскомъ говорѣ. Въ Саранульскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ ни этой пѣвучести, ни этихъ долгихъ гласныхъ мы не наблюдаемъ.

Вятское нарѣчіе справедливо относятъ къ числу такъ называемыхъ о ка ю щ и х ъ и ц о ка ю щ и х ъ нарѣчій, т. е. такихъ нарѣчій, въ которыхъ преобладаетъ о надъ а и въ которыхъ замѣчается мѣна буквъ ч и ц (молошко, черьковь). Саранульскій говоръ можно также назвать окающимъ, но не въ такой степени, какъ вятскій. Въ Вяткѣ о звучитъ очень низко, чисто приближаясь къ звуку: у. «И ту?» дразнятъ обычно саранульцы вѣчно переспрашивающихъ вопросъ вятчанъ. Въ Вяткѣ говорятъ: ошно, пешшора. Въ Саранулѣ о никогда не звучитъ, какъ у (слово «суеѣдъ» исключеніемъ служить не можетъ, такъ какъ оно встрѣчается и въ акающихъ говорахъ); здѣсь, наоборотъ, чаще слышатся отголоски аканья, и есть волости (Мостонинская), сильно акающія. Здѣсь всѣ говорятъ: «Каравай, красна, кравать и т. д. Все это не отнимаетъ однакоже у саранульцевъ возможности и повода высмѣивать «казанскій» выговоръ, «свысака-повоцки» (по-вотяцки). «Быль въ Масквѣ, шелъ по даскѣ, да уналь въ грезь», смѣются здѣсь надъ акающими, сопоставляя «казанское» съ мѣстнымъ.

Цоканья (мѣны ч и ц) въ Саранульскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ не слышно совсѣмъ. Надъ цокающими здѣсь зло смѣются: «цокъ-цок! щѣкало!». Въ саранульскомъ говорѣ мы замѣчаемъ противоположную крайность: ц и ч выговариваются очень мягко, вмѣсто нихъ слышится часто какой-то не передаваемый на письмѣ звукъ, средній между с и ш: пеш(с)ка (печка), мельница, сарь (царь). Но это, нужно замѣтить, не общая особенность говора въ названныхъ уѣздахъ: въ очень многихъ волостяхъ ея нѣтъ; наблюдается же она главнымъ образомъ вблизи городовъ, Саранула и Елабуги (с. Такайка). Съ другой стороны, эту особенность мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ собственно—вятскихъ уѣздахъ.

Другая особенность цокающихъ нарѣчій, и вмѣсто ѣ, присуща саранульскому говору въ большой степени. Здѣсь мы слышимъ: здися (здѣсь), хлиба бы исъ, да некуда сисъ, гованье, куда издили (ѣздили); но: знамо дѣло, рѣна, рѣка. Точно также вмѣсто я въ неударяемыхъ слогахъ слышится нѣчто среднее между е и и: они(е)тъ, петь (пять), тяжело, еровое поле (=яровое), супредки, будь только матушка—земля едрена, мисовѣдъ (=мясоѣдъ).

Вмѣсто е иногда слышится и, равно какъ вмѣсто а=e: илѣля, табѣ, сибѣ, ишо (еще); часы (часы), кричить, затопить.

Формы 2 лица единств. ч. возвратныхъ глаголовъ ясно оканчиваются на удвоенное и; «нашьшша, дерешша; проспншша, браншша; опохмѣлишша, опеть дрались пелншша».

Удвоенное же и слышится часто и вмѣсто и: шишурёнокъ (шурёнокъ), нишо (еще).

Вмѣсто что здѣсь говорятъ: што,—тогда какъ въ вятскомъ говорѣ: щѣ, штѣ. Вмѣсто еще здѣсь слышится ищо; въ Вяткѣ же оишо,—откуда проницеское названіе вятчанъ «ошшбки».

Выраженій: ёиъ (онъ), ёна (она) совсѣмъ нѣтъ; но можно часто слышать окрък: бабёнъ (вѣроятно, сокращенное «бабѣнка»).

Гласная а замѣняется иногда ы: куды, суды, туды. Иногда лишняя гласная присоединяется въ началѣ слова: аржаной (ржаной), адровая (дровяная).

Встрѣчаются выраженія: на нечъ, на лошады; говорятъ: «въ тѣ поры» и «въ та поры»; «таперича» и «топерича».

Сравнительная степень иногда оканчивается на яе: бастяе (отъ баской), мляе (милой).

Усѣченныя окончанія не пользуются такою любовью, какъ у вятчанъ. Надъ послѣдними смѣются: «вьячки», «хвачки»; серьезно про то же говорятъ: «у вьячкихъ какой-то недоговоръ». Однако и въ саранульскомъ говорѣ встрѣчаются такія выраженія,

какъ «въ мѣжи дребезги» и т. п. Въ 3 л. един. ч. наст. вр. глаголовъ усѣченныхъ окончаній никогда ни бываетъ: окончаніе *тъ* всего ясно слышится.

Согласныя буквы: *к*, *н* и *т* перѣдко смягчаются въ *з*, *м* и *д*: земляника, черника, лозовской (изъ с. Люкъ); Микита, Миколка; дакъ (такъ). *Б* въ словѣ «батаракъ» слышится, какъ *н*: «поглянулось натраку по три чирья на боку» (возможно даже сомнѣніе, нѣтъ ли особаго слова «натракъ»).

Д очень часто переходитъ въ *л*: толя (или: толды; тогда); коля (или: колды; когда); николи (никогда); отсали, послаля (отсюда, посюда), покуль (покуда) (?); нѣльма (вѣдьма); грузли (грузди), свальба (свадьба).

Вмѣсто «кикимора» слышимъ: *мишимора*; вмѣсто сулема—*шулема*, заусейница—*заушейница*.

Въ словахъ: щекотко, болько находимъ *к* вмѣсто *н*.

Изъ другихъ особенностей замѣчательно особенно частое употребленіе возвратныхъ глаголовъ (чего нѣтъ въ сосѣднихъ вятскихъ уѣздахъ, въ частности въ Малмыжскомъ): мыться (мыть бѣлье), стираться (стирать), бучиться (бучить), вѣшаться (вѣсить ленъ на вѣшала), искаться (искать вишей въ головѣ, а также подавать искъ въ судъ), уловиться малины или грибовъ (успѣть набрать, пока не обрала другіе), биться хлѣбомъ.

Наблюдается также очень частое употребленіе творительнаго падежа: ѣхать в о докомъ (по волоку, по лѣсу), идти до ждемъ (подъ дождемъ), маяться брюхомъ, биться хлѣбомъ (изъ-за хлѣба), «добро́мъ (толкомъ) говорить, да не понимаетъ».

Замѣтна также большая любовь къ употребленію уменьшительныхъ словъ: Боушко, вовсичко (отъ вовсе), досытичка (досыта), ребѣночекъ-то угомоненькой, посулил бы вѣтъ боженочкамъ по сапоженочкамъ.

Заслуживаетъ вниманія частое употребленіе указательной частицы «на»:эттакъ, тамока, тутакъ.

Особенно замѣчательно очень часто встрѣчающееся смѣшеніе окончаній дательнаго и творительнаго падежа множествен. числа: идти за губамъ или за грибамъ, щи съ кускамъ, я самъ съ усамъ и т. д.

Еще большаго вниманія заслуживаютъ очень часто встрѣчающіяся и сравнительно многочисленныя формы члена. Членъ измѣняется по родамъ и, отчасти, по падежамъ. Измѣненія его можно приблизительно (почему приблизительно, читатель узнаетъ объ этомъ ниже) представить въ такомъ видѣ:

Отец-отъ (<i>атъ</i>)	Палка-та	Окно-то	Люди-тъ
Отца-та	Палки-тъ (<i>то</i>)	Окна-та	Людей-тъ
Отцу-ту	Палкъ-то	Окну-ту	Людяжъ-тъ
Отца-та	Палку-ту	Окно-то	Людей-тъ
Отцомъ-то	Палкой-то	Окномъ-то	Людьми-тъ
Объ отцѣ-то (<i>та</i>).	О палькъ-то	Объ окнѣ-то	О людяжъ-тъ

Какъ—надѣмся—читатель замѣтилъ отсюда, въ измѣненіяхъ члена замѣчается тенденція оканчиваться на ту же самую букву, на какую оканчивается впереди стоящее слово. Но это именно только тенденція, а ничуть не правило, такъ какъ здѣсь мы видимъ и немало исключеній. О правилахъ въ данномъ случаѣ говорить и не приходится: формы члена,—что сразу же и бросается въ глаза наблюдателю,—еще не установились прочно, не окрѣпли и часто измѣняются; къ тому же въ этихъ формахъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо, слышатся средніе звуки: ни *а*. ни *о*, или: ни *о*, ни *у*.

Членъ ставится при словѣ съ логическимъ удареніемъ и вообще усиливаетъ то слово, позади (постпозиціонный членъ) котораго онъ стоитъ. Такимъ словомъ можетъ быть любая часть рѣчи: «его-то мнѣ и надо», «пахать-то маятно больно» и т. н.

Большинство современныхъ филологовъ видятъ въ этихъ формахъ архаическое явленіе, остатки формъ стариннаго члена, но едвали основательно. Мы вполне присоединяемся къ мнѣнію Вл. Пв. Дала, который видѣлъ въ указанныхъ формахъ аналогію съ болгарскимъ членомъ, т. е. усматривалъ въ нихъ прогрессивное движеніе, переходъ языка къ аналитическому строю (одною изъ главныхъ отличительныхъ особен-

ностей такого строя и служить именно существованіе въ языкѣ члена). Переходъ отъ синтетическаго строя (на какой ступени стоитъ теперь нашъ русскій языкъ) къ высшему, аналитическому,—общій удѣлъ всѣхъ языковъ на пути ихъ прогрессивнаго развитія. За возможность и даже близость такого перехода для русскаго языка говоритъ также и фактъ смѣшенія окончаній, наблюдаемый, какъ вообще въ областныхъ нарѣчіяхъ, такъ и въ разсматриваемомъ нами саранульскомъ говорѣ.

«Съ кускамъ, за грибомъ, съ усамъ, кричѣтъ, любѣтъ, затоплѣтъ, любѣла»,— не говорятъ ли всѣ такіа и подобныя формы о томъ, что значеніе окончаній уже утрачиваетъ свой вѣкъ?! что языкъ нашъ приближается къ языкамъ аналитическаго строя?...

II.

«Роговъѣ», «рожкѣ», «рожіха»,—вотъ одни изъ первыхъ словъ, какихъ мы не нашли въ извѣстномъ «Толковомъ словарѣ живого великорусскаго языка «В. И. Даля. Это—прозвища вятчанъ («вятчанѣ, вички»), т. е. пользующихся своеобразнымъ «вичкинымъ» говоромъ. «И рожіха—рожихой стала», говоритъ живущій «подъ Сарануломъ» про свою сосѣдку, которая вышла замужъ «въ вятскую сторону» и стала говорить «по-вички».

Филологію словъ «рожки, роговъѣ» не объясняютъ ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ анекдотовъ о вятчанахъ. И филологія эта способна вызывать сомнѣнія: можно производить отъ «рогъ», отъ «рожа»; сами крестьяне склонны производить это слово отъ названія села «Рождественское» (но-вятски: «Рождѣственское); сель съ такимъ названіемъ, дѣйствительно, «въ вятской сторонѣ» (у.у. Нолинскомъ, Иранскомъ, Ураумскомъ, Малмыжскомъ) не мало.

Дальше мы приводимъ, въ алфавитномъ порядкѣ, тѣ слова (а также поговорки и пословицы), которыя намъ пришлось слышать въ предѣлахъ Саранульскаго и Елабужскаго уѣздовъ и которыхъ мы не нашли въ томъ же словарѣ Даля ¹⁾. Нужно замѣтить, впрочемъ, что большая часть приводимыхъ нами словъ не носитъ чисто мѣстнаго характера и, за небольшими исключеніями, не можетъ быть названа «провинціализмами». Адровая телѣга—безъ коробка, употребляемая для возки дровъ.

Азъ. «Азъ-буки—букашки, вѣди—таракашки, глаголь—душки, добро—шанежки».

Аршинъ съ шапкой—нигмѣй, карапузъ.

Баба.—«Баба—пустое перо». «Безъ бабы, какъ безъ иоганаго ведра». Бабій зубъ—спорынья во ржи. Бабье ухо—грибъ, родъ рыжика, но формѣ похожей на ухо. Бабникъ—волокита.

Бабурки—свинячьи лодыжки, маленькія игорныя бабки.

Бабанѣжить—усиленное выраженіе понятія нѣжить.

Баня. «На банный уголь» сдѣлать—кое-какъ, шала-валя.

Бардъ вый—красный (искаженное «Бордъ»).

Баринъ. «Одинъ баринъ, другой татаринъ»—одна брючвина на выпускъ, другая подъ санономъ.

Батракъ. «Поглянулось батраку по три чирья на боку».

Басловка—вѣдѣнье, документъ для брачующихся, нужный въ томъ случаѣ, если невѣста не изъ одного прихода съ женихомъ.

Безшабашный—отчаянный, отпѣтый.

Береза. «Дома-та хотъ бѣлая береза рости»—хотъ что случись: никого нѣтъ.

Биксъ—народная игра, родъ билліарда ²⁾.

¹⁾ Мы имѣли подѣ руками I-е изд. этого словаря 1863—66 г., причемъ принимали во вниманіе «Добавленія» П. Шейна (1873 г., прил. къ XXII т. Зап. Ими. Ак. Н., № 6), І. Р. Наумова (1874 г., прилож. къ XXIV т. Зап., № I-й) и Я. Грота (въ его «Филолог. разысканіяхъ», т. I, 1876 г.).

²⁾ Вотъ описаніе «игры въ биксъ», часто встрѣчающейся теперь на сельскихъ

Блоха. «Вни воду видѣли, блохамъ сказали, а блохи давно ускакали» (смѣются надъ плохимъ мытьемъ).

Ворона. «У меня ворона цѣлая дома»—ребятъ много.

Вредить—проказничать, бѣдокурить.

Брякнуть. «Ровно въ большой колоколъ брякнулъ»—удивилъ всѣхъ неожиданными глупыми словами.

Бураки—наклепная голенища у сапогъ.

Вѣгучій (боченокъ, тусь)—текучій, недержачій воды.

Валеникъ—шерстобить.

Вареникъ или вареное молоко—квашеное, кислое. «Ровно вареное молоко продаемъ»—тихо ѣдемъ.

Велѣть. «Вели Богъ!»—хорошо, удобно! «Вели Богъ у рѣки жить!»

Вертѣться. «Вертится, какъ воръ (жидъ, цыганъ) на ярмаркѣ (какъ сорока на колѣ)». «Кто любитъ горбушки, у того будетъ жена вертушка». Вертюжокъ—запоръ; короткая палка, прибитая на серединѣ гвоздемъ и вертящаяся на немъ.

Верюхать—сневеливать съ мѣста, ломать.

Взяться (о животныхъ) зачать, понести. «Кобыла давно взялась».

Вино. «Бутылка да вино вмѣсто душеньки дано».

Вовсичко—вовсе.

Водиться. «Годъ водись, да два не водись» (т. е. водись лучше съ ребенкомъ въ первый годъ его жизни).

Вольница (муж. и женск. р., а не собир., какъ у Даля)—своевольный человекъ, баловникъ. «Дѣвки-тѣ вольницы какія!»

Всхлопнуть руками—удивиться.

Выворотить. «Вывороти,»—шутливо говорятъ усердно зализывающему вкусное блюдо.

Выбойки—выжимки отъ сѣмени послѣ битья масла.

Выдѣлка. «Не стоитъ шкурка выдѣлки»—не стоитъ дѣло хлопотъ, денегъ.

Выкормышь—выкормокъ.

Вытарашить глаза—вытаращить.

Вѣлма—вѣдьма.

Вѣнигъ. «Шелковый вѣникъ тебѣ!»—пожеланіе идущему въ баню.

Вѣсь. «Вѣсь не попова душа» (т. е. не кривить). «Сонъ данъ не вѣсомъ».

Вѣять. «Сѣю-вѣю, пшину просьбу архирейю: архирей мой, архирей, давай денегъ поскорѣй»,—приговоръ при вѣяніи. До вѣтру сходить—на дворъ, по естественной потребности.

Галанка—голландская печь.

Гасникъ завязка, поясъ у штановъ. «Если на гасникѣ вни появились, быть богатому».

Гармонка—гармоника. «Гармонка-матушка, лучше хлѣба батюшка».

Генераль: всѣ пеленки обмараль!» (шутить о ребятихъ).

Голлицы—рукавицы изъ голы (безъ шерсти) кожи.

Голова. «У него не на томъ концѣ голова»—не то на умѣ. «Ворожйтъ, куды голову положить». «За спесивой кумой не сломя головой». **Головка**—верхняя часть хомута.

Голодь. «Голодь не тетка: и хлѣбъ широжекъ».

Гольный—голый. «Гольный сахаръ».

Горбовина—толстая доска съ горбылемъ. «Изъ косу-то выйдець триста тесу, пятьсотъ горбовинъ, да охлупень одинъ».

ярмаркахъ. Необходимое условіе игры—продолговатый столъ съ покатою верхнею доскою. На поверхности доски углубленія, околоченныя кругомъ гвоздиками; у нижняго края ея деревянные лузы. Около лузы и около углубленій цифры: 20, 40, 70, 150 и т. д. Играющіе катаютъ шары. Чей шаръ закатится въ лузу или ямку, отмѣченную наибольшимъ количествомъ очковъ, тотъ получаетъ всю ставку.

- Гость. «Гости на гости, хозяину радости». «Гость на дворъ, хозяину попойка». Го- щёный—охочій до гостёбы.
- Гныра—у Даля «гмыра». Гнырять.
- Гнѣздо—вънець, чегыре бревна. «Изба въ 18 гнѣздъ»—рядовъ.
- Грибъ. У Даля не перечислены: бабье ухо, волменка, пѣтигъ, хрустѣшка или устюшка (бычокъ тожь).
- Грудно—много. «Лико, сѣна-та и грудно здѣсь».
- Грязь. «Малины, какъ грязи»—много. «Быль въ Масквѣ, шель по даскѣ, да упаль въ грезь» (шутить надъ акающими). «Думала: грезь, а посмотрѣла: ножки есть» (шутять, ща вшей въ головѣ). «Въ грязь и овестъ князь!»
- «Далеко: отсюдова не видно»—отвѣчаютъ на вопросъ: далеко ли живешь? ѣдешь?
- Двустволка—гермафродять, двуполоый.
- Денежка. «Извели человекъ не за денежку» (ни за что, ни про что). «Въ залотую денежку встало»—дорого.
- Дербень—избушка на мельницѣ, помещеніе для мельника. «Дербень-дербень, ты Калуга, дербень Калуга моя!»—изъ пѣсни.
- Дикшарый—бранно: дикій.
- Донять. «До кого не дойдетъ, того и не доймаешь».
- Дровоколотная палка—дровоколка.
- Дружки—вѣдра на коромыслѣ «Я сегодня двои дружки воды принесла».
- Дурной. Чтѣ дурно, то и потѣшно».
- Душа. «Душа моя! какъ я у тебя; смерть моя! какъ ты у меня».
- Дѣрманка—бранное сл.
- Елушки—сѣвериха.
- Ерничать—ябедничать.
- «Жаль мнѣ тебя, де не какъ себя!»
- Жарь. «Жарь-жаромъ»—очень ало. Жарѣха—жареные въ маслѣ грибы.
- Желубить подсолнухи, горохъ—лущить.
- Женить. «Безъ меня меня женили: я на мельницѣ былъ».
- Жрать. «Жреть, какъ будто овинъ измолотилъ». «Жреть, словно на овинѣ насажи- ваешь».
- Жубренькать (у Даля: жубрить) медленно жевать.
- Жуликъ. «Казанскій жуликъ, сдѣлай стуликъ, завтра денежки отдамъ».
- Жучить—бить, хвостать.
- Завариха—каша изъ заварной гречневой крупы.
- Завозить—запачкать, затаскать.
- Заворки—разборное прясло.
- Задумчивость—душевная болѣзнь, мелапхолия. «На него задумчивость нашла».
- Закайна (у Даля: закайка)—зарокъ.
- Закута—мѣсто взади.
- Заложница—улица, рядъ домовъ въ деревнѣ.
- Замахъ. «Замахъ хуже удара».
- Зарѣшить, зашить—отказать въ просьбѣ; переспорить, составить кого замолчать. (Семи. сдѣлавшееся народнымъ).
- Запуха—затычка; большею частію: «банная запуха»—затычка для трубы въ черной банѣ.
- Заскребень—у Даля: заскребокъ и заскребышь.
- Заулевный дождь—очень продолжительный, ненастье.
- Зачучкать,—с я—загрязнить,—ся.
- Зашить—тоже, что зарѣшить.
- Захлестываться—узлиться. «Захлестывается птчка: на сердитаго, видно, шью».
- Звиздануть—сильно ударить.
- Здоровый. «Здоровому молиться—не болѣсти просить!»
- «Зима долга: ребята съѣдятъ» (о нищѣ).
- Злыдни. «Ходила три дни, да принесла злыдни».
- Зорить. «Кто птичьи гнѣзда зорить, тотъ рыбой будетъ». «Чтѣ зря деньги зорить?!»

- Зубъ.** «А потомъ п зубы на сичку повѣсилъ» (нечего ѣсть будеть). **Зубить**—бойко отвѣчать, грубить.
- Зѣвъ.** «Ткэвъ (или пѣвъ!), да зѣвъ!» привѣтъ ткачихъ.
- Зять.** «Зять любитъ зять, а тесть поѣсть».
- Зырянить**—шататься безъ дѣла; **Зырянъ**—шатунь.
- Иголка.** «Не иголка, вѣдь: не потеряется».
- Избывать**—желать смерти кого-нибудь и высказывать свои пожеланія объ этомъ (у Дали: сживать, изводить). «Кто избываетъ ребятъ, у тѣхъ еще живучѣе бывають».
- Изверюхатъ**—переломать.
- Изварлычиться**—изварлыжничаться, испортиться.
- Избочпиться**—избочениться.
- Изгнить.** «У насъ въ брюхѣ-то и долото изгниеть».
- Иконостасъ.** «Моли Бога о насъ, весь иконостасъ»,—пѣлъ одинъ дячекъ, которому заказали молебень всѣмъ святымъ.
- Имениникъ.** «Добрый имениникъ на пять день, а плохой до полдень».
- Искать.** «Ищи, на затылкѣ виши!»,—безусиѣнно. «Его днемъ съ огнемъ не найдешь».
- Испереничугаться**—испугаться. «Испереничугался, что чуть въ штаны не на-
клялъ».
- Истирать.** «Всѣ голяшки истерла: бѣгала».
- Иховъ (?)**. «Съ ихова выросъ»—съ лѣшаго, великъ очень.
- Кабакъ.** «Не торопись на тотъ свѣтъ: тамъ кабаковъ нѣтъ». **Кабатчикъ**—кабачникъ, сидѣлецъ.
- «Кабы зналъ, гдѣ упалъ, такъ постельку бы послалъ».
- Казакъ**—лѣвникъ; боровъ некладеный.
- Калачъ.** «Не плачь; куплю калачъ; не реви: куплю три».
- Камчугъ**—(у Дали: подагра?) болѣзнь ногъ, въ родѣ ноготѣда («червя»). «Камчугъ ногу ѣсть».
- Капся.** «Знаешь ты капсю, да и ту не всю».
- Калуштиться**—робѣть, плошать.
- Караушка**—караульня.
- Картина.** «Ты картина, я партреть; ты скотина, а я нѣтъ». (Сем.).
- Каравашикъ**—кушанье, жареные въ маслѣ катышки изъ тѣста пли сыра.
- Катушка тараканы**—плѣнь, лсына.
- Кинятѣкъ**—горячій, вспыльчивый человекъ; сердитый.
- Кисель.** «Девята вода на кисель» (шутя о далекой роднѣ).
- Кислый.** «Кислый квасъ»: на собаку вылить, такъ три дня провизжитъ». **Кпсленица**—кисленка.
- Клинь.** «Феклинья—долгіе клинья». **Сарафанъ**—клинчатникъ—съ клиньями.
- Корень.** «Въ корень раззорить,-ся»—совѣтъ.
- Кошель.** «У ницаго кошель отнимаетъ» (про завистливаго).
- Кошка.** «Кошка пробѣжала да хвостъ показала» (шутка: ничего не случилось). «Кошка скребетъ на своей хребетъ». «Кошки на ложки»,—кричать кошатники.
- Примѣчаніе.** У Дали читаемъ: «у кошки шерсть погана, да рыло чисто; у собаки рыло погано, да шерсть чиста». Намъ приходилось слышать эту поговорку какъ разъ наоборотъ: «у собаки рыло чисто, да шерсть погана и т. д.». На этотъ счетъ въ народѣ существуетъ и особая легенда, по которой Богъ создалъ собаку голою, шерсть же ей далъ послѣ сатана; потому-де и собаку въ церковь не пускають, а кошку пуцають.
- Килдидимъ**—развратный домъ. У Дали читаемъ: «вятск.: гдѣ собираются посидѣлки? Намъ не приходилось встрѣчаться съ такимъ значеніемъ слова.
- Кланяться.** «Чѣмъ больше кланяются, тѣмъ больше чванится».
- Клепать лиговку**—острить.
- Клокъ.** «На чужой сторонѣ сироты: гдѣ сѣна клокъ, гдѣ вилы въ бокъ». **Клочко-
вды**—шуточн. шерстобиты.

Кладбище. «Съ кладбища уѣждаль седьмой годъ; на томъ свѣтъ давно съ фонарями ищуть; три нуда свѣтъ сожгли»,—смѣются надъ дрыхлыми стариками.

Клопъ—пигмей, каранузъ (шутл.).

Князь. «Куда князья да бояра, туда бы и Марья кривая».

Князекъ—долгая, большая пчела, согласно повѣрью приносящая счастья пчеловодамъ.

Колпичекъ—конецъ облупленного ийца. «Какъ колпичекъ, бѣдехонькой».

Ковырялище—кочадыкъ.

Колповоротъ—нанарья.

Колтышъ.—Слово употребляется только въ шуткѣ! «Видь душа изъ колтышѣ».

Конецъ. «Конца краю не будетъ»—очень долго.

Котомка—маленькій мѣшокъ изъ холста (у Даля: изъ бересты или сунна).

Кольнице—напроска собственного издѣлія, тюрничекъ.

Конь. «У нихъ въ избѣ-то конь говорить»—шумно.

Комаристый—обильный комарами. Комариный—комарій. «Комаринаго сала не надо ли?»

Корова. «Была-бы на дворѣ корова, будетъ и на столѣ шанежка».

Крапива. «По морозу босикомъ, да по крапивѣ нагишомъ». Лѣтняя крапива—глухая (не жалится которая).

Край. «Радъ бы въ рай, да ударилъся о край».

Кочанъ. «Я тебя люблю очень, какъ капустный кочень».

Красный. «Рыжій краснаго спросилъ: гдѣ ты бороду красилъ?—И на солнышкѣ лежалъ, да къ верху бороду держалъ». «Красная водка простой-то тѣтъ!»

Кормить. «Кормили людей для чужихъ людей» (говорять отъ отдачи въ дѣти).

Красна—станъ съ пряжею.

Кровяной—багровый. «Кровиное солнышко къ дождю».

Крестъ. «Что еще будетъ? (спрашиваютъ за обѣдомъ). — Кресты». «Мнѣ съ нимъ не ребятъ крестить»—нѣтъ до него никакого дѣла

Кричать. «Отъ всѣхъ печеней кричить»—громко очень.

Крыльцы. «Всякое ремесло за крыльцами не висится, а во время пригодится».

Кулакъ. «Свитымъ-то бы кулакомъ, да по поганому рылу!» (указывая на свой кулакъ и на «рыло» собесѣдника). «Мало еще солей на кулакъ наматать»,—говорить молодому и неопытному.

Крестьянинъ. «Севастьянъ, не опозналъ своихъ крестьянъ!»

Купоросъ—уросъ, капризь. Купоросить—капризничать.

Купля. «Даръ, не купля»,—дешево очень.

Кура. «Говорять, что и куръ доять».

Куропачь—шуточное названіе портного. «Швецъ-куропачъ, не пора-ли пропасть?».

Кѹторы, ми.—закутки, конецъ деревни, гдѣ нѣтъ «проѣзжающей» дороги.

«Кучерь, глаза-га снучилъ».

Кучище—мѣсто, гдѣ прежде сидѣли кучу.

Кумать. «Хлѣбъ-соль кумать, какъ евангеліе слушать».

Кыча. Употребляется только въ выраженіи: «черемная кыча!»

Ладонь. «Видно все, какъ на ладони».

Ладъ. «Ни складу, ни ладу, поцѣлуй кошку съ заду».

Лакать—у Даля: локать. «Кошка молоко лачетъ».

Лань. «Какъ лань раздобѣла».

Лапотъ. «Обути его въ лапотки»—обобрали, надули.

Лапша. «Есть у него лапши-то, накрошено»,—много маленькихъ ребятъ. «Маленькой: подавился валенкомъ; большой: подавился лапшой». Лапша—мелкіе прынки.

Лафѣ—дружба съ высшимъ лицомъ, протекція. «У него съ писаремъ лафа!»

Лаять. «Про тебя и собаки-гѣ не лають» (что и говорить про тебя: всѣмъ хорошъ!) «Баю, да не лаю».

Ленешка—раскльвишійся комокъ грязи. Ленешечникъ—сковородникъ.

Лѣпать—дѣлать, стряпать, рукодѣлничать.

Лимонъ. «Мы люди тѣмные: гдѣ намъ чай нить съ лимономъ».

- Липшекъ. «По нашему умнику и этого липка».
- Лихой. «Годъ тихъ, да часъ лихъ». Лихо — тошно, нозываетъ на рвоту. Лихо-стѣться — злиться, завидовать, злорадствовать.
- Липучій. «Привязался, какъ сѣра липучая».
- Лицо. «На немъ лица нѣтъ» (съ испугу, отъ болѣзни etc.).
- Ловиться — о кошкѣ, ловить мышей. «Не обрѣзывай у кошки усы: ловиться не станеть».
- Локоть. «Отсѣки руку по локоть, которая къ себѣ не волокетъ».
- Локасъ, ми: локасъё — бездѣльникъ, хавило, дубина.
- Ломаться — памятоваться.
- Ломоть. «Золото на ломоть» — баско очень.
- Лохань. «Пророкъ на печѣ промокъ, въ лоханкѣ высохъ» (о предсказывающихъ по году и т. п.).
- «Лѣнь добра не дѣлаеть, и безъ соли обѣдаеть».
- Любить. «Люблю, какъ кошку въ углу: гдѣ увижу, тамъ и бью». «Любить, какъ собака палку» (или: «какъ чертъ ладонь»). «Любовь слѣпа, полюбишь и козла».
- Любовое дѣло. Любѣхонько.
- Лютый — охочій. «Лѣниться-то бельно лютъ».
- Мазать. «Только по усамъ мазнуть», — мало.
- Малежки — большія пятна.
- Маламальный — плохонькой.
- Маланья. «Настрипали, ровно на Маланьину свадьбу», — слишкомъ много.
- Мамонтову кость несятъ съ собою для счастья.
- Марковитый — легко начкающійся.
- Мать. «Въ чемъ мать родила», — нагой. Матухи, матухоньки — коровы.
- Масло. «Масленное рыло-то», — льстивый человѣкъ. «Не до дня маслянь», — не очень ласковъ.
- Матница — матица.
- Махать. «Чеши — маши на всѣ гроши» (— мотай деньги!).
- Махочкій — махонкій. «Махочкая семейка: лавка да скамейка!»
- Медъ. «Въ меду бы выпила такого человѣка».
- Медвѣдко — копотъ на стѣнкахъ печи. «Изъ печи то даже медвѣдко не вышелъ» (плохо топлево).
- Меледливый — меледный, мѣшкотный ¹⁾.
- Милышь — любовникъ; мильва — любовница.
- Молосный — скоромный. «Молосная книшка поперекъ горла книшка».
- Моргуша — очень моргливый человѣкъ.
- Морить. «Хлѣбъ спориль, ребяты мориль».
- Мормышъ — заморышъ, пигмей.
- Моршеньки — родъ уже почти исчезнувшаго женскаго головного убора, чехоль со складками.
- Мосольникъ, мослоглодь — такъ дразнить саранульскихъ чеботарей.
- Мотарошно — моторно.
- Мошь. «Старинка съ мохомъ» (у Даля: «съ мозгомъ»).
- Мужикъ — мужъ. «Лошадь фздомъ, баба мужикомъ». «Мужикъ отъ у меня хворый!»
- Муха. «На все сладко какъ муха надка!»
- Мухлы. «На хухлы — на мухлы» — какъ понало, кое-какъ.
- Мутить — сомущать (sic), тянуть. «Онъ мутить меня на чужу сторону идти».
- Мучить. «Мучитесь, какъ баба родами». «Мучилась гора родами, да родила мышъ».
- Мять. «Богаты мрутъ, бѣднымъ дорогу мнутъ». «Наша невѣстка все трескаеть, хоть и медъ такъ мнеть».

¹⁾ Южно-слав. Мудити, млѣд-и-ти, млѣд-р. мелед.

Мытьё—менструація у женщинъ.

Мѣнять не пенять, ѣздить не плакать».

Мѣсто. «Эко мѣсто выросъ!» « Попрошайка: исяко мѣсто подай ему». «Блуди столько-то мѣстъ».

Мякина. «На улицѣ ходитъ дубинка, набиваетъ брюшко мякнковой, а тамъ, смотришь, родится дѣтинка!» (пѣз свад. пригон.).

Мяконекъ—каравай. «Спасибо всѣмъ, немножко съѣлъ: два каравашка съ мяконькимъ»

Набивать. «Станемъ поминать (покойника), да свое брюхо набивать». «Набилъ брюхо: хоть вошь убей». («Хоть горохъ молоти»).

Набираться—насобирать полные кузовы малины, грибовъ и т. п.

Набредить—натворить, нашалить, набѣдокурить.

Набрешить—настыдить. «Набрешивла я ему въ тоды-тѣ славно!»

Набѣгать—накопляться. «Копеечка по копеечкѣ, рубль набѣжитъ».

Набѣлки—принадлежность ткацкаго стана: раздвижной футляръ, въ который вставляется бердо.

Навести краску—развести. «Много краски-то навель: останется».

Навозъ. «Не тронь навоза, не воняетъ».

Наглохтиться—нализаться, наниться.

Назадъ-переды—задомъ на передъ.

Назагать—солнышко перевалило за полдень.

Накармливать. «Не накормила, да угорила».

Напаривать. «Отъ насъ немного доходу: не напарятся, да угорѣютъ».

Накладно—употребляется еще въ томъ же значеніи, въ какомъ слово «жирно». «Не накладно-ли будетъ?»—стоишь-ли ты этого?

Намаивать. «День спалъ, ночь спалъ, намайся; встань, и отдохнуй некогда».

Насыльный. «Насыльная полтина хуже стараго алтына».

Натискать—натеребить за волосы.

Насмѣшить. «Посиѣшишь, людей насмѣшишь».

Наторачивать—накармливать до отвала, напичкать. «Наторочили ребенка-та, оный брюшко заболитъ».

Нахрать—свинья-самецъ, боровъ, казанъ.

Нашъ. «Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ».

Небо. «Деньги есть, такъ хоть на небо лѣзь».

Неволя. «Все у нихъ силой да неволей».

Невѣстка. «У пьяной невѣстки на все череды».

Невдосоль—недосоль.

Недолга. Даль настаиваетъ на удареніи «недолга»; здѣсь произносятся «вотъ тебѣ и вся недолга».

Недунанна (нетунанна?)—чушь, чепуха, ерунда. «Будетъ тебѣ недунанну-то городить!»

Немоляи—раскольники, старовѣры.

Непочто. «Ѣздили непочто и привезли ничего».

Неспорый. «Скоро, да неспоро».

Нестн. «Баба съ ноше й» (или съ возомъ)—брюхатая, беременная.

Низметъ—низменность.

Нишестрять, **нишестрять**—нищенствовать, попрошайничать.

Ночь—западъ. «Если надалъ бросить головой въ ночь, то ворона не будетъ ѣсть».

Нѣмой. «Пришелъ нѣмой, принесъ грамотку непписаную, прочитай, да и ушелъ».

Нѣмтырь—запка.

Обжадовать—сильно проголодался (угоризн.).

Обжечья—обрызбаться, сорваться, прогорѣть, неусиѣть. «Господи помилуй, о жегомъ по рылу», дразнить дьячковъ.

Обйда. «Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ».

Образецъ. «Всмигъ молодець на свой образецъ».

- Оброта́ть—лукошко, туесть—надѣть на нихъ ляжку, чтобы можно было повѣсить на шею. Съ обротанными лукошками ходить по малину.
- Обручѣ. «Обручи-тѣ снали видно»,—смѣются надъ брюхатыми «тижелыми» бабами.
- Обры́бнѣть—прогорѣть, не успѣть.
- Обсакрило!—неудалось, сорвалось, обрыбило!
- Обсочить—снять кору съ дерева.
- Обмызгать—оттаскать, отвозить грязью.
- Обира́ть. «Умыла бы ребенка-то, да рѣву-то не оберешься».
- Обиходѣ. «Носудна обиходѣ любить» (говорять, заскребывая блюдо).
- Обосвоить—присвоить. Обосвоила кобыла ременный кнутъ!»
- Обтереть. «Всѣмъ пороги-тѣ обтерѣ», говорять про тѣхъ, кто часто шманается по чужимъ дворамъ.
- Огонь. Божій огонь не вообще грѣшно гасить, — какъ это читаемъ у Даля,—а только гасить водой; его гасить молокомъ или квасомъ,—чѣмъ-либо «хлѣбнымъ».
- Одолѣть. «Цыганскій потъ одолѣлъ» (холодно).
- Оклеимачиться—отойти, отутобѣть.
- Окричать—завзвать къ себѣ, позвать въ окно.
- Опальнѣй—у Даля «опальный».
- Ополоски. «Каша наша, щи поновы, ополоски вотяковы».
- Орѣхъ. «Грѣх'отъ съ орѣхъ, а ядро-то съ ведро».
- Ососокъ—поросенокъ. *Со...*
- Остриякъ. «Съ острековъ хлещеть»—сильный дождь.
- Осуда. «Не для осуды: опростать посуды» (говорять про опорожненные блюда за столомъ).
- Ось. «Ось-та въ колесѣ!» кричать въ слѣдъ ямщику, желая его поставить въ недоумѣнїе; также кричать: «дуга-та въ тужахъ!»
- Отваливать. «Отваливай въ палевомъ, приходи въ голубомъ!»
- Отваривать грибы, ягоды—мариновать.
- Отвозить—оттаскать, завозить грязью.
- Отдавать—отзывать. «Отъ него отдасть кислятиной».
- Отмочить штуку—выкинуть колѣнце.
- Отридывать—отскакивать, отставать, отклеиваться.
- Отпѣтый (на 12 соборахъ)—отчаянный.
- Отутобѣть—у Даля: «отудобѣть?»
- Охота. «Не все по охотѣ, живеть и по неволькѣ».
- Ошишка́ть—обратъ. «И зеленецотъ весь ошишкали».
- Ошошъ—дрянь, харабара, всякая всячина.
- Пазуха. «Житье, чтѣ у Христа за пазухой».
- «Палець о палець не ударить»—лѣнивъ.
- Паломникъ—поваренка, разливательная ложка, черпагъ.
- Память лошадиная—хорошо запоминаетъ мѣстности.
- Памятоваться—ломаться, держать пари о томъ, кто кого опамятуеть. Ломка дужки (птичьей кости) здѣсь только символъ. Опамятовать—значитъ вручить спорищу какую-либо вещь и сказать ему при этомъ: «бери, да помни!» Если же тотъ еще прежде скажетъ: «беру, да помню», тогда не въ счетъ. (У Даля дѣлю представляется нѣсколько иначе).
- Пара. «На своей парѣ ѣхать»—нѣшедраломъ.
- Парѣнки—паренныя овощи, кушанье. Съ парного—спочину, спервоначалу, по новостн.
- Парѣ. «И тебѣ дамъ пару съ жаромъ!» (угроза). «Парѣ костей не ломить». «Дѣло-то проще пареной рѣпы».
- Пау́тъ. «Зачѣмъ, комарь, ты въ жарѣ не летаешь?»—«Жиренъ больно: сало растопится». «А тебя, паутъ, почему въ дождѣ не видно?» — «У меня платье шелковое».
- Паче. «Смиреніе паче гордости».

Нельмени. «Изъ шеп-то трон нельмени выйдуть» — толстая.

Нень. «Марья Петровна поѣхала по бревна, задѣла за пенець, присидѣла весь денекъ; дернула, гужь порвала, сама въ лѣсъ удрала».

Передь. «Чей передь, тотъ и беретъ».

Перенѣка — яйцо, сваренное въ крутую.

Перерослый грибъ — старый, червивый.

Переходы — узкій мостикъ черезъ рѣку.

Перецъ. «Съ лукомъ, съ перцемъ, съ горячимъ сердцемъ».

Перечесъ. «Хуже перечесу» — очень скверно.

Перечихнуть — чихнуть въ то самое время, когда кто-нибудь, или самъ чихающій, что-либо говоритъ. «Перечихнулъ, — значитъ, правда» (примѣта).

Перо. «Пишегъ писарь въ три пера государевы дѣла». «Лукъ перитъ ся — идетъ въ перо. «Я съѣлъ луковое перышко».

Печаль. «Не было печали, такъ черти накачали».

Пильна. «Пошла пильна въ ходъ, и опилки на сторону», — дѣло закипѣло.

«Пирогъ съ молитвой» — безъ начинки «Отче нашъ, пирогъ помажь; иже еси, пирогъ поднеси; да святится, пирогъ разлетится».

Плавать. «Мелко плаваешь еще», — молодъ, неопытенъ. «Большому кораблю большое и плаваніе».

Плѣшка — синичка.

По. «По бояринъ и говядина, по чертъ и озеро».

Плодуха — япчникъ у самки.

Повой. «Ушла на повой, въ омутъ головой».

Подосатая мышь — дразнить вотяковъ.

Погода. «У Спаса все въ запасѣ: и дождь, и вѣдро, и сѣро погоды».

Подлазь — подфѣзъ сотъ, добыча меду изъ ульевъ. «На подлазѣ и медъ ѣдятъ» (примѣта).

Подмостки. «Подросъ, какъ свиной хвостъ; встанеть на подмостки, такъ достанеть свиныѣ до подхвостки».

Подножники — подножки при бракѣ.

Подоль. «Тетки Федоры, дерите подолю, порите рубцы, наѣхали купцы» (кричать покупатели ремоны).

Подполье. «Прошу покорно, головой въ подполье».

Подсѣкаться, — о маткѣ у пчелъ, пропадать.

Подсѣни — подсѣнникъ.

Подшипуля — ядовитый, мстительный человѣкъ.

Подштапки. «Мои подштапки!» шутливо привѣтствуютъ, вмѣсто: «мое почтеніе».

Пойти — начать расти. «Съ дождей пошла трава (грѣбы)».

Покойникъ. «У насъ деньги въ товарѣ, покойники въ амбарѣ» (сказалъ попъ).

«Покуда малѣньки, поскачемъ, дружки; а будемъ старѣньки, повѣсимъ носки».

Полдни. «Знаетъ огъ свинья полдни».

Полька. «Остричься подъ польку».

Полубина — плохой лубокъ, съ корою лины на одной сторонѣ.

Помятъ. «Помаешься, такъ догадаешься».

Попъ. «Попамя и въ аду житье». «Попъ, толоконный лобъ, гороховая плѣшь, раскусн, да и съѣшь». «(Ѣно-то понадѣ только ѣсть» (= слишкомъ хорошо).

Пора. «Шей да пори отъ простой норы». «На тотъ годъ въ эту пору».

Порогъ. «Не садись на порогъ; невѣста воротится».

Послѣ склоняется: «припаси къ пѣслѣю».

Постный. «День постный, какъ ножъ острый».

Посудина. «Изъ какой посуды не нюють, не ѣдятъ?» — изъ пустой.

Посулить. «Посулить, да и осолить».

Потабачить — покурить.

Потому. «Потому что потому оканчивается на у». шутливый отвѣтъ на навязчивое «почему?»

- Потягивать. «Потягунушки да растягунушки» (нескл. сущ.)—нѣга, лѣнь.
- Походить. «Походить (одинъ на другого) съ лѣвой пятки!»
- «Правда глаза рѣжетъ».
- Прегчи—жарить. «Некутъ и прегуть». «Преженки»—жаренны съ масломъ продолговатыя булки.
- Привязываться. «Привязался, ровно нищій къ тѣсту». Привязалась — о женщины-вахъ: понести, зачать.
- Придѣлынь—крайняя часть какой-либо вещи.
- Притулье. «Худъ мужъ, да притулье мое».
- Пригогули, пригогулькы—прибаутки. «У нашей Окули на все пригогули».
- Прихѣриваться—притворяться.
- Проворъ—сила. Проворныи—сильный, у кого много провору. «У него не хватаетъ провору поднять кадочку».
- Пропадѣна—вѣчно хворый человѣкъ.
- Пропѣвышки—пропой, просватанье.
- Пропустъ. «Въ пропустъ лѣто, въ лѣсъ за малиной».
- Прорѣзь—гнилая жила въ картофелинѣ.
- Прорѣха. «Прорѣхи не зашьеть»,—лѣнива.
- Просаливать—промывать.
- Промышлять ся—прособираться.
- Прособачить—проткнуть, ранить.
- Пуктосить (вотское?;—кудесить, мараковать).
- Пунъ. «Съ пунка слернуть»—надсадиться.
- Пустые глаза — въ коняхъ не видно слезныхъ желѣзь. «Если у ребенка глаза пустые, то неживучій будетъ».
- Пѣна. «Не шется: одна пѣночка остается».
- Радунница. Даль сирашиваетъ: «гдѣ тутъ (въ поминовеніи усопшихъ) радость? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ самъ народъ: радуются поскѣнники, особенно-же въ радонну, когда съ ними христосуются; «радонница для покойниковъ Христовъ день».
- Разумѣть. «Всякъ Еремѣй про себя разумѣй».
- Рождество. «Хватился Рождества, когда и масленица прошла!»
- Родъ. «Ней воду: небольшого роду». «Хлѣбъ годомъ, а народъ родомъ».
- Разсосуливать—разводить тары да бары, разговаривать долго.
- Роговъѣ, рожки, рожиха—прозвища вятчанъ.
- Ротъ. «Въ рту-то ровно свиньи снали» (душно пахнетъ).
- Рубецъ. «Стежки по ложкѣ, рубцы по лутошкѣ».
- Ружникъ—платящій (у Дая: получающій) ругу.
- «Рѣдка съ квасомъ, рѣдка съ масломъ, рѣдка бобами, рѣдка ломтами, рѣдка въ терку, рѣдка такъ»
- Рѣна. «Сѣять рѣну»—блевать. Рѣнище—мѣсто, гдѣ носѣяна рѣна.
- Рюмка. «Во имя Отца, выпьемъ рюмочку вина: и Сына и Святого Духа, выпьемъ до суха; аминь, опрокинь». Приговоры при угощеніи: «Ахъ ты, свѣтикъ дорогой, да ужъ мы выпьемъ по другой. Дружокъ Терентій, выпьемъ по третьей; или: безъ троицы домъ не строится. Безъ четырехъ угловъ изба не живетъ» и т. д.
- Саврасый—прозвище вотяговъ. Саврасъ базъ узды—сорванецъ, сломиголовый.
- Садѣть—садить. «Зудить и садѣть».
- Сакаться—конаться (въ игрѣ въ бабки). «Саки-бокы».
- Самъ. «Самъ не свой» — измѣнился на лицѣ. «Самъ себѣ не радъ». «Самоваръ на палкѣ»—трубка.
- Свѣжій. «Со свѣжимъ паромъ» — привѣтствіе вышедшему изъ бани.
- Сглыздить—у Дая сглыздить.
- Сбей-харавѣй—кое какъ, какъ попало.
- Сдершпой—взбалмошный, торопыга.
- Сдерихвостка—бойко бѣгающая, «Акулина-сдерихвостка».

- Сельница или селенка — широкая выгнутая доска для разучки и паминки тѣста.
Середа (середь). «Знай стряпю: по полу, по лавѣ, по всей середѣ».
Синодскіе—духовные, ноны.
Сидѣть. Сѣдушка—маленькій дѣтскій стуликъ, подѣ которой подставляется урмыльничъ.
Сколокъ.—«Госпожинки—сколокъ отъ великаго поста» (повѣрье).
Скляной. «Скляно пить, полно жить». «Скляно, да не пьно».
Славить. Приговоры славельниковъ: «Славите-славите зачѣмъ пришелъ, сами знаете; открывайте сундуки, добывайте питачки, семигривеннички»; «Христось родился. Иродъ взбѣсился, Іуда задавился; съ праздникомъ поздравлю, и вамъ того желаю».
Сломиголовый—у Даля: сломи-голова.
Слотопица (и салотопица)—слякость, грязь.
Слѣда—кушанье, толокно съ квасомъ, «густо на густо» замѣшенное.
Смѣтка—сметалка.
Смякать—сѣсть.
Смятка—селянка изъ яицъ.
Соловейко—нечистикъ; кликуша (въ коей, по повѣрью, сидѣтъ и кричитъ нечистый).
Сопли. «Соплей-тѣ на пятнадцать рублей». «Феклиста—соплиста».
Сосѣдъ. Сусѣдко—домовой. «Сусѣдко поцѣловаль» (прыщъ сѣлъ на губу). «Везъ ужина сваты: сусѣдко рубаху изорветъ».
Сорваться—обрывиться, прогорѣть, потерѣть неудачу.
Спѣсивый. «За спѣсивымъ не съ нивомъ». «За спѣсивой кумой не съ голой дырой».
Сухопарый—худощавый.
Сѣтивно—шутчи. брюхо.
Сычь. «Ему въ толы-тѣ хоть тычь, а онъ все сычь!»
Таганка—таганъ.
Татаринъ. «Не дай Богъ злomu татарину».
Телиться. «Мнѣ не телиться, да такъ говорится».
Тепный, тепенька—толокно на вареномъ молокѣ; сухомѣсъ толокно на водѣ; слѣда—на квасу.
Товано—у Даля: товѣнно, товѣвано.
Толоконники, толокомѣсы—прозвище вятчанъ.
Труиѣть (отъ «трупъ») гнить «Труиѣлое дерево».
Трынки (или «тренки») — труса, тихая рысь лошади.
Тугая корова—туго донся.
Тыркаать—у Даля: тырывать. Тыркуша.
Тяило (тепиться?)—паникадило.
Тюричокъ—цыгарка, колѣнце.
Укоръ. «Быль молодцу не укора».
Упестовать (отъ пестъ?)—запропасть, потерять.
Утрестить—уплестить, уйти.
Учить. «Ученаго учить, чтѣ мертваго лѣчить».
Хазитъ—хабарзить, гордиться.
Хорѣбара (также щарѣбара)—дрянь, всячина.
Хахарь—у Даля: хахаль.
Хитка—водяной.
Хлѣбъ. «Не отъ хлѣба ходятъ, а ко хлѣбу».
Ходить. «На головѣ ходить»—озорничаетъ, шалить.
Холопъ. Это устарѣлое слово сохранилось еще въ выраженіи: «чтѣ я тебѣ за холопъ?»
Худобѣще—бранно.
Хоронить. «Пріѣхаль жену хоронить, а она ушла боронить».
Холостая черемуха—на которой не бываетъ ягодъ; также: холостой орѣшникъ и т. д.
Хоркать—храпѣть.
Цѣло—устье печи.
Цѣловникъ—суббота на масленой, канунъ прощальнаго воскресенія (по Даю, это

воскресеніе), когда всё желающіе ѣдут ѣловать молодухекъ, вышедшихъ замужъ въ теченіе послѣдняго года.

Чай гусинный—жидкій. «Свѣтлое воскресеніе видно» (тоже).

Чанныя ворота—досчатыя, тесовыя (въ чемъ сомнѣвается г. Наумовъ).

«**Часъ** отъ часу не легче».

Чеевна—чесвична? какъ по отчеству?

Чекмарь. «Повадилась, такъ чекмаремъ не вышибешь».

Челдонь. (Это слово, у Дала помѣч. «прк.»), здѣсь встрѣчается часто).

Чекма—колея, колесница.

Черный. «Черны, да съ солью печены!»

«**Чертъ**, чертъ! поиграй да отдай, старому копейка, молодому грошъ!» приговариваютъ, ища что н. затерявшееся.

Честь. «Есть, да не про вашу честь».

Чехоль, **чехлушка**—самый обычный головной уборъ у замужнихъ женщинъ, особенно же у старухъ.

«**Чинъ чинѣмъ**, веди чередомъ». «**Чинъ чина** повыше, да въ будочки вышелъ».

«**Чирей-Василей**, сидь-ко поближе; гдѣ часто, по чашкѣ, гдѣ рѣдко, но рѣнѣкѣ».

Чистый. «Ѣли до-сыта, съѣли до-чиста». **Чистить** картофель — лущить; картофельчищенная и въ мундирѣ (въ скорлупѣ).

Чопкать—громко чавкать при ѣдѣ. «Всѣхъ свиной сезовень», говорятъ чопкающему;—«**Вонъ** ужъ пришла одна»,—отвѣчаетъ тотъ, намекая на говорящаго.

Чубарый—чумазый, запачканный, грязный.

Чудотворъ—чудакъ (провнч.).

Чуманка—лубянка, цыновка.

«**Шадровитый** да рыбой нашъ пріятель дорогой».

Шаль. «**Шаля-вали**»—кое-какъ, какъ—понало.

Шарко—кличка собаки.

Шашмура—этотъ видъ головного женскаго убора отличается отъ кокошника болѣею простотою, отсутствіемъ роскоши и пышности.

Шваль—наростъ (на деревѣ или на тѣлѣ).

Шваркать—тереть, прогирать.

Шебенькать—говорить тихо, неизвѣстно о чемъ.

Шелкъ. «Въ долгу, какъ въ шелку». «На брюхѣ-то шелкъ, а въ брюхѣ-то шелкъ».

Шерстобить. «Трень-брень, по копейкѣ въ день; струна пополамъ, да шерстобиту по толамъ».

Широко—громко. «Широко ореть».

Шить. **Шитикъ**—два сшитыхъ корыта, замѣняющіи лодку. «Швей Софья, зеленая сопли».

Шкура, **шкурва**, **шкурѣха**—бранно, потаскуша.

Шпага. «Солдатъ безъ шпаги хуже старой бабы».

Шугай—холщевая длинная (до колѣнъ и ниже) рубаха съ широкимъ круглымъ (безъ пуговиць) воротомъ; сзади большой вырѣзъ для легкости; надѣвается при грязныхъ работахъ, какъ мужчинами, такъ и женщинами.

Шурва—плутовка, пройдоха.

Шурить—углубленіе въ стѣнѣ.

Щекотунъ (отъ щекотить)—бабинскъ, волокита. «Не щекоти у ребенка няки: щекотунъ будетъ».

Щерѣда—мелочь, лапша.

Щи. «Мало еще щей хлебаль»—молодь, неопыгентъ.

Ѣмъ. «Съ голоду, не ѣди, и хлѣбъ пирожекъ»¹⁾. **Ѣдкій**—это слово употребляется и въ значеніи: съѣдобный; «Ѣдкая трава»—которую охотно ѣсть скотъ.

¹⁾ Поговорка эта замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ней мы встрѣчаемъ форму дѣепричастія настоящаго вр. отъ глагола «Ѣмъ», какой формы, но общепринятому мнѣнію, въ русскомъ языкѣ нѣтъ. См. объ этомъ нашу ст. въ «С. Петер. Вѣд.», № 159-й, 1900 г.

Э р и в а н к и—красныя шанки.

Эхъ-ма. Эхъ ма, да не дома; дома да не на печкѣ; на печкѣ, да не съ бабой!» «Эхма, да не дома, есть-ли у свиней-то солома!»

«**Т о м а невѣрный**»,—такъ называютъ того, кто не вѣрить слухамъ. «Указывай тому, кто не знаетъ **Т о м у**, а я брать ему».

Въ заключеніе мы приведемъ нѣкоторые изъ тѣхъ многочисленныхъ шутокъ-анекдотовъ о вятчанахъ, о которыхъ намъ уже неоднократно приходилось упоминать. Мы помѣщаемъ только тѣ, какихъ намъ не приходилось встрѣчать въ печати.

Прошла одна вятская баба чугунокъ кипятку, заревѣла, и стала причитать: «ой, кабы у меня былъ сынъ, да у сына-то еще сынъ, да кабы я его заварила, да куды бы я дѣвалась!»

Купила вятскан баба новыя ночовки, да и велить мужику—торговцу расколоть ихъ: «расколи, да и шей, у меня нѣтъ же мужика-та: послѣ расколются, и шить некому.»

«Ванчо! скажи моей кобылѣ: тпру!»—А самъ'оть щѣ?—Да у меня въ роту-ту кроха!»—Такъ положи въ шляпу! «Да не полѣзеть!»

Былъ вятчанинъ въ Казани, надо было ему купить сахару. Зашелъ въ лавку, а какъ сахаръ то зовутъ, и забыть. Объяснялъ, объяснялъ, но все таки его поняли невѣрно, и дали вмѣсто сахару стеариновую свѣчу Мужикъ думаетъ, что это и есть сахаръ, грызеть—грызеть: «мягко, а не кусается». Послѣ этотъ мужикъ все и говорилъ про Казань: «Да щѣ это у нихъ, въ Казани-то, и за сахаръ! нсъ его неловко, въ середкахъ верѣвка!»...

«Больно колокольница-та высока, какъ это крѣст'оть и воткнули?» спрашиваетъ вятчанинъ про Казанскую колокольню. — «А колокольницу-ту нагнули, да крѣст'оть и воткнули; отпустили, она и сбрындила!»

Д. Зеленинъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

Населеніе Македоніи. (Отвѣтъ на статью г. Драганова, напечатанную въ «Спб. Вѣдомостяхъ», № 200).

На столбцахъ газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» часто появляются статьи по Македонскому вопросу. Въ послѣднее время, въ номерѣ отъ 24 іюля сего года, по тому же вопросу напечатана статья г. П. Драганова, который считается знаткомъ Македоніи. Позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣтки относительно сужденій г. Драганова для освѣдомленія русской публики. Болѣе подробныя свѣдѣнія относительно населенія Македоніи изложены мною въ только что вышедшей изъ печати книгѣ по тому же вопросу ¹⁾.

Г. Драгановъ увѣряетъ русское общество, что славянское населеніе Македоніи не болгарское и не сербское, а состоитъ изъ «особыхъ славянъ», которые сами себя называютъ «славянами». Но что еще важнѣе, по его мнѣнію, это то, что эти «македонскіе славяне» посредствомъ насилія со стороны болгарской Экзархіи и болгарскихъ агитаторовъ обращены въ «Болгарь». Свое мнѣніе г. Драгановъ пропагандируетъ уже давно, но онъ не нашелъ послѣдователей между учеными, занимавшимися изученіемъ Македоніи, такъ какъ сужденія г. Драганова не имѣютъ серьезныхъ основаній.

Прежде всего славянская часть македонскаго населенія по языку не составляетъ особаго «македонско-славянскаго» племени. Это должно быть г. Драганову, какъ филологу, хорошо извѣстно. Западно-болгарское нарѣчіе изъ центральной Болгаріи переходитъ въ Македонію и обхватываетъ цѣлый сѣверо-восточный и восточный край даже до Штипа, Струмци, Петрича и Мельника. Восточное же Фракійско-болгарское нарѣчіе переходитъ Родопскія горы и достигаетъ до окрестностей Солуни. Отъ этого города на западъ до южнаго берега Преспанскаго озера въ говорѣ населенія сохранились носовые звуки староболгарскаго языка. Только въ сѣверо-западной части Македоніи, между городами Битоломъ, Прилѣномъ, Велесомъ, Скопьемъ и Деброй говоръ уже имѣетъ особый «македонскій» оттѣнокъ, о которомъ упоминаетъ г. Драгановъ. Это есть то нарѣчіе, на которомъ одно время пытались писать Шапкаревъ и другіе македонцы. Въ этой части обитаютъ тѣ македонцы, которые въ отличіе отъ другихъ Болгаръ въ словахъ имѣютъ удареніе постоянно на третьемъ слогѣ, считая отъ конца слова и вмѣсто одного употребляютъ три члена при именахъ существительныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ болгарскій духъ въ этой части Македоніи самый сильный.

Никакія племенные дѣленія, о которыхъ говоритъ Драгановъ, въ Македоніи не сохранились; болѣе обстоятельно объ этомъ я говорю въ своей книгѣ. Сохранились только остатки отъ стараго племеннаго имени «Върсяцы». Всѣ другія мѣстныя названія населеній разныхъ мѣстностей, какъ напримѣръ. «Мървацы», «Міяцы», «Пуливаковцы», «Ести» и пр. не представляютъ наименованій особыхъ племенъ, а являются

¹⁾ Македонія.—Этнографія и статистика отъ Василь Кянчовъ, съ 11 карти. Издава Българското Книжново кружество въ София, 1900 г., стр. 341. Цѣна 4½ лева.

лишь прозвищами жителей отдельных сельских групп, даваемыми соседями или ввиду особого произношения, в данной местности, некоторых слов, или по каким-либо другим причинам. Такие прозвища встречаются во всех славянских странах.

Нигде в Македонии славянское население не называет себя «славянами», или «словяни», или «словени». Это имя книжное и было известно только более образованным людям; поэтому у писателей первой половины XIX столетия часто встречается название «славяно-болгаре»,—масса же населения иначе себя не именует, как «болгаре». Напрасно г. Драгановъ по этому вопросу ссылается на свидетельства покойного Лисевича, г. Ростовского и на турецкия власти. Не смотря на то, что покойный Лисевичъ былъ пристрастнымъ сторонникомъ Сербовъ, намъ неизвѣстно, чтобы онъ гдѣ либо писалъ, что македонское население называетъ себя «славянами». Напротивъ, онъ утверждалъ, какъ и покойный Ястребовъ, что население «неправильно» именуетъ себя «бугари», несмотря на то, что въ жилахъ его течетъ сербская кровь. Называть себя такъ принуждали его многія обстоятельства, говорили эти авторы. Что же касается г. Ростовского, то и онъ нигдѣ не писалъ, что население называетъ себя словянами и ставитъ его въ рубрикѣ славянъ, такъ какъ онъ не филологъ и не имѣетъ возможности хорошо опредѣлить—принадлежитъ ли населеніе по языку къ сербамъ или болгарамъ ¹⁾. Что касается турецкаго населенія Македоніи, то оно абсолютно не знаетъ имени «славяно». Название же «словъ миллетъ», которое иногда власти въ скопскомъ вилайетѣ даютъ отщепенцамъ отъ болгарской экзархіи, совершенно новое и употребляется по внушенію изъ Царграда, гдѣ желаютъ искусственно дробить христіанъ. По турецкимъ официальнымъ бумагамъ населеніе государства дѣлится на двѣ части: «муслимъ» (мусульмане) и «гапри муслимъ» (немусульмане). Въ Македоніи во всехъ турецкихъ официальныхъ бумагахъ не мусульманъ дѣлятъ на «урумъ» и «булгаръ». Подъ названіемъ «урумъ» турки означаютъ всехъ грековъ и огреченныхъ валаховъ, албанцевъ, болгаръ и др. Подъ именемъ же «булгаръ»—всѣхъ славянъ отъ Солуни, Сѣра и Неврокопа до Костура, Дебры и Куманова. Такъ раздѣлено населеніе въ турецкихъ пофизныхъ (статистическихъ) книгахъ и въ официальныхъ вилайетскихъ салнаматахъ (ежегодныхъ альманахахъ). Ссылки г. Драганова на Шафарика и Григоровича по вопросу о мѣстномъ названіи словянъ, тоже неосновательны, такъ какъ Шафарикъ въ своей замѣчательной книгѣ «*Slovanskû Zemevid*» ясно именуетъ славянское населеніе Македоніи болгарами и таковымъ представляетъ его въ своей этнографической картѣ славянскихъ народовъ ²⁾. О мнѣніи Григоровича ниже мы упоминаемъ.

Наибольшую практическую важность въ этомъ спорѣ имѣетъ вопросъ: какъ само славянское населеніе именуетъ себя въ предѣлахъ Македоніи и къ какой народности оно само себя причисляетъ?—Славянское населеніе Македоніи отъ Шара (цѣли горъ на сѣверо-западѣ) даже до эгейскаго моря само считаетъ себя болгарскимъ, чувствуетъ по болгарски, борется за болгарскую идею и несетъ большія жертвы для этой идеи. Всюду по городамъ и селамъ славянское населеніе само именуется «бугари». свой языкъ называетъ «бугарскимъ». Понятіе «сербинъ» или «славянинъ» сельской массѣ совсѣмъ неизвѣстно; только въ послѣднее время, благодаря сильнымъ агитаціямъ извнѣ, оба эти названія стали извѣстны той части населенія, которая имѣла какое либо участіе въ этихъ агитаціяхъ. Если спросите поселянъ самыхъ глухихъ мѣстностей Македоніи, кто вы? Отвѣтятъ сначала «каури» (турецкое «гяуръ»—невѣрный). Если спросите далѣе, какіе каури? Отвѣтятъ «бугари». Это удостовѣрилъ въ самое новѣйшее время г. Башмаковъ, которому удалось пробраться въ одинъ изъ самыхъ захолустныхъ уголковъ Македоніи. Это же удостовѣряютъ и всѣ путешественники по Македоніи, которые имѣли возможность и желаніе ближе ознакомиться съ мѣстнымъ населеніемъ. Я укажу русской читающей публикѣ только на нѣкоторыя имена извѣстныхъ русскихъ путешественниковъ.

¹⁾ А. Ростовскій, Распределение жителей Битоляскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1897 году. «Живая Старина», годъ девятый, вып. I, стр. 62.

²⁾ Шафарикъ, Славянское народописаніе, переводъ съ чешскаго П. Бодянскаго. Москва, 1843 г., стр. 37—38.

Еще въ XVII в. одинъ русскій илѣнный прошелъ большую часть Турецкой имперіи и бывалъ и въ Македоніи. Въ его дорожныхъ замѣткахъ славянское населеніе называется болгарами. Въ окрестностяхъ Скопій, пишетъ онъ, съ трехъ сторонъ обитаютъ болгаре, только съ одной стороны живутъ арнауты ¹⁾. Надѣмся, что г. Драгановъ согласится съ нами, что въ XVII в. въ Македоніи не могли быть болгарскіе агитаторы, которые бы могли заблудить русскаго паломника. Въ настоящемъ столѣтіи самый первый, русскій путешественникъ по Македоніи—извѣстный Викторъ Григоровичъ, котораго и г. Драгановъ считаетъ важнымъ авторитетомъ по славистикѣ. Въ 1844 г. онъ посѣтилъ Солунь, Водену, Витоль, Прѣспу, Охридъ, Прилѣвъ, Велесъ и другія мѣста. Въ своей извѣстной книгѣ объ этомъ путешествіи профессоръ Григоровичъ именуетъ македонское населеніе ясно и положительно болгарами ²⁾. Недоумѣваемъ, откуда г. Драгановъ нашелъ въ трудахъ проф. Григоровича сомнѣніе относительно болгарской народности македонскихъ славянъ. Напротивъ, этотъ самый Григоровичъ, опровергая мнѣніе Joseph'a Müller'a о существованіи сербовъ въ Македоніи, подлинно говоритъ: «странно, что славянъ, населяющихъ вліяетъ Румели (подразумѣвая Витольскую область) называетъ Мюллеръ вообще Сербами. Жители Витоля, Охрида и Дебра всегда себя называютъ болгарами». Въ 1857 г. путешествовалъ по Старой Сербіи и сѣверной Македоніи другой извѣстный русскій ученый—историкъ Гильфердингъ, который говоритъ положительно, что на югъ и востокъ отъ цѣни горъ «Шаръ-планины» славянское населеніе—болгарское ³⁾. Согласится съ нами почтенный г. Драгановъ, что и въ тѣ времена не могли быть болгарскіе пропагандисты, которые бы могли вліять на русскихъ ученыхъ. Позднѣе (1862 г.) путешествовалъ по Македоніи высокообразованный русскій архимандритъ Антонинъ, настоятель русской посольской церкви въ Константинополѣ. Въ его трудахъ, изданныхъ въ двухъ томахъ (Пѣздка въ Румелию, 1879 г. Изъ Румелии 1886 г.) вездѣ славянское населеніе Македоніи называется болгарами.

Непосредственно послѣ освобожденія Болгаріи путешествовалъ по ея западной области русскій ученый Владиміръ Качановскій; онъ носѣтилъ новоприсоединенныя къ Сербіи области и нѣкоторые мѣста въ Македоніи. Въ своемъ «Сборникѣ Западно-болгарскихъ пѣсенъ съ словаремъ», напечатанномъ въ С.-Петербургѣ въ 1882 г., онъ вводитъ въ предѣлы западно-болгарской области цѣлую Македонію вмѣстѣ съ Враньскимъ, Лѣсковскимъ и пиротскимъ округами. Мнѣніе новѣйшихъ русскихъ путешественниковъ по Македоніи г. Вашмакова и профессора Милюкова, что населеніе Македоніи принадлежитъ болгарской народности—хорошо извѣстно русской читающей публикѣ, и нѣтъ надобности здѣсь его повторять.

Совершенно неосновательнымъ представляется утвержденіе сербовъ, будто македоняне не имѣютъ національнаго самосознанія, и лишь благодаря дѣятельности болгарской экзархіи начали называть себя болгарами. Имѣется цѣлый рядъ памятниковъ, ясно свидѣтельствующихъ о національномъ самосознаніи населенія въ Македоніи за много лѣтъ ранѣе появленія болгарской экзархіи. Мы уномянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ, изъ нихъ, чтобы читатель не подумалъ, что утверждаемъ это голословно. Еще въ 1704 году Дьякъ Валко Поповичъ, отъ котораго сохранились Церковныя поученія, пишетъ, что онъ родомъ изъ «Болгарскіе земли отъ места Кратово» ⁴⁾. Въ 1816 году инокъ Кирилль Пейчиновичъ, родомъ изъ Тетовскаго (Скопской области), напечаталъ въ Буда-Пестѣ книгу «Огледало» (Зеркало), въ заглавномъ листѣ которой пишетъ: «Книга сія зовомаи Огледало списася ради потреби и ползованія препростѣйшимъ и не книжнимъ языкомъ болгарскимъ Долнія Миссіи...» Въ 1840 году напечатана въ Солунской болгарской типографіи другая книга подъ названіемъ «утешеніе грѣшнымъ», переведенная «на простій языкъ болгарски Долнія Миссіи скопскій и тетовскій» тѣмъ же инокомъ

¹⁾ П. Сырку, Описаніе Турецкой имперіи, составленное Русскимъ бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII вѣкѣ. Спб. 1890. Стр. 38—39.

²⁾ Викторъ Григоровичъ, очеркъ ученаго путешествія по Европ. Турціи. Казань, 1848. Стр. 105, 107, 113—115, 120, 141 и пр.

³⁾ Ibid. стр. 202, второе примѣчаніе.

⁴⁾ А. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій, т. III. Спб. 1873. Стр. 141—142.

Кирилломъ Нейчиновичемъ. Къ 1836 году Архимандритомъ Оеодосіемъ, родомъ изъ Дойрана (Солунской области, основана первая болгарская типографія въ Солуни. «Эта типографія основана природнымъ Болгариномъ Оеодосіемъ, архимандритомъ Синайскимъ», пишетъ проф. Григоровичъ (Очеркъ ученаго путешествія, стр. 104). Въ 1838 г. напечатанъ въ Солунской болгарской типографіи первый болгарскій букварь, написанный македонскимъ болгаринимъ, подъ заглавіемъ: «Началное обученіе съ молитви оутреннія славяноболгарскія и греческія». Въ 1833 году Солунскіе болгаре пригласили монаха Исаія, родомъ изъ Россіи, обучать ихъ дѣтей «на книга нашинска сиречь славянски или на просто бугарски»¹⁾. Въ томъ же 1833 году населеніе Скопін потребовало себѣ отъ вселенной патриархіи въ Константинополь архіерея болгарина³⁾. Съ 1842 года въ Скопін существуютъ хорошо организованная болгарскія училища и уже ведется упорная борьба съ греками за самостоятельную національную церковь⁴⁾. Въ 1835 году открыто болгарское училище и въ городѣ Велесѣ. Около 1850 года существуютъ уже болгарскія училища во всѣхъ болѣе выдающихся городахъ Македоніи и началась общая борьба за болгарскую независимую церковь. Первый болгарскій учительскій сѣвзлъ состоялся въ городѣ Прильпѣ за долго до образованія экзархата. Македонскіе болгаре дали цѣлый рядъ замѣчательныхъ поборниковъ своего церковнаго устроенія, каковы: братья Миладоновы изъ Струги, Динитрій Робевъ изъ Охрида, поэтъ Парличевъ изъ Охрида, Горданъ Джино и поэтъ Жинзифовъ изъ Велеса, братья Поповичъ и бывшій Охридскій, нынѣ Пловдивскій, Митрополитъ Наананиль изъ Скопін, Митрополитъ Меодій Кусевъ изъ Прильпа, Гого изъ Водена, Станишевъ изъ Кукуша, Илья Дуква изъ Неврокопа и пр., и пр. Многие изъ нихъ умерли съ турецкихъ темницахъ за болгарское дѣло. Все это произошло уже давно, когда не было кому подкупать македонцевъ. Кто знаетъ эту болгарскую борьбу въ Македоніи, никогда не допуститъ и мысли, чтобы македонскіе славяне изъ-за денегъ стали называться болгарами, какъ это дѣлаетъ Драгановъ.

Г. Драгановъ пишетъ, что и въ настоящее время населеніе въ Македоніи не чувствуетъ себя болгарами; это черезчуръ смѣло сказано; — вотъ уже болѣе пяти лѣтъ, какъ волнуется въ Македоніи болгарское населеніе; это движеніе признаютъ даже сербы, въ интересахъ которыхъ отрицать его. Цѣлый рядъ кровавыхъ событій въ разныхъ частяхъ Македоніи возникли именно отъ того, что мѣстное населеніе стоитъ за болгарскую идею, отдавая сотни жертвъ за эту идею. Всей Европѣ извѣстно, что болгарское населеніе Македоніи борется въ послѣднее время противъ нестерпимаго турецкаго управленія. Можетъ ли кто либо утверждать, что смута въ Винницѣ-не была дѣломъ мѣстныхъ болгаръ? А трехдневное волненіе въ Велесѣ, кровавая расправа въ Прильпѣ, продолжительная борьба въ Кумановѣ, гдѣ даже въ рядахъ женщинъ были кровавыя жертвы! Можетъ ли эта всенародная борьба явиться искусственно?—Ни одинъ сербъ, или русскій, или турокъ, или нѣмецъ не писалъ, что въ Македоніи бунтуются «славяне» или «сербы», а всѣ говорятъ, что бунтуютъ противъ турецкой власти болгаре. Они борются какъ болгаре, умираютъ отъ турецкой пули болгаре и гибнутъ сотнями въ турецкихъ тюрьмахъ Азіи тоже какъ болгаре. Вѣрно тоже, что въ Кумановѣ, Тетовѣ и Скопін есть ничтожныя общины, которыя именуютъ себя «сербами», и которыя турецкія власти называютъ «славъ Милеть»; но онѣ столь незначительны, что никто не обращаетъ вниманія на нихъ; остальное христіанское населеніе смотритъ на нихъ, какъ на ренегатовъ. Французскій путешественникъ Вераръ (относящійся не безъ симпатіи къ сербамъ), лучше всего представилъ этихъ славянъ въ своемъ трудѣ «La Macédoine». Почтенный Драгановъ ухватился за статью, напечатанную въ газетѣ «Реформи», органѣ болгарскаго революціоннаго Македоно-одринскаго комитета, въ которой говорится, что населеніе Македоніи неоднородно, что въ сѣверной части страны есть небольшая часть

¹⁾ См. Замятки профес. Дринова о Яковѣ Трайковѣ изъ Софін и Кора-Трифонѣ изъ Скопін. Юбилейный сборникъ Славянкой Бесѣды въ Софін, стр. 33—34.

²⁾ А. Шоповъ. Изъ новата история на българитѣ въ Турція. Пловдивъ, 1895, стр. 54.

³⁾ Иречекъ. Исторія Болгарь, стр. 700.

⁴⁾ См. мою статью. «градъ Скопие», журналъ «Периодическо Списание» LV—LVI. Стр. 105—148.

сербовъ, а въ южной—грековъ, въ центрѣ же—куцо-влахи, турки и арнауты и что большая часть населенія однако состоитъ изъ славянъ, которыхъ газета не пожелала квалифицировать по народности и наконецъ будто авторъ статьи возмущается тѣмъ, что турецкое правительство допустило священниковъ—агнаторовъ экзархіи и патриархіи—смущать населеніе. Г. Драгановъ не читалъ газету «Реформы», а извлекъ свои замѣтки изъ газеты «Христо Вотвовъ», Ризова. Если бы онъ слѣдилъ за органомъ революціоннаго комитета, то онъ не поспѣшилъ бы съ своимъ новымъ открытіемъ. Македонскіе революціонеры стараются всячески увѣрить Европу, что они не ведутъ борьбы для увеличенія предѣловъ Болгаріи, а желаютъ лишь добиться свободы для мѣстнаго македонскаго населенія, безъ различія народностей. Имъ хорошо извѣстно, что присоединеніе Македоніи къ Болгаріи встрѣтитъ непреодолимые препятствія, поэтому и въ Румыніи, и въ Сербіи, и въ Греціи, и въ Россіи они заявляли, что они не спеціально болгарскіе революціонеры, а обще-македонскіе. Однако ихъ доводы мало кого убѣдили. Въ Румыніи, Сербіи и Греціи подняли цѣлый крестовый походъ противъ македонскихъ революціонеровъ, а Румынія едва не объявила Болгаріи войну за то, что она оказываетъ имъ гостепримство. А что революціонеры не довольны экзархійскими священниками, это не должно никого удивлять, такъ какъ экзархія по существу своему не можетъ поддерживать революцію.

Въ настоящее время въ Македоніи числится 650 болгарскихъ школъ, между которыми двѣ полныя мужскія гимназіи, одна дѣвическая гимназія и два педагогическихкія училища, въ 36000 учениковъ и ученицъ и съ 700 учителей и учительницъ. И послѣ того находятся люди, которые отрицаютъ существованіе болгарскаго духа въ славянскомъ населеніи страны! Это извѣстно и г. Драганову, но онъ считаетъ возможнымъ утверждать, что эти школы—дѣло пропаганды, и что учительскій персоналъ—болгарскіе пропагандисты. Это утвержденіе не соответствуетъ однако дѣйствительному положенію вещей. Въ подробной статистикѣ болгарскихъ училищъ въ Турціи за 1893—94 учебные года, напечатанной въ Пловдивѣ (Филипполѣ) въ 1895 г. подробно указаны мѣсторожденія учителей и учительницъ. На стр. 81 собраны слѣдующія числа: учителей и учительницъ родомъ изъ битольскаго вилаята 343, изъ Солунскаго 328, Коссовскаго (Скопскаго) 154, Адрианопольскаго (Одринскаго) 119, изъ Константинополя 2, изъ Княжества болгарскаго (вмѣстѣ съ Восточною Румелиею) 27, изъ Бессарабіи 2, Австріи 1, Босніи 1, Сербіи 1, Неизвѣстныхъ 5. Что же касается до содержанія этихъ школъ съ учительскимъ персоналомъ, то г. Драганову, предполагаемъ, извѣстно, что Прилѣпская, Велесская, Штипская, Кукушская, Скопская, Охридская, Битольская и многія другія общины сами содержатъ свои училища. Если онъ пожелаетъ, мы можемъ дать ему точный счетъ. Предположимъ, однако, что болгарская экзархія расходуетъ на училища въ Македоніи въ годъ около 500,000 франковъ; болгарскія же мѣстныя общины расходуютъ вдвое болѣе этой суммы, при всемъ чрезвычайно незавидномъ экономическомъ положеніи болгарскаго населенія. Кромѣ нѣсколькихъ греческихъ общинъ никакія другія христіанскія общины сами не поддерживаютъ своихъ училищъ. Нѣтъ ни одного сербскаго училища въ предѣлахъ Македоніи, за которое бы мѣстное населеніе расходовало даже и 100 франковъ въ годъ! А о какихъ-то особенныхъ славянскихъ училищахъ и рѣчи быть не можетъ.

Въ концѣ-концовъ скажемъ, что мы въ одной точкѣ сходимся съ г. Драгановымъ. Мы, какъ и онъ, желаемъ, что бы христіанская Европа, во главѣ съ православною Россіею, заступилась и настояла на введеніи въ Македоніи реформъ на автономныхъ началахъ, предусмотрѣнныхъ въ Берлинскомъ договорѣ. Этимъ будетъ положенъ конецъ страшной кровавой смутѣ турецкой тираніи, и населеніе получитъ возможность жить свободно и проявлять свое религіозное и національное существованіе, какъ ему угодно. Тогда настанетъ конецъ пропагандной борьбѣ разныхъ національностей, борьбѣ, разъединяющей населеніе и дѣлающей его жизнь безнадежно скорбною. Болгарская экзархія, болгарская печать и болгарское общественное мнѣніе давно уже освоили себѣ этотъ взглядъ. Желательно, чтобы и Русская пресса, какъ ищущая внушительное значеніе въ славянскомъ мірѣ, заступилась за человѣческія права одного изъ самыхъ несчастныхъ славянскихъ народовъ—македонцевъ. Когда это будетъ понято, тогда легко разрѣшится и церковная

распря, искусственно раздуваемая турками. Тогда положится конец и австрийским пополюновениямъ, проникающимъ сюда через Новый-Базаръ, и католическая пропаганда исчезнетъ «яко дымъ». Болгарское же княжество получитъ миръ и спокойствіе, чтобы заняться своими внутренними дѣлами. Настанетъ и конецъ враждебныхъ отношеній между Болгаріей и Сербіей. Однимъ словомъ, съ дарованіемъ автономіи Македоніи, выиграетъ цѣлое славянство, такъ много теряющее въ міровой исторіи вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній.

Василій Кънчовъ.

Софія.
13 Сентября 1900 г.

«Юбилейный сборникъ» въ честь В. О. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М. 1900, im 4°, XXII—367 стр. Ц. 3 р.

Въ послѣдніе годы, какъ легко замѣтить, слѣды за литературой, довольно прочно утверждается обычай чествовать ученыхъ въ дни юбилеевъ изданіемъ въ честь ихъ сборниковъ, составленныхъ изъ статей ихъ учениковъ и почитателей. И нельзя не привѣтствовать этого обычая. Торжественные обѣды, похвальные порою и не по заслугамъ—рѣчи проходятъ безслѣдно и никоимъ образомъ не могутъ быть памятникомъ ученой дѣятельности: такимъ памятникомъ являются труды ученаго, и не только его самого, но и его учениковъ: «По дѣламъ ихъ познаете ихъ».

Рѣдко кому случилось сгруппировать около себя такую массу учениковъ-спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ науки, какъ проф. Всев. О. Миллеру, въ честь котораго изданъ лежащій предъ нами сборникъ.

Въ числѣ учениковъ его—и спеціалисты по русской и восточнымъ литературамъ, историки, этнографы, лингвисты. Правда, многіе не были его непосредственными учениками въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно понимается, не сидѣли въ его аудиторіи, но ученая дѣятельность юбиляра не прошла безслѣдно для ихъ образованія и его ученые труды натолкнули ихъ на многіе нерѣшенные и ждущіе разъясненія вопросы науки.

В. О. Миллеръ въ 1870 году написалъ первую свою ученую работу, посвященную изслѣдованію одного сказочнаго сюжета. Съ тѣхъ поръ, какъ показываетъ библиографическій списокъ его трудовъ, число этихъ послѣднихъ перешло за 140, при чемъ наиболѣе популярны — «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса» и «Очерки русской народной словесности», несмотря на нѣкоторые, неизбежные во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ, недостатки, являются наиболѣе крупными вкладками въ изученіе народнаго эпоса за послѣдніи десять лѣтъ. Занимая до 1892 г. кафедру санскритскаго языка и сравнительнаго языкознанія, В. О. Миллеръ перешелъ затѣмъ на кафедру русской словесности, оставаясь преподавателемъ санскритскаго языка; недавно онъ былъ назначенъ директоромъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ. И въ «Сборникѣ» мы встрѣчаемся съ учениками его по всѣмъ тремъ предметамъ, которые онъ преподавалъ.

Что же принесли ученики въ даръ своему учителю?

Сначала остановимся на статьяхъ по исторіи древней русской литературы.

Первая изъ нихъ принадлежитъ академику А. А. Шахматову. Здѣсь разсматривается вопросъ о начальной русской лѣтописи. Главный выводъ скатаго и чрезвычайно стройно расположеннаго изслѣдованія тотъ, что извѣстной «повѣсти временныхъ лѣтъ» предшествовала другая лѣтопись, опиравшаяся, въ свою очередь, на своеобразную, энциклопедическаго характера компиляцію, составленную въ Болгаріи и извѣстную въ Россіи уже въ XI в.

Вопросъ о «Словѣ о полку Игоревѣ» поднять вновь В. Калашемъ. Статья этого автора распадается на двѣ главныя части. Въ первой дѣлается сличеніе «Слова» съ «Пѣснью о Роландѣ» и указываются общіе приемы творчества, откуда можетъ слѣдовать выводъ о сходныхъ общихъ свойствахъ среды, въ которой сложилось то и другое произведеніе стараго полународнаго, полукнижнаго эпоса.

«Оба памятника, говоритъ В. Каллашъ, органически выростали изъ почвы народной поэзіи, которая вездѣ и всегда имѣеть много сходныхъ приѣмовъ, сюжетовъ и красокъ; оба прошли черезъ своеобразную общественную среду—дружинную и рыцарскую, не очень сложную по своимъ основнымъ элементамъ, но довольно характерную, создавшую при сходныхъ условіяхъ очень близкіе другъ къ другу результаты; оба сложились въ обстановкѣ, которая не потеряла еще своихъ народныхъ корней, но была сильно затронута книжной поэзіей, допускала личное творчество,—симптомъ извѣстнаго подъема личности, отличалась большимъ идейнымъ кругозоромъ. Они стоятъ на перепутьи отъ широкаго простора общенароднаго поэтическаго творчества къ болѣе узкому, но и болѣе глубокому потоку индивидуально-поэтическихъ «ума холодныхъ наблюдений и сердца горестныхъ замѣтъ». Они—промежуточные звенья цѣпи, которую неправильно считаютъ разорванной, и въ этомъ ихъ глубокий научный интересъ; они—симптомъ органическаго роста литературы и въ этомъ ихъ громадное общественное значеніе. Быстрое разложеніе южно-русской культуры, блестящей, но недолговѣчной, влѣдствие неблагоприятныхъ историческихъ условій, не позволило той поэтической школѣ, изъ которой вышло «Слово», высказаться до конца. Въ слабые отзвуки на сѣверѣ попали въ мало подходящую обстановку и быстро заглохли. Во Франціи не было такихъ рѣзкихъ скачковъ, какъ было у насъ—и «литературное богатство досталось ей быстрѣе, легче и дешевле».

Во второй половинѣ статьи г. Каллашъ пересматриваетъ вопросъ объ авторѣ «Слова» и приходитъ къ выводамъ, нѣсколько отличающимся отъ общепринятыхъ. Этотъ предлагаемый авторъ могъ быть только дружинникомъ, но онъ не могъ быть дружинникомъ Игоря; пересмотръ отношеній его къ герою «Слова» даетъ основанія считать авторомъ этого произведенія какого-то дружинника князя Святослава Киевскаго. Какъ таковой, онъ не участвовалъ въ походѣ, а описалъ его по свѣжимъ извѣстіямъ, принесеннымъ на Русь «нѣкими гостями», какъ объ этомъ говоритъ 1-я Софійск. лѣт. Лѣтописный рассказъ гораздо полнѣе и освѣдомленнѣе; рассказъ строенъ и подробенъ; чувствуется не спѣшная записка, а обстоятельный рассказъ, можетъ-быть, даже со словъ очевидца событія, тогда какъ въ «Словѣ» битва изображена лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Соображенія г. Каллаша, какъ намъ кажется, заслуживаютъ вниманія и, будучи обставлены фактами аналогичнаго рода могутъ быть признаны весьма близкими къ истинѣ. Полезно было бы произвести подобную же работу надъ такими памятниками народно-поэтическаго творчества, корни которыхъ—въ исторіи и прослѣдить, въ какомъ отношеніи и здѣсь находится вымыселъ и историческая правда.

Въ заключеніе авторъ пересматриваетъ вопросъ о языческихъ богахъ въ «Словѣ» и рѣшительно высказывается противъ допущенія мысли о «двоевѣрїи» автора «Слова». Спустя двѣсти лѣтъ по принятіи христіанства, когда на русской почвѣ создались такіе памятники литературы, какъ лѣтопись, слова Кирилла Туровскаго и т. п., трудно допустить «двоевѣріе», полное сохраненіе древняго анимистическаго міровоззрѣнія, по крайней мѣрѣ въ томъ образованнѣмъ классѣ, къ которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ авторъ «Слова». Имена боговъ—риторическій приѣмъ, то же, что позже, въ эпоху господства классицизма, упоминанія о греко-римскихъ богахъ древняго міра. Византійская литература была не чужда также щеголянью языческой мѣлологіей.

Все это было-бы несомнѣнно справедливо, если бы поученія христіолюбца, лѣтописца, древнѣйшій списокъ хожденія Богородицы по мукамъ и др. не сохранили слѣдовъ почитанія языческихъ боговъ въ эпоху позднѣйшую, чѣмъ та, къ которой относится «Сл. о И. И.». Мы далеко не раздѣляемъ мѣологическихъ увлеченій старыхъ и нѣкоторыхъ новыхъ этнографовъ, начиная съ Снегирева и до Крека,—но отрицать двоевѣріе въ XII в. очень трудно: Тогда придется допустить явленіе обратное прогрессу—одичаніе нашего народа¹⁾. Конечно, часть народной мѣологіи (сказанія о чертяхъ, водяныхъ, лѣшихъ и пр.) могутъ быть отнесены на долю вліянія христіанской демонологіи (собъ этомъ мы намѣрены обстоятельно говорить въ особой работѣ), но и наличность этого вліянія не устраняетъ гипотезы о двоевѣрїи русскихъ нервыхъ вѣговъ христіанства въ Россіи.

Третій вопросъ старой русской литературы затрогивается въ работахъ А. Д. Грн-

¹⁾ Такое одичаніе скорѣе бы относилось къ даровитому и образованному по тому времени автору Сл. о И. И. Ред.

горьева и М. О. Аттаи. Первый даетъ краткій выводъ изъ своей работы надъ изученіемъ судебъ популярной въ старой письменности «повѣсти о премудромъ Акирѣ и племянникѣ его Анаданѣ». Къ числу немногихъ извѣстныхъ автору списковъ русской редакціи добавимъ еще интересную московскую рукопись Публ. Музея и Имп. Публ. б. изъ собр. Буслаева—въ сборникахъ XVII—XVIII в.—чрезвычайно сходнаго содержания. Г. М. О. даетъ переводъ съ арабскаго одной изъ редакцій повѣсти.

С. О. Доновымъ изданъ «стихъ о Чудной Царицѣ» по рукописи XVIII в., вѣроятно составленный еще въ XVII вѣкѣ,—вѣроятно авторомъ малоруссомъ или въ подраженіе псалмамъ о Богородицѣ занесеннымъ изъ Малороссіи, гдѣ ни безъ вліянія католичества особенно къ концу XVII усилился культъ Богородицы. Что до содержанія этики, то оно стоитъ въ рѣзкой связи съ памятниками переводной эсхатологической литературы.

Къ той-же области древне-русской литературы, интересной и для этнографа, примыкаетъ рядъ статей «Сборника» о литературѣ апокрифической, русской и восточной. Общіе вопросы—законъ переживанія и примѣненіе его въ исторіи русской литературы—затронуты М. Н. Сперанскимъ. Законъ этотъ, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ: ни одинъ факторъ, вошедшій въ жизнь человѣка или общества, не проходитъ безслѣдно въ ихъ исторіи, обуславливая собою рядъ фактовъ въ дальнѣйшемъ развитіи данной среды. «Послѣдствія появленія этого фактора могутъ отмѣчаться различнымъ образомъ: онъ или даетъ новое направленіе, или измѣняетъ ту или другую сторону жизни изучаемаго явленія», или же, не оказывая видимаго вліянія, самъ остается въ жизни, но не какъ активный дѣятель, а какъ только памятникъ той эпохи, когда онъ былъ таковымъ. «Чѣмъ менѣе культурна среда, въ которую когда-то попалъ этотъ факторъ, чѣмъ она консервативнѣе», тѣмъ болѣе сохраняется въ ней то, въ чемъ не ощущается потребности и сохраняется безсознательно, только въ силу давности. «Эта способность фактовъ извѣстнаго порядка сохраняться безсознательно отъ того далекаго времени, когда они впервые попали въ жизнь, и называется условно закономъ переживанія старины. Такимъ образомъ этотъ законъ есть только частное по отношенію къ общему закону культурнаго развитія въ исторіи».

Особенно важно имѣть въ виду законъ переживанія въ той области литературы, гдѣ памятники литературные тѣсно соприкасаются съ этнографическими. Наиболѣе наглядный примѣръ этого представляютъ тѣ апокрифы, которые не являются повѣствованіемъ о библейскихъ и легендарныхъ событіяхъ, а выросли на почвѣ самой жизни: перенесенныя въ переводѣ на русскую почву, разныя гадательныя книги, какъ-то: громникъ, трепетникъ и т. п.—лишь примыкали къ существовавшей въ наличности вѣрѣ въ предзнаменовательное значеніе грома, молніи, дрожанія членовъ тѣла. Усвоившись на русской почвѣ, подобные памятники жили до тѣхъ поръ живой жизнью, осложнялись и переплетались съ народными воззрѣніями, пока среда для ихъ развитія была удобна, пока суевѣріе давало хорошую почву для ихъ расцвѣта. Но съ теченіемъ времени вѣра въ примѣты ослабѣвала, самыя памятники не вызывали того всеобщаго интереса, какъ это было раньше, и постепенно перешли въ разрядъ переживаній, лишь по инерціи существующихъ въ жизни.

Примѣнительно къ сказанной схемѣ разсматриваются М. Н. Сперанскимъ судьбы апокрифа религіознаго и бытового и указывается тѣсная связь между этнографіей въ собственномъ смыслѣ и исторіей литературы на почвѣ примѣненія закона переживанія въ области изученія бытового апокрифа. Русской апокрифической литературѣ посвящены также статьи: М. Дикарева, А. Н. Малинки, отчасти А. И. Киричничкова, армянской—Х. И. Кучукъ-Іоаннесова и Г. Халатьянца.

Первые два доставили до сихъ поръ популярныя въ народной средѣ апокрифы: Сонъ Богородицы, Іерусалимскій листъ, іерусалимскій свитокъ, о 12 пятницахъ, небесную эпистолѹ, извѣстные въ массѣ списковъ, не восходящихъ, впрочемъ, старше XVII вѣка. А. И. Киричничковъ далъ нѣсколько замѣтокъ о Богородицѣ въ народной поэзіи—отрывки изъ работы о Богородицѣ въ средневѣковомъ искусствѣ и литературѣ. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ по рукописи XVII вѣка перевелъ съ армянскаго языка апокрифическое посланіе судьи Пилата къ Тиверію Кесарію по распятіи І. Христа; а. Г. А.

Халатьянцъ далъ небольшое изслѣдованіе объ Авгарѣ царѣ Эдесскомъ, обладателѣ нерукотвореннаго образа, по свѣдѣніямъ сохраннымъ армянскимъ историкомъ Моисеемъ Хоренскимъ.

Теперь обратимся къ новымъ ученикамъ прсф. Миллера—по народной словесности и посмотримъ, что они дали для юбилейнаго сборника.

Въ «Очеркахъ по народной словесности» проф. Миллера довольно замѣтно проходитъ тенденція обратная той, которая говоритъ въ его же «Экскурсахъ»: стремленіе привязать эпосъ къ русской землѣ, и даже болѣе того—съ частности къ новгородской области. Въ общемъ, эта мысль находитъ себѣ подтвержденіе въ работѣ г. С. Шамбинаго «Древнерусское жилище по былинамъ». Мысль изготovitъ на основаніи былинныхъ описаній картину древне-русскаго жилища и сравнить ее съ данными археологич—не нова: это было уже сдѣлано еще ак. Л. Н. Майковымъ въ его магистерской диссертациі о былинахъ Владимірова цикла, а новый матеріалъ по тому же вопросу собрали проф. Халанскимъ въ его трудѣ о великорусскихъ былинахъ. Новая статья г. Шамбинаго только иначе группируетъ болѣе богатый матеріалъ и детальнѣе рассматриваетъ вопросъ, но выводы его, относящіеся непосредственно къ главному вопросу—не отличаются новизной: 1) былинное изображеніе жилища вѣрно исторической дѣйствительности, 2) это жилище—богатый домъ XVI—XVII вѣка, 3) окончательная редакція описанія принадлежитъ скоморохамъ XVI—XVII вв. Кромѣ того авторомъ указано, что нѣкоторыя подробности былинъ объясняются изъ бытовой старины.

Г. А. Марковъ сообщилъ блѣморскую былинку, восходящую къ походу новгородцевъ на Югру въ XIV в., окончившемуся «камскимъ побоищемъ». Эта былина записана г. Марковымъ лѣтомъ 1899 г. на берегу Вѣлаго моря въ двухъ вариантахъ. Анализъ былинны обнаруживаетъ, что она составлена изъ сплэекъ, но главная часть, по выдѣленіи эпическихъ мотивовъ, заключается въ слѣдующемъ: князь собралъ дружину и отправилъ ее во главѣ съ нѣкимъ Самсономъ Колывановымъ противъ какой-то невѣрной силы. Побоище было жестокое, и хотя былина въ теперешнемъ своемъ видѣ рассказываетъ о побѣдѣ дружины надъ ордой, можно думать по нѣкоторымъ признакамъ, что въ первоначальной версіи говорилось о пораженіи.

О Самсонѣ-богатырѣ писано достаточно: пытались объяснить его изъ библейскаго Самсона; въ Колыванѣ видѣли Калевайнена финскаго эпоса. Пересматривая былинны, можно сказать, что Самсонѣ-богатырь оставилъ по себѣ воспоминаніе только въ восточной части Архангельской губ. и въ западной Сибири. Очевидно, дѣятельность его сосредоточивалась въ этомъ районѣ. И дѣйствительно, на помощь приходитъ здѣсь лѣтописное извѣстіе о пораженіи 1357 г. Самсона Колыванова въ Югрѣ, т. е. на нижнемъ теченіи р. Оби, гдѣ и до того времени не разъ новгородскіе сборщики дани терпѣли неудачи въ 1191 г., въ 1329 г. и позже въ 1445 г. Былинны о С. Колывановѣ повліяли и на былинны о куликовской битвѣ.

Тотъ же приемъ сопоставленія былинныхъ данныхъ съ лѣтописными приводитъ П. Н. Милюкова къ рѣшенію, пока самому остроумному и вѣроятному—вопроса о томъ, что такое «море Вирянское» и «городъ Леденецъ» русскихъ былинъ. «Леденецъ» искали и въ Венеціи, и въ Испаніи, и въ Литвѣ—но не нашли, а онъ оказывается близъ впаденія Невы въ Вирынское (Виронское, отъ Wironia) море, т. е. въ Финскій заливъ. По былинамъ до города Леденца надо плыть на западъ по этому морю: здѣсь ближайшій «славный градъ»—Ревель, въ старину «Lyndanissa». Но пути къ нему, островъ Кодольскій, въ дѣйствительности, Ketlingen, русскій Котлинь. Эти справки, показывающія, какъ реально воспроизводитъ топографію мѣстностей, близкихъ къ новгородской области, былина о Соловьѣ Будимировичѣ, подтверждаютъ предположеніе о новгородскомъ происхожденіи былинны и указываютъ на болѣе или менѣе определенное время ея зарожденія—на половину XIII в.

Трудно въ краткой библиографической замѣткѣ исчерпать всё существенное въ статьяхъ «Сборника», касающихся русской литературы и этнографіи: Упомяну еще объ интересной статьѣ Н. А. Янчука—«Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ». Чрезвычайно интересны также статьи г. Добровольскаго объ обы-

чаѣ кувады въ Бѣлоруссіи и г. Довнара-Запольскаго о ритуальномъ значеніи коровая у бѣлоруссовъ—оно восходитъ къ древнѣйшему приаическому культу.

Ю. Поливка изслѣдуетъ происхожденіе одного народнаго анекдота о мстительномъ солдатѣ: источникъ его—западная новелла. Нѣсколько странной представляется статья г. Сумцова о повѣсти «Какъ чортъ рассорилъ супруговъ». Авторъ нагромождаетъ по своему обыкновенію массу вариантовъ и нрптомъ—безъ системы и метода. Въ заключеніе—гадаетъ о путяхъ появленія повѣсти, о чортѣ, поссорившемъ супруговъ въ русской народной сказкѣ и у А. П. Стороженка, хотя гадать собственно нѣтъ причинъ. Эта повѣсть представляетъ эпизодъ изъ переводнаго памятника въ XVII в., извѣстнаго уже въ Россіи и изслѣдована въ 1894 г. пишущимъ эти строки *). Г. Сумцовъ пишетъ: «очевидно, что повѣсть о злой бабѣ и чортѣ—заходяя; проникла она къ русскимъ изъ Западной Европы; но какъ, какими путями, когда—трудно отвѣтить опредѣленно»—совсѣмъ нетрудно, стоитъ только сличить литовскія, польскія и бѣлорусскія сказки на эту тему съ рассказомъ изъ «Великаго Зеркала»—ларчикъ откроется просто и обнаружится связь сказки со старинной переводной литературой. Содержаніе замѣтокъ—этимологіи словъ: перецъ и человекъ—не ново.

Интересный матеріалъ для характеристики русско-восточныхъ отношеній въ статьѣ г. Чиркова: два документа объ отношеніи турокъ XVIII в. къ христіанскому митрополиту и объ эксплуататорѣ сирійцѣ, статьи Ст. Теръ Сарисинца «хачатуръ абовинъ нонь орногражъ», и нныя другія.

В. Перетцъ.

*) Къ исторіи русской народной сказки. СПб. 1894. стр. 15.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

I.

Письмо въ редакцію.

Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельскаго хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственныхъ и земскихъ, работаетъ надъ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтно двигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предразсудковъ, заговоровъ, повѣрій, примѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало нуждается, но, тѣмъ не менѣе, въ виду значительнаго спеціально-историческаго и научно-этнографическаго интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино.

Руководствуясь этою мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предразсудковъ.

Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ разныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но я все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а по этому обращаюсь черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала ко всѣмъ сочувствующимъ разработкѣ разныхъ научныхъ вопросовъ съ покорнѣйшей просьбой оказать мнѣ свое содѣйствіе въ нелегкомъ, задуманномъ мною трудѣ.

Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или въ коніяхъ), такъ и отдѣльныхъ №№ заговоровъ, предразсудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о пчелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома, губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ мнѣ еще не напечатанныя нигдѣ свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана бесплатно тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ. Фамиліи всѣхъ корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги.

Во избѣжаніе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для бесплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій Пчеловодъ *Г. А. Кузьминъ.*

II.

Опытъ программы для собиранія свѣдѣній о красильномъ искусствѣ среди крестьянъ.

- 1) Существуетъ ли въ данной мѣстности красильное искусство?
- 2) Какъ давно (установить время приблизительно хотя-бы)?
- 3) Существовало ли въ старину?
- 4) Сколько лѣтъ продолжалось и съ какого времени прекратилось?
- 5) Какое мѣстное названіе этого рода искусство (печатанье, крашенье *), кубленье, дымленіе, черненіе, дубленіе и т. п.)?
- 6) Какъ великъ районъ его распространенія въ данное время или былъ (селеніе, волость и т. п.)?
- 7) Какіе именно предметы домашняго приготовления подвергаются окраскѣ: ткацкія ли издѣлія (пряжа, холстъ, сукманина и др.), кожевенныя ли (кожа, обувь), шубныя ли (овчины, шкурки разныхъ звѣрьковъ), рѣзныя деревянные вещи?

*) См. «О красильномъ искусствѣ у русскихъ Енисейской губ.». А. Макаренко. «Жив. Старина» 1895 г., вып. III и IV.

8) Какія окрашенныя издѣлія употребляются для домашняго обихода?

9) Какія продаются (сколько, на какую сумму и куда сбываются)? Какія выполняются по заказу?

10) Примѣняются ли, какъ красильныя средства, растенія (травы, дубъ и т. п.), металлы (обрѣзки желѣзокъ), соли различныя (кубовая краска, напимѣръ, фуксинъ и т. п.)?

11) Сами ли жители собираютъ красяція растенія? Какія именно? (привести мѣстныя названія, опредѣлить, по возможности, къ какимъ семействамъ относятся)?

12) Гдѣ мѣстонахожденія ихъ?

13) Въ какое время года производится сборъ растеній?

14) Какіе способы предварительной очистки и засушки ихъ?

15) Если же не сами жители собираютъ растенія, то гдѣ достаютъ и какимъ путемъ (покупаютъ ли на деньги или вымѣниваютъ на продукты сельскаго хозяйства)?

16) Отъ кого пріобрѣтаются остальные красильныя средства (выставить цѣны)?

17) Какіе существуютъ способы приготовленія красокъ изъ перечисленныхъ выше веществъ?

18) Какіе цвѣта они даютъ?

19) Ядовиты ли онѣ и вредны ли для здоровья приготовителя?

20) Въ чемъ заключается самый процессъ крашенья?

21) Какія введены приспособленія и отъ кого переняты?

22) Какой имѣется инвентарь, инструменты? Изъ чего они выдѣлываются и какъ? Дома ли готовятъ или покупаются? По какимъ цѣнамъ? (Присовокупить рисунки и чертежи)?

23) Какими суевѣріями обставлено крашенье: возможно ли, по мнѣнію крестьянъ, «напустить порчу» на краску путемъ наговоровъ или снадобьями какими? Или это происходитъ отъ собственной небрежности и неумѣнья заготовителя красокъ?

24) Производится ли окуриваніе травами (богородской, напимѣръ), сосудовъ, въ которыхъ готовится краска и т. п.

25) Читаются ли заговоры, предупреждающіе порчу, или отговоры, когда она уже есть (привести тексты тѣхъ и другихъ)?

26) Кто портитъ работу и кто отговариваетъ (сами ли производители крашенья или обычные знахари и знахарки)?

27) Во что обходятся ихъ услуги?

28) Какіе виды красильнаго искусства составляютъ умѣнье всѣхъ жителей данной мѣстности? Какіе нѣтъ?

29) Обладаютъ ли имъ въ совершенствѣ женщины или мужчины?

30) Сколько тѣхъ и другихъ занято этимъ дѣломъ?

31) Какое время года посвящается ему вообще и въ частности тѣмъ или инымъ видамъ этого искусства?

32) Сколько дней, мѣсяцевъ въ году отнимаетъ это занятіе (считая трату времени на подготовительныя работы и т. п.).

33) Не составляетъ ли красильное искусство принадлежности однихъ только, такъ называемыхъ, «мастеровъ» и «мастерицъ»?

34) Много ли ихъ? Что побудило ихъ къ тому?

35) Какого сорта ихъ спеціальность въ этомъ случаѣ?

36) Откуда приобрѣтены ими познанія, навыкъ въ дѣлѣ и давно ли?

37) Отличаются ли они большимъ или посредственнымъ искусствомъ въ своей спеціальности по сравненію съ обычными домашними красильщиками?

38) Какой принять ими расчетъ съ давателями (съ полумотья, аршина, куска, овчины, кожи и т. д.)? Какую взимають плату?

39) Производятся ли работы у себя на дому или въ особыхъ для этого помѣщеніяхъ?

40) Построены ли они въ чертѣ селенія, внѣ его, надъ рѣкой?

41) Какой внѣшній и внутренній видъ такихъ построекъ, размѣръ? (Фотографіи, рисунки и чертежи).

42) Насколько они удовлетворяютъ требованіямъ гигиены?

43) Работаютъ ли мастера и мастерицы одиночками или съ помощью членовъ семьи?

44) Красильное искусство для нихъ побочное занятіе и служитъ дополненіемъ къ главному (къ земледѣлію, напримѣръ), или они спеціализировались настолько, что добываютъ средства къ жизни исключительно этимъ промысломъ?

45) Не содержатъ-ли они рабочихъ и учениковъ?

46) Какъ велико число тѣхъ и другихъ?

47) Откуда набираются ученики и на какихъ условіяхъ принимаются?

48) Какое положеніе ихъ у хозяевъ?

49) Какъ велика плата рабочимъ (поденная, помѣсячная, сдѣльная, поштучная)?

50) Чѣмъ производится расчетъ съ ними (деньгами ли, товарами и т. п.) и правильно-ли? Сколько разъ въ мѣсяцъ?

51) Выдаются-ли имъ расчетныя книжки?

52) Какъ велика продолжительность рабочаго дня ихъ въ различное время года?

53) Бываютъ-ли недоразумѣнія между хозяевами и рабочими? По какимъ причинамъ? Въ чемъ выражались подобныя столкновения и чѣмъ заканчивались?

54) Примѣняется-ли къ рабочимъ система штрафовъ? Какой размѣръ ихъ? За какіе проступки налагаются? Куда поступаютъ штрафы?

55) Допускается-ли кулачная расправа съ рабочими и учениками? Жалуются-ли въ судъ потерпѣвшіе?

56) Сколько полумотьевъ, аршинъ, штукъ и проч. окрашивается за время производства работъ?

57) Какъ велики расходы, соединенныя съ ними?

58) Какія выгоды приносить красильное дѣло мастерамъ и мастерицамъ?

59) Чѣмъ объясняется фактъ существованія въ данной мѣстности общаго умѣнья красить вещи, т. е. признается ли это дѣло выгоднымъ по своей доступности для каждаго, по прочности и красотѣ красокъ и т. п., или имъ занимаются потому лишь, что «такъ наши бабушки дѣлали»?

60) Создается-ли кѣмъ, что домашнее крашенье, дымленіе и проч. отжило свое время?

61) Существуетъ-ли на самомъ дѣлѣ кризисъ въ этой отрасли народной техники? Въ чемъ выражается это?

62) Какими причинами вызванъ онъ, примѣрно: подъ вліяніемъ насажденія красильныхъ заведеній въ той мѣстности частныхъ предпринимателей, основанныхъ на техническихъ улучшенияхъ красильнаго производства, или благодаря наплыву продуктовъ фабричнаго и заводскаго приготовленій, которые по красотѣ окраски своей лучше и дешевле приготовленныхъ домашними способами?

Членъ-сотрудникъ Имп. Рус. Геогр. Об. А. А. Макаренко.

Спб., 12 марта 1901 г.

III.

Программа для собиранія свѣдѣній о великорусскихъ народныхъ говорахъ,

изданная Императорскимъ Географическимъ Обществомъ.

1. Сообщите названіе села (прихода, волости), уѣзда, губерніи, гдѣ слышится описываемый вами говоръ.
2. Какъ у васъ говорятъ, на *а* или на *о*? Какъ произносятъ слова: конь, попь, ночь, огнь, опять, рюю, мюю, слѣпой, вода, голова, островъ, сѣльно, сколько, берёзою, рубашкою (творит. пад.), лёдъ, жена, берѹ, тепло, середѧ, потерѣть, возъмѣте (повел. накл.)?
3. Какъ произносятъ слова: сапогѣи, часѣи, жалѣть, вязѣть, язѣкъ, рябина, дѣвѣть, пять, кричѣть, визжѣть?
4. Какъ произносятъ слова: пѣсь, дѣло, сѣмя, сѣять, пѣсня, краснѣть, мѣдь, стѣть, на столѣ, въ пѣбѣ, ко мнѣ, въ дѣмѣ?
5. Какъ произносятъ слова: уходѣть, улетѣть, научѣть, у насѣ, у менѣ, по утрѣ, на улицѣ?
6. Какъ произносятъ слова: вдова, вѣдѣть, вѣ полѣ, вѣ Москвѣ, оца, деревня, хлѣвъ, дровѣ (род. пад.), кровѣ, любѣвъ, московскѣи, дѣвушка?
7. Какъ произносятъ слова: друѣи, поибѣть, сапогѣи, идлубѣ, густѣи, кода, слѣпого (род. пад.), кругѣ?
8. Какъ произносятъ слова: копѣйка, чайку (род. пад.), Ванька, овечка, Сашка, кѣнуть, кѣслый, деревѣнскѣи, дурацкѣи?
9. Какъ произносятъ *и* и *ж* (*жж*) въ словахъ: рѣша, шѣка, шпѣть, ѣзжу, вѣзжи, возжѣться?
10. Не произносятъ-ли иногда *ж* вмѣсто *з* или наоборотъ—*з* вмѣсто *ж* (напримѣръ, жѣлю=знаю, зѣрко=жарко)? Не произносятъ-ли иногда *и* вмѣсто *с* и наоборотъ — *с* вмѣсто *и* (напримѣръ, шѣль = соль, сѣрокѣ, сѣрокѣ=широко)?
11. Какъ произносятъ слова: цѣрковь, ѣлица, цвѣтъ, молодѣцѣ, чѣшка, чѣгѣ (род. пад.), дочѣ, что, молѣчный?
12. Какъ произносятъ слова: дѣнь, дѣвь, ходѣть, тѣхо, тѣмный?
13. Какъ произносятъ слова: роднѣи, лѣдно, два днѣ, урѣдникѣ?
14. Какъ произносятъ слова: бѣмѣ, знамѣ, дѣлго, молчѣть, лѣжка, лубѣкъ, пѣльцы?
15. Какъ произносятъ слова: царѣ, зарѣ, курѣю, подарѣть?
16. Какъ произносятъ слова: хоршѣ, худѣи, хварѣть, хвѣсть, хвѣстѣть, фѣлинѣ, Фѣдорѣ, Фѣлинѣ?
17. Какъ произносятъ слова: весѣлье, намѣю, свинѣя, удивлѣнье, брѣтьѣя, попадѣи.
18. Какъ произносятъ фѣрмы: моѣгѣ, моѣмѣ (отъ моѣ), хѣзѣва, мѣетѣ, нѣетѣ, копѣекѣ (род. пад.), знаѣшь, знаѣть, знаѣте, умѣѣшь, умѣѣте, умѣѣте?

19. Какъ образуютъ формы род. пад. ед. ч. отъ словъ: Москва, рѣпа, одна рука, молодая сестра, земля, вся деревня?
20. Какъ образуютъ формы дат. и предл. пад. ед. ч. отъ словъ: изба, рука, нога, дорога, полѣска, одна дѣвка, та баба, печь, грязь!
21. Какъ образуютъ формы предл. пад. ед. ч. отъ словъ: Богъ, порѣгъ, верхъ, горѣхъ, бережѣкъ, мой, добрый?
22. Какъ образуютъ формы род., дат. и вин. пад. ед. ч. отъ словъ: я, ты, онъ, она, добрая, большая, какая (женск. р.)?
23. Какъ образуютъ формы дат., твор. и предл. множ. ч. отъ словъ: солдатъ, дуракъ, гость, поле, жена, чашка, кость, лошадь, худой, добрый, я, онъ, тотъ, весь?
24. Какъ образуютъ формы 1-го лица ед. и множ. и 3-го лица тѣхъ же чиселъ отъ глаголовъ: идѹ, неку, жгу, играю, пѹтаю, люблю, хожу, хочѹ, лечѹ, сплю?
25. Какъ образуютъ формы всѣхъ лицъ ед. и мн. чиселъ возвратн. залога отъ глаголовъ: дерѹсь, ругаюсь, бьюсь?
26. Какъ образуютъ формы неопредѣл. накл. отъ глаголовъ: караю, вижу, могу, пеку, расту, дерѹсь, пляюсь?
27. Не употребляется-ли при какихъ-нибудь падежныхъ формахъ частицъ та, то, те, ти, ты, ту? Если да, то при какихъ именно?
28. Нѣтъ-ли какихъ-нибудь еще бросающихся въ глаза особенностей въ описываемомъ вами говорѣ, въ области звуковъ и формъ?
29. Не замѣчается-ли въ описываемомъ вами говорѣ пѣвучести или растянутости рѣчи?
30. Нѣтъ-ли у говорящихъ этимъ говоромъ какого-нибудь прозванія, даваемого имъ сосѣдами, насмѣшливаго или браннаго?

Составляя отвѣты, слѣдуетъ каждое слово или форму писать вполне такъ, какъ оно произносится. Напримѣръ: если въ формѣ род. пад. слѣдѹю *н* произносится какъ *и*, *г* какъ *в* и конечное *о* какъ *а*,—слѣдуетъ ее написать: *слипѹва* (непремѣнно съ обозначеніемъ ударенія); или, если въ словѣ *лѣжка* *л* произносится какъ краткое *у*, *ж* какъ *ш* и *к* какъ *къ*,—слѣдуетъ его написать: *ѹдишка* и т. п.

Настоящая программа, послѣ пользованія ею, должна остаться у составителя отвѣтовъ. Послѣдніе должны быть адресованы въ Императорское Русское Географическое Общество въ С.-Петербургѣ. Они поступаютъ въ распоряженіе редакціи журнала „Живая Старина“ и имѣютъ быть напечатаны.

Составилъ *А. Соболевскій*.

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ Е Ъ.

Народныя загадки, записанныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

Пришелъ баринъ дворянинъ, на лавочку повалить, хоть стыдъ, хоть нѣтъ, а хочется. (Сонъ).

Богатый подбираетъ, а бѣдный бросаетъ. (Сопли).

Старикъ у воротъ тепло уволокъ. (Морозъ).

И зимою и лѣтомъ одно цвѣтомъ. (Ель).

Раздвинула ляжки въ виду толстика. (Телѣга и лошадь).

Какъ у добраго молодца каплетъ съ конца (самоваръ и самоварный кранъ).

Живетъ безъ тѣла, говоритъ безъ языка (вѣтеръ).

Ни ракъ, ни рыба, ни звѣрь, ни птица, кто его убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ (комаръ).

Безъ рукъ, безъ топоренка, построена избенка (птичье гнѣздо).

Мальчикъ съ пальчикъ, бѣлъ балахонъ, шапка красенькая (грибъ боровикъ).

Маленькій, удаленькій сквозь землю прошелъ, красну шапочку нашелъ (тоже).

Росло повыросло, изъ портокъ повылѣзло, по рукамъ покатилося и на зубахъ очутилося. (Морошка).

Кругло, горбато, около мохнато, придетъ бѣда—потечетъ вода. (Глазъ).

Травы поѣмъ—зубы вытуплю, песку хвачу—опять наточу (коса).

Около прорубки сидятъ бѣлыя голубки. (Зубы).

Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, другъ друга не видятъ. (Глаза).

У двухъ матерей по пяти сыновей, одно имя всѣмъ. (Руки и пальцы).

Стоитъ баба на гору, стали бабу потыкать, стала баба посылать. (Вачка съ квасомъ).

У дѣвушки красотки загорѣлося въ середкѣ. (Самоваръ).

На полѣ не горитъ, на водѣ не тонетъ. (Снѣгъ).

Разсыпался горохъ по сту дорогъ, никто его не соберетъ: ни царь, ни царица, ни красная дѣвица. (Звѣзды на небѣ).

По горамъ, горамъ, ходитъ шуба да кафтанъ. (Овцы).

Ни оконекъ, ни людей, полна горница людей. (Огурецъ).

Не огонь, а жжется. (Крапива).

Два братца грызутся, промежъ нихъ бѣлая пѣна валитъ. (Жернова).

Кабы я встала, такъ до неба достала, кабы руки да ноги—я бы вора связала, какъ бы ротъ да глаза, я бы все рассказала. (Дорога).

Сидитъ на ложкѣ, свѣсивши ножки. (Ланша).

Два кума Аввакума, двѣ кумы Авдотьи да 10 Пантелѣевъ. (Дровни).

Летитъ—молчитъ, лежитъ—молчитъ, какъ умретъ, такъ и зареветъ. (Снѣгъ).

Въ землѣ родился, на огнѣ крестился, на воду палъ—весь пропалъ. (Соль).
Подъ ледкомъ, ледкомъ стоитъ чашечка съ мядкомъ. (Ййцо).
Два конца, два кольца, о середкѣ гвоздь. (Ножницы).
Идетъ свинья изъ Питера, вся она истыкана. (Наперстокъ).
Стучить, гремитъ, ходить весь вѣкъ, а не человекъ. (Часы).
Мать толста, дочь красна, сынъ подъ небеса ушелъ. (Щель, огонь, дымъ).
Стоитъ Соня середь поля. Летитъ куликъ, да и говоритъ: «Соня, Соня, дай
стоя!»—Охъ, куликъ! у меня дырка болить! (Замокъ и ключъ).
Чудесная корзинка изъ чудесъ сплетена, посредникъ бархатъ да розовая тафта.
(Женскій дѣтородный членъ).
Птица мыра, безъ ногъ, безъ крылья, на аршинъ отъ земли летаетъ, по чет-
верги зерна глотаетъ. (Женскій дѣтородный членъ).
Молодчики соколики, что у васъ за колики? — дѣвочки бѣлянки, что у васъ за
ямки? (Мужской и женскій дѣтородный членъ).
Строе сукно тянется въ окно. (Дымъ).
Поле стеклянное, а межи деревянные. (Рама).
Подъ поломъ, поломъ сидитъ барыня съ коломъ. (Помело).
Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колеса висятъ, (Серьги).
Утка въ морѣ, хвостъ на заборѣ. (Ведро и ковшъ).
Три ноги, два уха, а шестое брюхо. (Доханъ).
Новая посудина, а вся въ дырахъ. (Рѣшето).
Били меня, колотили, во всё чины проводили, а потомъ вмѣстѣ съ царемъ на
престоль посадили. (Рубашка).
Сто молодець на одной постелькѣ спать. (Бревна въ стѣнахъ пѣбы).
Два брагца глядятся, въ вѣкъ не сойдутся. (Полъ и потолокъ).
Основа соснова, утокъ соломенный. (Соломенная крыша).
Два стоять, два лежатъ, нятый водить, шестой ходитъ, седьмой пѣсенки
поетъ. (Двери).
Не грѣшна, а повѣшена. (Шуба на гвоздѣ).
Сито—не руками свито. (Паутина).
Самъ худъ, голова съ пудъ. (Возмѣнъ).
Безъ рукъ, безъ ногъ, а Богу молится. (Очипъ).
Два конца, два кольца, посередкѣ гвоздь. (Ножницы).
Долговязъ во сыру землю увязъ. (Дождь).
Разсыпался горохъ по сту дорогъ, никто его не соберетъ: ни царь, ни царица,
ни красна дѣвица. (Звѣзды).
Черень, да не воронъ, рогать, да не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ. (Тараканъ).
Стоитъ Трошка на одной ножкѣ. (Грибъ).
Всѣ паны свинули кафтаны, одинъ панъ не снялъ кафтанъ. (Ель).
И зиму и лѣтомъ одно цвѣтомъ. (Тоже).
Летятъ гуськи, дубовы носки, летятъ, говорятъ: «то-то мы, то-то мы». (Моло-
тило, щѣпъ).
Штука одноручка, носочекъ стальной, а хвостикъ льняной. (Иголка и нитки).
Пять-пять овечекъ зародъ подбѣдаютъ, а пять-пять овечекъ прочь отбѣгаютъ.
(Прядены).
Кланяется, кланяется, придетъ домой, растянется. (Топоръ).
Безъ рукъ, безъ ногъ, ползетъ на баготь. (Горохъ).
Антипка низокъ, на немъ сто ризокъ. (Капуста).
Кругленько, бѣленько, всему свѣту миленько. (Серебро).
Самъ не видитъ и не слышитъ, а другимъ указываетъ. (Дорога).
Стоитъ дерево: цвѣты ангельски, а ногти дьявольски. (Шиповникъ).
По снѣжамъ и тамъ и сямъ, а въ избу никакъ. (Вѣтеръ).
Маленькая собачка, лаять не лаесть, а домъ стережетъ. (Замокъ).
Маленькій, горбатенькій все поле обошелъ. всѣ заганы перешелъ. (Серпъ).
Встану я рано, пойду къ Роману, къ сѣдой бородѣ. (Рукомойникъ).

Самъ голъ, а рубашка въ пазухѣ. (Свѣча).
Лежить—ниже кота, встанеть—выше коня. (Дуга).
Согнута въ дугу, лѣтомъ на дугу, зимой на крюку. (Коса).
Поднять поднимешь, а черезъ избу не перекинешь. (Пухъ).
Скоро ѣсть, мелко жуеть, сама не глотаеть, а другой сытъ бываетъ. (Жернова).
На курганѣ, на варганѣ стоить курочка съ серьгами. (Овесь).
Кто таковъ какъ Иванъ Кулаковъ? сѣлъ на конь, да и поѣхалъ въ огонь?
(Горшокъ, ухватъ).
Родился на кружалѣ, росъ, вертѣлся, живучи зарился, живучи парился, старъ
сталъ—целенаться сталъ. Потомъ меня выбросили въ поле—тамъ меня ни звѣрь, ни
птица не клеуетъ. (Горшокъ).
Лѣтомъ спитъ, зимою грѣеть, тѣло теплое, а крови нѣтъ. (Печь).
Кину съ блошку, выростеть съ лукошко. (Зерно).
Богатый подбираеть, а бѣдный выдаеть. (Сопли).
Срѣжу косматому голову, дамъ пить, будетъ говорить. (Перо и чернила).
Поле бѣлое, а сѣмя черное, кто его сѣеть, тотъ и разумѣть. (Бумага и буквы
на ней).
Махнула птица крыломъ и покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ. (Ночь).
Всѣ меня любять и всѣ меня губять. (Огонь).
Никто меня не видять, а всякій слышитъ. (Вѣтеръ).

А. Баловъ.

Колыбельныя и дѣтскія пѣсни и дѣтскія прибаутки, записанныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ.

1.

Спи, хорошая моя,
Укачаю я тебя.
Спи-ко ты до вечера:
Тебѣ дѣлать нечего.
Придетъ времечко—пора,
Разбудить мамка тебя...
Спи-ко, милое дитя,
Богородица дала,
Богородица дала,
Бабка выводила.
Бабка выводила,
Уму выучила.
Велѣлъ Господи водить ¹⁾,
Уму—разуму учить,
Да молитвы читать,
Отца—магъ почитать...
Спи-ко, золотце мое,
Ужъ ты выростешь большая,
Будешь въ церковь ходить,
Будешь въ церковь ходить,
Будешь Бога молить.

2.

Бабушка гу-гу
Еремѣвна гу-гу,
Потеряла ты клюку
На Семеновомъ дугу.
Не ребята ли кричали,
Не клюку то ли тащили?
Другоданъ, Другоданъ!...
Сѣла баба на баранъ,
Поѣзжала по горамъ.
За горамъ то церковь,
Церковь Николы,
Дары Быковой...
Курочка въ сапожкахъ
Избушку мететь,
А лѣтухъ на печи
Обуваеця,
А боровъ на палатяхъ
Обѣдно поеть.
А свинья въ ожерельѣ
Къ обѣднѣ идетъ...
Пошелъ валезень
Пошелъ кулезень
Въ чужую деревню,

¹⁾ Водить, вываживать—вскормливать, воспитывать.

Въ чужой деревнѣ
Горки молотятъ.
Что это за горки
По говнамъ катаются?
По говнамъ катаются
Въ руки не даются?
Тутъ меня колютъ,
Подъ кустью схоронятъ.

3.

Парень рыбу удить,
Катерину кормить,
Катерина сыта —
Притащила сына
Въ 1½ аршина.
Свахи, свахи,
Сшейте мнѣ рубашку:
Приведу я жену
Не ткаху, не пряху.
Посажу ее за столъ,
Пришибу ее пестомъ.

5.

Стуки, стуки барабанъ,
Пошла дѣвка за грибамъ,
Увидала зайца,
Некуда дѣваться.
Пошла къ волку за службу,
А волкъ обуваётся,
На печи валяется,
А коза обѣдню поетъ,
А свинья въ ожерелкѣ
Къ обѣднѣ идетъ.
Двѣ дѣвченки, сученки
Подмазываютъ,
А собаки на улицѣ
Творогъ стерегутъ.

5.

Дѣвица, дѣвица,
Сходи за водичей!
Волка боюся,
Медвѣдя страшуся.
Волкъ на работѣ,
Медвѣдь на заботѣ.
Поповы ребята
Горохъ молотили,
Куколку убили,

Попу то сказали.
Попъ торопился,
Съ полатей скатился,
Попадья съ печи —
Обломала плечи.
Двѣ дѣвченки съ голбца
Обломали кольца.

6.

Курочки конопляночки,
Отщипни блиночки,
Помяни сыночка.
Еремѣева жена
Тройниковъ принесла.
Принесла тройниковъ
Сикарандушковъ.
Посадила на лодку
Поѣхали по Волгѣ.
Одного спихнула,
Другого свихнула...
Что будетъ приданое?
Ступа да лопата,
Корова то съ рогамъ,
Овинъ съ овсомъ,
Жеребець съ хвостомъ.

7.

Сарафанчикъ красный,
Фартучекъ атласный.
Заиграли утки въ дудки,
Журавли пошли плясать,
У журавлей ноги тонки,
Не нашли пути дороги.
Борона — боронушка
Борона желѣзная —
Поцѣлуй любезнаго.

8.

Бай — Бай,
Поскорѣ засыпай!
Баю, Васенька,
Баю, милованный,
Усни, ненаглядный.
Спи, моя родная,
Рыбка золотая.
Спи до утра, до зори —
Придетъ времячко — пора
Встанешь, милая сама...

Уложу я тебя спать
На перину, на кровать.
На перинушку, на пуховую

9.

Хоть пей, хоть ией,
Хоть окачивайся.
Покатилось ведро
Подъ Захарово окно...
Захаръ на стулѣ
Жена съ пестомъ,
Дѣтки съ ложками,
Прислуга съ поварешками.
— Куда, Захаръ, ѣдешь?
— Овесъ косить.
— Зачѣмъ тебѣ овесъ?
— Курницъ кормить.

10.

Туру-туру, пастушекъ,
Далеко ли отошелъ?
Отъ моря—до моря
До Кіева города.
Что царь дѣлаетъ?
Туру—ногу пишетъ
На каменномъ стулѣ,
На серебряномъ блюдѣ.
— Дѣвица, дѣвица,
Сходи за водицей...
— Волка боюсь.
— Волкъ на работѣ.
Коза на болотѣ,
Платье колотить,
Рубашечки мою.

11.

— Рында, рында, рындочка,
Гдѣ, рында, родилася?
— На печи въ охлопочкахъ...
Стали рынду сватати,
Стали рында плакати...
Сходи, матка, на базаръ,
Купи рындѣ сарафанъ,
Еще кринку штей,
Рукавицу вшей,
Два наперстка табаку...
На Миронову сноху
Помираетъ со смѣху:

Аха-ха! аха-ха!
Миронова сноха
Тройниковъ принесла—
Миколку, Сиколку, Раскаракульку.

12.

Воробей, воробей,
Не летай на песокъ,
Не клюй песокъ,
Не туни носокъ,
Пригодится носокъ
На овсяный колосокъ.

13.

Тень-тень-потетень
Выше города плетень!...
У Спаса бьютъ,
У Николы звонятъ,
У стараго Егорья
Часы говорятъ...
На поличкѣ трубички—
Гороховнички.

14.

Ерема, Ерема,
Сидѣль бы ты дома!
У тебя жена то приха
По ниточкѣ пряла,
Корову кунила.
Корова то съ кошку
Надонла съ ложку.
Корова то пропала
Кузьму поклепали.
Кузьма то божится,
На печь ложится.
Сѣни то трясутся,
Собаки грызутся.
Сѣни то упали
Собаки пропали.

15.

Ладушки, ладушки,
— Гдѣ были?—у баушки.
— Что ѣли?—Кашку.
— Что пили?—Бражку,

Кашка маслененька,
Баушка добренька,
Шукъ, шукъ, полетѣли.
На головушку и сѣли.

Шукъ—шукъ полетѣли.
На головку и сѣли.
Взявъ ребенка за головку «валяютъ» его
головку между ладонями рукъ.

Взявъ ребенка за ручки сводятъ обѣ ручки
ладонями вмѣстѣ и опять ихъ разводять.
При словахъ «шукъ—шукъ» закидываютъ
ихъ на головку.

17.

16.

Валяй, валяй, коровай,
Пришелъ къ бабѣ пономарь:
Дай, баба, тѣста!
Нѣтъ въ печи мѣста.

Кромѣ того существуютъ вопросы:

Мѣди или олова?—При отвѣтѣ олова: «сто разъ въ голову» и бьютъ ви-
новнаго по головѣ.

При отвѣтѣ «мѣди», снова пѣти, чичеръ ячеръ и т. д.

Муха или пчела?—На отвѣтѣ: «муха»—«тяги до брюха», на отвѣтѣ
«пчела»—снова зачала и т. д.

Бокъ или вилка въ бокъ?—При отвѣтѣ: «бокъ»—«снова за клокъ», чи-
черъ, ячеръ и пр. При отвѣтѣ «вилка въ бокъ»—суютъ кулаками подь бока 1).

18.

Попъ, попъ, выпусти собакъ,
Баре ѣдутъ, озимь топчутъ.

или

Попъ, попъ, выпусти собакъ
На боярскій дворъ, на дворянскихъ ребятъ 2).

19. Присказки и поговорки, употребляемыя дѣтьми въ различныхъ играхъ.

1. Катилось яблоко кругъ огорода, кто его возьметъ, тотъ воевода, воеводинъ сынъ.
2. Чикирики-микирики, летали голубиники по Волгѣ рѣкѣ, по поповой полосѣ, чашки—орѣшки, медокъ—сластокъ, поди вонъ королекъ.
3. Чикирики-микирики, летали голубиники по Волгѣ рѣкѣ, по поповой полосѣ, на морѣ стукъ-громъ, стеклышки вонъ.

1) Всѣ эти пѣсенки поются въ томъ случаѣ, если кто нибудь изъ ребятъ «сне-
вѣжничаетъ». Виновнаго берутъ за волосы и дерутъ, приговаривая вышеупомянутыя
прибаутки на распѣвъ.

2) Пѣсенку эту распѣваютъ, держа въ рукахъ цвѣтокъ дикой ромашки. Пѣсенка
распѣвается до тѣхъ поръ, пока изъ середины цвѣтка не выползутъ черненькіе, маленькіе
жучки—«поповы собаки».

3. Перевязи, ферази, кони, царевичъ, жукъ.
5. Стою, стою на камешкѣ, горю-горю на солнышкѣ, кто меня любить, тотъ и выкунить (при игрѣ въ горѣлки).
6. Ступай въ куть, тамъ деньги куютъ, тебѣ денежку дадутъ. (При игрѣ въ жмурки).
7. Правая рука просить, лѣвая подносить, кто дастъ—тотъ князь, кто не дастъ—того въ грязь. (Когда одинъ чего у другого просить).
8. Радуга дуга, перебей дождя, подай солнышка. (Когда на небѣ радуга).
9. Дождикъ, дождикъ перестань.
Я поѣду въ Черностанъ
Богу молиться
Кресту поклониться. (Пѣсенка поется во время дождя).
10. Печера, печера, много ли часовъ до вечера? Разъ, два, три и т. д. (Распѣваютъ, поставивъ палку вертикально на вытянутый палецъ, пока палка не упадетъ).
11. Сѣку сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, буду считать, такъ и выйдетъ такъ (при игрѣ въ свайку).
12. Первой—другой, нерни въ уголь, три—четыре прискочили, пять—шесть бей шерсть, семь—восемь сѣно возять, девять—десять деньги вѣсить, одиннадцать—двѣнадцать—на улицѣ бранятся.
13. Лизавица-лизавица выпусти рога: а дамъ пирога, маслянаго перемаслянаго ¹⁾.
14. Вожіи коровушка, завтра будетъ ведро или ненастье? ²⁾
15. Коровушка буренушка, подой молочка, покорми пастуха.
16. Журавль, журавль, у тебя шея коломъ, а у меня спина колесомъ ³⁾.
17. Первичики другнички летали голубичики и т. д.
18. Оли, Оли вылей воду на дубовую колоду, чашки помыть, лошадей пополь ⁴⁾.
19. «Солнышко, красное, выгляни-ко! Твои дѣтушки на камешкѣ стоятъ» (Когда солнце закрывается тучами).

А. Баловъ.

«Понедѣльничанье».

Историко-этнографическій очеркъ.

Во многихъ мѣстахъ Великорусси ⁵⁾, а также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи ⁶⁾ народъ почитаетъ понедѣльникъ наравнѣ со средою и пяткомъ: считаетъ грѣхомъ въ этотъ день работать, постится и т. д.

Обычай понедѣльничать или, какъ говорятъ въ Малороссіи, «понедѣлковать», вызвалъ даже въ народѣ олицетвореніе этого дня, обращеніе его въ живую личность. Въ нѣкоторыхъ народныхъ разсказахъ понедѣльникъ называется с в ѣ т ы м ь П о н е д ѣ л ь н и к о м ь и представляется въ человѣческомъ образѣ, подобно Прасковѣ-Пятницѣ. Такъ,

¹⁾ Взавъ на ладонь руки «Божію коровку» (saccinella) поютъ эту пѣсенку. Если она полетитъ, то значить, будетъ ведро, если не полетитъ, то будетъ ненастье.

²⁾ Взавъ на ладонь руки садовую улитку (слизень), поютъ эту пѣсенку до тѣхъ поръ, пока она не выпуститъ свои щупальца—рога.

³⁾ Увидѣвъ въ первый разъ весною журавлей, катаются по землѣ, распѣваютъ эти слова. Кто продѣлаетъ это—у того не будетъ болѣть спина во время жнитва.

⁴⁾ Если во время купанья кому нибудь въ ухо попадетъ вода, то онъ долженъ зяложить пальцемъ ухо, наклонить голову нѣсколько на бокъ, на ту сторону, гдѣ больное ухо, и прыгая на одной ногѣ долженъ проговорить слова.

⁵⁾ Яросл. Губ. Вѣд. ч. н. 1895 г. № 181. «Понедѣльничанье».

⁶⁾ «Кіевская Стар.» 1887 г. № 1 и № 4. (Замѣтки объ этомъ обычаѣ).

напримѣръ, въ одномъ народномъ разсказѣ, записанномъ въ Курской губерніи, говорится, что на томъ свѣтѣ первая встрѣча умершаго бываетъ съ святымъ понедѣльникомъ, который и спрашиваетъ человѣка о содѣянныхъ имъ грѣхахъ.

«Перва стрича на тымъ свити—святый Понедилокъ,—роспытуе про грихы; винь то самъ зна, а допрашуе» ¹⁾. Отсюда и прямой выводъ о почитаніи понедѣльника.

Въ другомъ разсказѣ святой Понедилокъ вмѣстѣ съ пророкомъ Ильею говѣютъ въ монастырѣ. Въ послѣднемъ разсказѣ содержится и прямое запрещеніе въ понедѣльникъ не «йнсты скоромнаго» ²⁾.

Обычай «попидѣльничать» есть обычай, безъ сомнѣнія, древній: о немъ упоминается еще въ рукописяхъ XVI в. Такъ, напримѣръ, въ одной рукописи XVI в. (Соф. № 1462 л. 82, об. 83) мы читаемъ:

«Мѣсяца марта постися первыя недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ Авраамлихъ. Вешнихъ дней.

«Мѣсяца іюня постися двѣ недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ, да причтется къ 14 родовъ Давидовыхъ. Лѣтнихъ дней.

«Мѣсяца сентябрия постися три недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ къ племени Вавилонскому. Осеннихъ дней.

«Мѣсяца декабря постися четыре недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ рожеству Христову. Зимнихъ дней.

«Аще который человекъ сохранитъ сіа четыре времена о хлѣбѣ и о водѣ чистою, постомъ, бдѣніемъ, аще будутъ и велика согрѣшенія, есть то съ едино или къ два лѣта опустится ему. Аще вся четыре времена до живота своего сохранитъ сіи постися, да на страніи съ судици никого зла не убоятся. Сіи же четыре времена увѣдаши святіи отци отъ святаго Духа и уставивши постящимся» ³⁾.

Вмѣстѣ съ почитаніемъ понедѣльника въ народѣ распространенъ и взглядъ на него, какъ на день несчастливый, въ который не должно начинать никакого дѣла. «Понедѣльникъ тяжелый день», говоритъ народъ...

Откуда произошло такое народное воззрѣніе на понедѣльникъ?

Нѣкоторые изслѣдователи стараются объяснить происхожденіе такого воззрѣнія слѣдующимъ образомъ: «Великій князь Владиміръ, познавъ истиннаго Бога и принявъ св. крещеніе самъ, велѣлъ всѣмъ подданнымъ сдѣлать то же. Между новокрещенными было не мало такихъ, которые, принявъ св. крещеніе, въ тайнѣ остались идолопоклонниками. Чтобы вразумить ихъ и утвердить въ вѣрѣ всѣхъ вообще, Владиміръ вмѣнилъ въ обязанность, всѣмъ безъ исключенія, каждый воскресный день приходять въ церковь, гдѣ священники были обязаны наставлять людей въ вѣрѣ. Тѣхъ же упорныхъ, которые не выполняли этого новелѣнія и не являлись въ храмы христіанскіе, подвергалъ чувствительному наказанію, которое выполнялось, обыкновенно, въ понедѣльникъ ⁴⁾. Естественно, что нѣкоторые стали и поститься въ этотъ день, чтобы избѣгнуть тѣхъ несчастій, какія приносятъ этотъ день человѣку ⁵⁾, какъ день тяжелый».

Какъ ни остроумна такая гипотеза, но одною ею едва ли можно объяснить почитаніе нашимъ народомъ понедѣльника. Дѣло въ томъ, что понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ не тольکو у русскихъ, но и у всѣхъ почти западныхъ народовъ: у французовъ, итальянцевъ, германцевъ.

Основа такого воззрѣнія на Западѣ коренилась въ астрологію, которой безусловно вѣрили на Западѣ въ средніе вѣка.

¹⁾ «Этногр. Обзор.» кн. XV «Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ Украинскаго народа», проф. Н. Сумцова и М. Васильева.

²⁾ «Этп. Обзор.» кн. XXVII. Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ святыхъ.

³⁾ Урочные посты М. Соколова. «Жив. Стар.» 1891 г. в. III.

⁴⁾ Ист. Карамз. т. I, прим. 460.

⁵⁾ Слнс. Хрущ. Инк. Лѣт. стр. 51. Приб. къ «Херсонск. Енарх. Вѣд.» 1860 г. т. I, стр. 578.

Понедѣльнякъ у французовъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ и германцевъ былъ посвящаемъ въ древности лунѣ, на что указываетъ и его теперешнее названіе у этихъ народовъ ¹⁾).

Между тѣмъ луна, по астрологіи, было свѣтило, не приносящее чловѣку счастья. «Седмая планита луна, глава водамъ и источникамъ и рѣкамъ великимъ и всѣмъ планитамъ присутствуетъ и на поднебесныя силу свою свѣтлостію изнуруетъ и людіе подъ нею родящіеся, непостояннии, лживіи, и на прасно умирають, мале щастливиі» (Списокъ съ печатнаго календару, который печатанъ въ Прузѣ, во власти господина пана Данилы въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1730) ²⁾).

Естественно, что у западныхъ народовъ понедѣльникъ считался днемъ тяжелымъ. Такъ какъ западныя астрологическія сочиненія читались и у насъ въ Россіи ³⁾, то очень можетъ быть, что эти сочиненія способствовали укрѣпленію въ русскомъ народѣ того взгляда, что понедѣльникъ день тяжелый, который слѣдуетъ отличать постомъ и воздержаніемъ отъ дѣлъ житейскихъ... Основа же такого взгляда должна корениться въ нашихъ древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ.

По всей вѣроятности въ основѣ нынѣшняго обычая «понедѣльничать» лежатъ наши древніи языческія вѣрованія. На эту мысль наводитъ насъ то обстоятельство, что многія народныя праздниства языческаго характера приурочивались въ старину къ понедѣльникамъ.

Съ понедѣльника Масляной недѣли въ Малороссіи женщины начинаютъ справлять «колотку». Эту «колотку» справляютъ слѣдующимъ образомъ. Начиная съ понедѣльника, крестьянки предаются въ корчмѣ пьянству и всякимъ безчинствамъ. По ихъ мнѣнію, въ понедѣльникъ «колотка» раждается, во вторникъ крестится, въ среду похрестбныи, въ четвергъ она умираетъ, въ пятницу её хоронятъ, а въ субботу плачутъ объ ней. «Колотка», по мнѣнію нашихъ изслѣдователей, есть нечто иное, какъ зима, олицетвореніе смерти, тьмы и холода—царство темныхъ силъ природы. Отмѣтимъ, что, по народному повѣрью, эта «колотка»—зима рождается въ понедѣльникъ ⁴⁾).

Съ чистымъ понедѣльникомъ въ Малороссіи и до сихъ поръ связывается множество народныхъ вѣрованій и обрядовъ, относящихся къ нечистой силѣ—бѣсамъ и вѣдмамъ. Понедѣльникъ этотъ называется «полоскозубомъ», такъ какъ въ этотъ день крестьяне полощутъ зубы водкою.

Празднованіе «полоскозуба» было встарину и въ Великороссіи. Въ челобитной, полученной въ Москвѣ 18 января 1649 г. ⁵⁾, архимандритъ извѣщаетъ, что въ градѣ Кашиинѣ въ понедѣльникъ первыя недѣли Великаго поста чинится великое безчиніе и беззаконіе: изъ уѣзду пріѣзжаютъ крестьяне съ женами и дѣтьми на тотъ великій день, пьютъ, бражничаютъ и безчинствуютъ: крикъ и вопль, и бой межъ собою до кровопролитія во весь день и до полночи на вторникъ, а на то великое безчиніе и пьянство многихъ всякихъ чиновъ людей того жъ города Кашина приходятъ посадскіе и слободскіе люди... Веселые съ медвѣди, и съ бубны, и съ сурнами, и со всякими бѣсовскими играми съ иныхъ городовъ торговые люди и веселые пріѣзжаютъ на тотъ великій день, а отъ безчинія великаго и пьянства и отъ убойства умираютъ. А то безчиніе и пьянство, и съѣздъ чинится за многая лѣта».

Въ мясопустный понедѣльникъ въ Чехіи существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай ходить съ кобылой ⁶⁾.

¹⁾ Лат. dies lunae (день луны. «Быть русскаго народа». А. Терещенка. Слб. 1848 г., стр. 32.

²⁾ Труды Кіев. Дух. Акад. 1867 г. Янв. стр. 106.

³⁾ «О вліяніи западноевропейской литературы на древнерусскую». Тр. К. Дух. Ак. 1872 г., т. III, стр. 464.

⁴⁾ Труды Кіев. Дух. Ак. 1871 г., т. 4, стр. 7.

⁵⁾ Этн. Обзор. кн. XXXII, стр. 150. «Къ вопросу о борьбѣ Московскаго Правительства съ народными языческими обрядами и суевѣрїями въ половинѣ XVII в.»

⁶⁾ Rok. IV. Этн. Обзор. XXXVII кн., стр. 155.

Въ связи съ празднованіемъ чистаго понедѣльника стоитъ и празднованіе понедѣльника свѣтлой седмицы. Чтобы достать шапку невидимку, по народному повѣрью, слѣдуетъ поступить такъ: въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста должно взять яйцо, сварить его въ тотъ же день, проколотъ въ немъ насквозь дырочку и положить въ теплое мѣсто на весь Великій постъ. Въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы нужно взять это яйцо, идти на церковный погостъ и смотрѣть сквозь дырочку яйца, не пляшетъ ли нечистый въ шапкѣ невидимкѣ: если пляшетъ, то имѣющій яйцо долженъ подойти къ нечистому близко, лѣвой рукой снять съ него шапку невидимку, а правой разбить яйцо о землю, затѣмъ, надѣть на себя шапку невидимку и безъ оглядки бѣжать домой ¹⁾.

По мнѣнію Аванасьева, «полоскозубъ» былъ праздникомъ въ честь вѣдьмъ—демоническихъ существъ, заправлявшихъ тучами и дождями. Шапка-невидимка, по объясненію того же изслѣдователя, имѣетъ значеніе небесныхъ тучъ, какъ туманныхъ покрововъ, которыми закрываются небесныя свѣтила ²⁾.

Въ свѣтлый же понедѣльникъ на Волыни парубки рано по утру ходятъ по домамъ и обливаютъ водою дѣвушекъ или же обливаютъ водою имъ только руки. Обычай этотъ, нѣсколько видоизмѣненный, существуетъ и въ великорусскихъ губерніяхъ. По свидѣтельству Густынской лѣтописи, этотъ обычай ведетъ свое начало отъ языческихъ временъ. Эта лѣтопись рассказываетъ, что, «отъ сихъ (языческихъ боговъ) одному нѣкому богу на жертву людей топяху, ему же и донятъ по нѣкоихъ странахъ безумныя память творятъ: въ день Воскресенія Христова собравшеся юніи, играючи, вметаютъ челоуѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боовъ, си есть бѣсовъ, разбиваются и умирають, или утопають; по иныхъ же странахъ не кидаютъ въ воду, но токмо водою поливають, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяють» ³⁾.

Какъ къ чистому понедѣльнику приурочиваются остатки языческаго празднества въ честь темныхъ силъ, такъ и къ свѣтлому понедѣльнику приурочены остатки языческаго празднованія въ честь какого то грознаго божества, требовавшаго себѣ челоуѣческихъ жертвъ.

Въ понедѣльникъ Оомной недѣли въ Малороссіи и до сихъ поръ празднуютъ «проводы» покойниковъ, т. е. обратное прохождение ихъ въ загробный міръ, которое сопровождается поминовениемъ и различными обрядами. Въ празднованіи этихъ проводовъ ясно видны слѣды языческихъ вѣрованій ⁴⁾.

Извѣстное пусканіе вѣнковъ на воду въ старину приурочивалось не къ Троицному дню, какъ нынѣ, а къ Духову, т. е. къ понедѣльнику.

Въ протоколѣ засѣданія Святейшаго Правительствующаго Синода 1741 г. 13 мая читается: «А понеже, какъ Святейшему Синоду безъизвѣстно, что въ многихъ благочестія Россійскаго мѣстѣхъ, вмѣсто подобающаго христіанамъ благоговѣнства различная нѣкая безобразія, безчинія и суевѣрія чинятся... въ четвертокъ иже предъ недѣлею Сошествія Святаго Духа, завиваютъ березки вѣнками и обвязываютъ оныя, какъ чайтельно съ нѣкимъ суевѣрнымъ упованіемъ и между тѣмъ чинятъ пиршества, скачки и пляски мужіе же и жены, и особливо въ высокаторжественный Сошествія Святаго Духа день, который надлежитъ христіаномъ препровождать со всякимъ благоговѣніемъ и веселіемъ духовнымъ; а оныя безчинники въ столь великій и святой день вмѣсто подобающаго благоговѣнія, вышеупомянутыя березки, износя изъ домовъ своихъ, аки бы нѣкую вещь честную съ немалымъ людства собраніемъ провождаютъ по подобію эллинскихъ пиршествъ: овінъ въ лѣса, овінъ же къ водамъ, и конъ къ водамъ ходятъ, оныя вѣнки съ нѣкимъ суевѣрнымъ упованіемъ пуцають въ рѣки» ⁵⁾.

Въ первый понедѣльникъ Петрова Поста, по словамъ извѣстнаго

¹⁾ Тр. Кіев. Дух. Акад. 1871 г., т. 4, стр. 11.

²⁾ Поэт. возр. слав. на прир., Аванасьева, т. 1, 548, 650, 743.

³⁾ Поэт. возр. слав. на прир., Аванасьева, т. III, 702—703 стр.

⁴⁾ Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г., т. 4, стр. 26.

⁵⁾ «Жив. Стар.» 1890 г., в. I. «О народныхъ забавахъ въ Москвѣ и другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день».

историка С. М. Соловьева, бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: провожаніе русалокъ; женщины снаряжали изъ соломы два чучела въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвцы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицы. Здѣсь распѣвались хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучеломъ плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу—русалку дѣвцы принимали въ свои руки для защиты, а замужнія женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ или защищались сами отъ нападенія. Войцы изъ улицы переселялись въ поле, гдѣ побойше оканчивалось растерзаніемъ чучель и разбрасываніемъ соломы по полю ¹⁾.

Объ этомъ понедѣльникѣ находится упоминаніе и въ Стоглавѣ, что въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ роцѣ ходили и въ наливкахъ бѣсовскія потѣхи дѣяли ²⁾. Въ Киевской губ. въ первый понедѣльникъ Петрова поста крестьяне ничего не работаютъ; разсказываютъ, что у одного крестьянина, который выѣхалъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста пахать волами въ поле, издохли волы ³⁾.

И къ этому понедѣлнику приурочены остатки языческихъ праздниковъ въ честь темныхъ силъ природы, такъ какъ русалки, по первоначальному народному представленію, были не что иное, какъ души умершихъ, представительницы царства смерти, тьмы и холода ⁴⁾.

Вышеприведенные факты невольно наводятъ на ту мысль, что первый день въ недѣлѣ—понедѣльникъ посвящался нашими предками язычниками—темнымъ стихійнымъ силамъ природы: вѣдьмамъ, русалкамъ, душамъ умершихъ—т. е. царству смерти, тьмы и холода, точно такъ же, какъ четвертокъ посвящался богу громовнику—Перуну.

Недаромъ и доселѣ существуетъ такое повѣрье: «Ны годятся въ понедѣлокъ и въ четвергъ сыривцу вварюваты: въ тымъ сыривци будэ нычыста сила купатыся и страву соби зъ его вариты»... ⁵⁾.

Естественно, что день, посвящаемый темнымъ божествамъ, въ понятіяхъ язычника не могъ быть счастливымъ днемъ. Отсюда вѣрованіе въ понедѣльникъ, какъ въ тяжелый день. Укрѣпленію этого вѣрованія въ народѣ съ принятіемъ христіанства способствовали: 1) Историческая причина, указанная нами въ началѣ настоящаго очерка. 2) Посвященіе понедѣльника Церковію безплотнымъ силамъ. 3) Западныя сочиненія астрологическаго характера.

Такъ какъ въ понедѣльникъ, какъ въ тяжелый день, нельзя было ничего дѣлать, то естественно, что въ понятіяхъ народа онъ отождествился съ праздникомъ, тѣмъ болѣе, что, согласно нашему предположенію, онъ у нашихъ предковъ язычниковъ зачастую былъ и на самомъ дѣлѣ праздникомъ, какъ мы видѣли это выше.

Обычай поститься въ понедѣльникъ возникъ, по всей вѣроятности, на первыхъ же порахъ распространенія на Руси христіанства подъ вліяніемъ пастырей церкви, старавшихся изгладить изъ народной памяти воспоминаніе о тѣхъ языческихъ празднествахъ, какія совершались въ нѣкоторые изъ «понедѣльниковъ».

Укрѣпленію послѣдняго обычая способствовали и различныя монастырскіе уставы, сильно распространенные и до сихъ поръ между нашими старообрядцами.

Во всѣхъ такихъ уставахъ самый строгій постъ налагается въ понедѣльники, въ среды и въ пятки. Неудивительно, что обычай «понедѣльничать» сохранился преимущественно у нашихъ раскольниковъ или у лицъ, придерживающихся раскола.

А. Баловъ.

¹⁾ «Жив. Стар.» 1896 г., в. I. «Нъ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ купальскихъ обрядовъ и игрищъ», стр. 140.

²⁾ Руков. для сел. пастырей 1860 г., т. III, стр. 140—144.

³⁾ Тр. Киев. Дух. Ак. 1871 г., т. 4, стр. 38.

⁴⁾ «Жив. Стар.» 1896 г., в. I.

⁵⁾ Этн. Обзор. XXXII, стр. 40.

Суевѣрія.

Какъ наши деревенскія опахивали въ халерный годъ деревню, собираются двѣ старухи и нѣпримѣнно чтобы были вдовы, приглашаютъ нѣсколько дѣвушекъ, еще нѣсколько молодыхъ бабъ, у которыхъ мужья живутъ на сторонѣ, надѣютъ мужскія рубахи безштановъ, старухи зачесываютъ къ верху волосы, садятся на помяло верхомъ, нѣкоторыя на качергу, нѣкоторыя молодыя берутъ топоръ, ухватъ, серпъ, берутъ соху, заходятъ на край деревни за сарай, чтобы полиція была отваломъ отъ деревни вонъ и закричатъ: зарублю, засѣку. Это дѣлается въ 11 часовъ ночи, который человѣкъ запоздалъ гдѣ нибудь въ лѣсу или въ полѣ, то боится этой безумной толпы, спрячется или воротится назадъ. Это я самовидецъ, когда я былъ годовъ семнадцати, я сталъ ихъ упрекать послѣ, но они мнѣ отвѣчали: это такъ надо. Я довелъ досвѣднія священника, тотъ заплакалъ и говорить, что это суевѣріе кощунство, вслучае если это будетъ повторится, то ихъ отдамъ подсудъ, а я покелся, что донесу. Стали меня бояться, какъ огня. Боліе это не стало повторится. Верюгь колдунамъ и ворожѣмъ, что можетъ колдунъ присодить килу и можетъ испортить всю свадьбу, сдѣлать ихъ обратными волками. Когда ѣдутъ къ вѣнцу, то велятъ жениху, чтобы онъ ѣхалъ вѣнчаться безносея поголому тѣлу обвязываютъ сакомъ и кладутъ за назуху богородицень сонъ, это потому насоку много крестиковъ. Нѣкоторыя вруны нестыдились мнѣ говорить лично, что видѣли оборотневъ. Я давалъ двадцать руб. и принималъ всѣ расходы и говорилъ: поѣдимъ вту деревню, гдѣ это есть, отмѣни выходятъ съѣстими словами остыжонныя, поклоняются молодому мѣсяцу, приговариваютъ: ахъ молодой мѣсяцъ, тѣбѣ золотыя рога, а мнѣ доброе здоровье. Я говорилъ нешто мѣсяцъ быкъ, скѣмъ ему бодатся. Онѣ говорятъ что старики клавились, вонъ дѣдушка Николай, я ходилъ къ дѣдушкѣ Николаю, тутъ былъ начетникъ, а этой глупости придерживался. Я ему сказалъ что говорится въ первой заповѣди, онъ раскался и все это бросилъ, но заэто вдругой разъ достается мнѣ отъ моихъ мѣрянъ, называютъ меня и дуракомъ и пивѣрующимъ, но я бодрствую. Если человѣкъ заблудится въ лѣсу, то это онъ несамъ заблудился, а его завелъ лѣсовикъ. А ты ево видилъ? да нешто его увидишь, воть дуракъ, ты хочешь и чорта увидать, воть я ему хвостъ наломалъ за это, чтобы онъ другихъ неуталъ. Вѣрюгь что человѣкъ можетъ зглазить кого угодно. Заболеетъ ребенокъ или кокая скотиннина, тогда идутъ къ ворожѣ, къ старику, или къ старухѣ, ославленному, поэтому дѣлу тѣ приѣзжаютъ за несколько десятковъ верствъ, рассказываютъ проболѣзнь, тотъ принимается ворожить, беретъ ковшикъ воды, опускаетъ туда кусочекъ кирпича сухова, когда кирпичекъ сядетъ надно, то кирпичъ въ бираетъ въсебя воду, выходятъ пузырьки, тогда онъ на начинаеть на дводой нашептывать разныя нелѣпности, приполъ который бѣдный годать, стоитъ ниживой нимертвой, тогда вливаютъ воду въ бутылку и велятъ утромъ и вечеромъ сирисковать, понемѣніе за это ворожѣ пользуется 20 коп. гляди нососостояню до руб. и выше; присѣканіе поесникъ, что я насѣбѣ испыгалъ, когда я былъ молоденкимъ какъ то я стронулъ поеснику такъ, что нельзя было ходить, меня мать посылаетъ, сходи къ бауникѣ Маврѣ, она тебѣ присечетъ. Я приполъ, она беретъ венникъ и топоръ, отворила дверь, говоритъ: ложисъ напорогъ и легъ напорогъ, самъ затресся, какъ кленовъ листь отстраху, но адѣлать нечиго, опирацію перенесъ надо, положила вѣникъ мнѣ на спину, начинаеть рубить по вѣнцу, и началъ стоять и охатъ, слезы у меня какъ градъ отъ болѣзни разумеется съ меня къ стуся вода, разумеется гляжу на это бѣзуміе, съ тѣхъ поръ я сталъ вникать въ эти дуратскія продѣлки, черезъ три дня она и сама зажгла. Ежели несадится курится выводить цыплятъ по раньше весной, то нѣкоторыя хозяйки наливають въ кушинъ воды, въ кушинъ окунаеть вѣничекъ и брызгаетъ, гдѣ сидятъ куры наносѣдали, сама приговариваетъ нѣсколько разъ, хлопокъ, тогда отъ этого все куры готовы садится въ насѣдки. Если лѣтомъ каркаетъ ворона, это нѣпримѣнно къ дождю, валиется собака къ дурной погодѣ, идетъ крупный дождикъ, то въ лощинахъ въ скакивать пузырьки тоже къ дождю, я увирилъ что открупнаго удара дождя вскакивають пузырьки, я ударилъ лощкой пощамъ то вскомилъ пузырь.

Мос(к.) губ. Версек. уез. Рудневской вол. деревни Ожигова
Прохоръ Васильевъ Кузнецовъ.

Заговоръ крови.

Одинъ есть у насъ въ деревни заговорщикъ, ему годовъ 75, я просидя: обучи меня заговаривотъ, но онъ знаетъ что я насмѣшникъ поэтимъ штукамъ, такъ какъ твоя снаха разрѣзала косою ногу вжиду, тоты крови не заговорилъ, отъ правили ее въ клинники въ больницу, тамъ ее вылчили, то стыдно тебѣ такіе штуки дѣлать старику. Когда ходять по лѣсу и кукукаетъ кукушка, тогда спрашиваютъ: кукушка, кукушка многоль мнѣ жить; другому очень много на кукукаетъ, то онъ радъ. а которому мало, то онъ идетъ печальный.

Многоуважаемый тружаникъ Василій Ильичъ, это я вамъ пишу неложно по такому случаю мнѣ лгать отбога грѣшно и стыдно, потому что мнѣ отъ роду 57 лѣтъ и былъ старшиной 6 лѣтъ, имею 2 знака темно бронзовую медаль заохрану покойнаго Александра 3-го серебряную медаль за усердную службу, умѣю считать по чухонски и понѣмѣцки, обучился самоучкой грамоти, когда мнѣ было 23 года, умения были дѣти; если описать мнѣ всю жизнь свою отъ рожденія моего, то повѣрте фельитонъ вышелъ бы не дурной. За симъ письмомъ остаюсь живъ и здоровъ преданной квамъ *Прохоръ Кузнецовъ* 1).

Накануне Ивана Купальника.

Есть и тутъ суеверіе между обедней и заутреней берутъ девушкѣ чистыя полотенцы, тоскають его поросѣ, когда дѣлается полоденце макрое, тогда отжимають его въ какое нибудь блюдо и переливають въ бутылку; у кова забодять голова или глаза, то ей мажутъ, будтобы это целительная вода. Есть еще суеверіе-есть сторожилы острыгаютъ ногти также есть и молодые съ рукъ и сногъ гладуть себе въ пазуха. Я спрашивалъ, на что такъ дѣлаете, они говорягъ, что мы на сіонскія горы будемъ лазить. Да гдѣ жѣ такія сіонскія горы ты заметишь. вотъ теперь унасъ проходитъ жел. дорога. Кто захворалъ, то это говорятъ, что отъ хохловъ. Я бы вамъ давно написалъ да не разбиремъ вашу руку. Остаюсь преданный вамъ П. К.

Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ.

Въ одномъ изъ выпускныхъ журн. «Живая Старина» за 1897 годъ. было помѣщено нѣсколько былинь, записанныхъ А. Александровымъ отъ жителя с. Рыбнаго (на р. Ангарѣ) Енис. губ. и уѣзда. Въ дополненіе къ нимъ я прилагаю здѣсь былину, записанную мною въ 1893 году отъ Андр. Тит. Анапнина, крестьянина т. Ужурия Ачинск. уѣз., Енис. губ.

Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ!
Не ходи-ко, мое дитятко, на конюшенъ дворъ,
Но имай, мое дитятко, кони добраго,
Ко крыльцу-то не подводи, да не осѣдывай,
Не подтягивай двѣнадцать подиругъ шелковыхъ,
Не ѣзди, мое дитятко, вдоль по улицѣ,
Не подѣзжай, мое дитятко, ко кружалому,—
Къ государеву кабаку:
Для тебя, мое дитятко, зелье налажено,
Въ зелено вино намѣшано..
Не послушался де Здунай родимой матушки;
Пошелъ де Здунай на конюшенъ дворъ,

1) Правописание подлинника сохранено вполнѣ. Только для удобства чтенія мы поставили знаки препинанія, въ оригиналѣ ихъ не имѣется. Прибавимъ, сл. фельбетонъ такъ уже обнаружилось, что уже является крестьяне съ прозвищемъ съ фамилією Фельбетонъ. Прозвище дано вѣрно сосѣдами за частое имѣ шеголянне этимъ словомъ. *Ред.*

Имать *) себѣ коня добраго,
 Онъ сѣдло-то одѣвалъ, самъ осѣдливаль,
 Онъ подтягиваль двѣнадцать подиругъ шелковыхъ
 Не для красы *), а для богатырской сѣдлости,
 Поѣхаль-де Здунай вдоль те улицъ,
 Приворачиваль де Здунай ко кружалому,—
 Тутъ всѣ товарищи зрадовалися *;
 Они брали Здунай за бѣлы руки,
 Подносятъ ему Гору зелена вина,
 По краямъ этой чарочки огонекъ горить,
 Во середкѣ то змѣи шинить.
 Береть-де Здунай эту пару правой рученькой,
 Тутъ ему матушка на умъ пала, вразумилася.
 Права рученька опустилася
 Зелена вина Чара проливалася **).

Сходный мотивъ встрѣчается въ восточныхъ сказаніяхъ. На Кавказѣ въ кабардинскомъ сказаніи отравленіе (собственно попытка отравить) приурочено къ нарту Иши-Бадиного (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, изд. кавк. горскаго управления, Тифлисъ, 1871, вып. V, отд. II, ст. «Изъ кабардинскихъ сказаній о нартахъ», стр. 59). Нартъ Иши-Бадиного собирается въ богатырскую поѣздку; «осѣдлавъ коня, подтянувъ подпруги, онъ вооружается, садится на коня и выѣзжаетъ». Матери, дающей совѣтъ не пить дорогой вино, въ кабардинскомъ сказаніи нѣтъ. Нартъ встрѣчаетъ пастуха (на перекресткѣ семи дорогъ), потомъ служанку, идущую за водой, потомъ госпожу Сатанэ ¹⁾; всѣ они поочередно зыываютъ его заѣхать въ домъ Элиговыхъ, гдѣ пируютъ нарты ²⁾ «съ княземъ—дѣдушкою въ главѣ»; въ подстроичномъ примѣчаніи записавшій сказаніе говоритъ: «Такъ названъ, вѣроятно, проживавшій въ томъ аулѣ старѣйшій нартъ; да да (дѣдушка) называютъ отца или почтеннаго какого-либо старца Иши-Бадиного три раза отвергаетъ приглашеніе, но потомъ сдается и заѣзжаетъ на пиръ; нарты наливаютъ въ чашу вина, опускаютъ въ нее три змѣи и подносятъ ее нарту Иши-Бадиного. Увидѣвъ змѣй на днѣ чаши, Иши-Бадиного выросилъ себѣ стальные усы, прикололъ ими къ дну чаши «змѣй, прозительно шинѣвшихъ» и выпилъ вино ³⁾.

Въ сказкѣ черневыхъ татаръ «Алтынъ-Кокъ», записанной г. Андриановымъ въ мѣстности Чегораль (и напечатанной у Потанина, Очерки с.-з. Монголии, вып. IV, стр. 556—565) богатырь Алтынъ-Кокъ получаетъ свыше совѣтъ жениться на дочери Карагаты-Кана; богатырь беретъ благословеніе отъ родителей, садится на коня и ѣдетъ. Карагаты-Канъ лежитъ въ своей юртѣ и не поворачивается; не повернулся и при входѣ Алтынъ-Кока. «Семь лѣтъ передъ нимъ стояли двѣ сестры имбельдэй (коддуньи) и сватали за своего сына его дочь; онъ (Карагаты-Канъ) неповорачивался; лежитъ какъ гора. При входѣ Алтынъ-Кока одна изъ имбельдэй налила чашку арака (вина) и поднесла ему, а въ чашкѣ плаваешь волосъ; жена Карагаты-Кана, увидѣвъ это, вырвала чашку и выплеснула вино—на томъ мѣстѣ земля прогорѣла насквозь (стр. 559).

*) «Жив. Стар.», вып. I.

**) Слово со звѣздочкой—общеупотребительны у крестьянъ сибиряковъ. Макаренко.

¹⁾ Сказочникъ даетъ женщинѣ Сатанэ прозвище: собесѣдница фасоли, т. е. гадальщица (на бобахъ), а Иши-Бадиного обзываетъ ея вѣдомой и коварной заговорщицей, (буквально: составительницей ядовъ). У горцевъ сѣвернаго Кавказа записаны названія для созвѣздія Орионъ: чурекъ женщины Сати и для Млечнаго пути: солома женщины, Силасатэ. О Сати говорятъ, что это мудрая женщина, о которой часто упоминается въ народныхъ сказаніяхъ, то есть Сати отождествляется самимъ народомъ съ Сатанэ. (Потанинъ. Очерки с.-з. Монголии, вып. IV, стр. 723 и 741). Не се ли же слѣдуетъ разумѣть и подъ именемъ Силасатэ?

²⁾ Народное осетинское повѣрье пиръ нартовъ видитъ въ созвѣздіи Плеяды (см. Очерки с.-з. Монг. IV, 730). На нѣкоторыхъ татарскихъ нарѣчіяхъ Плеяды называются Шлекъ (ibid., 729).

³⁾ Въ книжномъ монгольскомъ сказаніи Есугай, отецъ Чингисъ-хана заѣхаль къ пирующимъ людямъ племени Дада, и они отравили его. Ориенталисты отождествляютъ имя Дада съ общезвѣстнымъ именемъ Татары.

Въ русскихъ сказкахъ этотъ мотивъ тоже есть, именно у Афанасьева въ сказкѣ № 119 «Притворная болѣзнь» (Народн. русскія сказки, изд. 1897 г. т. II, стр. 15) и у Верхратскаго въ сказкѣ о Каролѣ (записки наукового товариства имени Шевченка під. ред. Мих. Грушевского, т. XXIX (1899, т. III). Львовъ. Знадоби до пізнання угорсько-руськихъ говорів, подав Іоан. Верхратський, стр. 138 — 145. Въ первой сказкѣ мать Ивана царевича живеть въ связи съ Огненнымъ царемъ; она хочеть отравить сына ядовитой лепешкой; Иванъ царевич беретъ поданную лепешку, но одна изъ двухъ его собакъ выхватила ее у него изъ рукъ; онъ беретъ у матери другую лепешку, другая собака вырываетъ ее; третью лепешку онъ откусилъ, съѣлъ кусокъ и тутъ же умеръ. Вислѣдствіи невѣста оживляетъ Ивана царевича. Въ русинской сказкѣ у Верхратскаго странствующій Кароль находитъ въ лѣсу старца отшельника, получаетъ отъ него въ даръ трехъ собакъ: Дуная, Драву и Тису, потомъ попадаетъ въ крѣпость, въ которой живутъ «псьюглавци» Кутя-Татаре; они посадили Кароля за столъ ѣсть, Кароль плеснулъ одну ложку псу, тотъ не сталъ ѣсть и помахалъ головой; Кароль понялъ, что предложеннаго кушанья не слѣдуетъ ѣсть (стр. 140). Собаки эти были не простыя; это были зачарованныя души. Когда Кароль отрубилъ у нихъ головы, изъ нихъ вылетѣли голуби и улетѣли въ небо. Послѣ эпизода съ псоголовцами слѣдуетъ другой: Кароль освобождаетъ царевну отъ чертей, которымъ она была обѣщана по недоразумѣнію.

Сколько мнѣ извѣстно, записей былины о Дунаѣ съ мотивомъ отравленія до сей поры не было и отрывокъ, записанный г. Макаренко въ Сибири, впервые привизываетъ этотъ мотивъ къ имени Дуная. Объ этомъ богатырѣ былъ извѣстенъ только разсказъ, какъ онъ распоролъ животь своей женѣ, вынулъ изъ него младенца съ золотыми конечностями и потомъ убилъ самого себя; изъ раны на тѣлѣ самого богатыря потекла рѣка Дунай, изъ его жены рѣка Нѣпра (Дѣвирь). Случайно ли это приуроченіе двухъ мотивовъ къ Дунаю, или они уже стояли вмѣстѣ въ древней редакціи сказанія объ этомъ богатырѣ? Приведенныя выше сказки не даютъ матеріала для рѣшенія этого вопроса. Они представляютъ комбинаціи мотивовъ, между которыми нѣтъ ничего общаго, кромѣ мотива отравленія. Только въ русинской сказкѣ о Каролѣ замѣчается болѣе, чѣмъ одно совпаденіе.

1) Въ русской былинѣ Дунай заѣзжаетъ на кружало, гдѣ ему подають отраву въ винѣ. Въ русинской сказкѣ псоголовцы пытаются отравить Кароля 1).

2) Въ русской былинѣ двѣ рѣки Дунай и Дѣвирь потекли изъ раиъ богатыря и его жены. Въ русинской сказкѣ три собаки, которымъ въ концѣ сказкѣ отрублены головы, называются именами рѣкъ: Дунай, Драва и Тиса 2).

Эпизоды съ женщиной въ былинѣ и сказкѣ не сходны. Въ былинѣ распарываніе живота у женщины, въ сказкѣ спасеніе женщины, отсуленной чертямъ. Конечно, можно придумать переходы между этими мотивами: 1) вырѣзываніе изъ утробы женщины младенца, зачатого отъ нечистой силы; 2) распарываніе живота женщины, одержимой чертями, съ цѣлью очистить ее утробу отъ нечистаго содержанія (отъ змѣй и гадовъ) и 3) освобожденіе женщины, обреченной чертямъ. Но это только предположеніе, которое останется предположеніемъ, пока не будетъ установлена преемственная связь между тремя выставленными мотивами.

Г. Потанинъ.

1) Дунай во-время вспомнилъ слова матери, которыя предостерегали его не пить вина на кружалѣ. Каролю сдѣлала предостереженіе собака. Можетъ быть и въ трехъ собакахъ Кароля скрывались какія-нибудь родственныя ему души. Въ сказкахъ иногда несчастному герою помогаютъ, вызволяютъ его изъ бѣдственнаго положенія и даже воскрешаютъ или три собаки или три дѣвицы; въ монгольской книжной повѣсти три дѣвицы, постоянно оказывающія покровительство Гэсеру, называются его небесными сестрами.

2) Когда Кароль отрубилъ собакамъ головы, изъ нихъ вылетѣли три голубя и улетѣли на небо; изъ обезглавленнаго тѣла отшельника улетѣлъ на небо золотой голубь. Это можетъ быть видоизмѣненіе народной легенды о созвѣздіи Оріонъ, въ которомъ народное повѣрье видитъ животныхъ, поднятыхъ съ земли на небо; по монгольскому повѣрью богатырь Кобундей гнался съ двумя собаками за тремя оленями; Богъ сжалился надъ животными и всю группу оленей, собакъ и охотника поднялъ на небо; это и есть теперь созвѣздіе Оріонъ. Другая монгольская легенда, въ которой охотникъ названъ именемъ Гомбо, три оленя находятъ покровительство у отшельника, находящагося въ пещерѣ. Если три оленя Оріонъ, то въ отшельникѣ нельзя ли увидѣть неподвижно стоящую Полярную звѣзду (въ имени которой иногда встрѣчается членъ алтынь, «золотой»?)